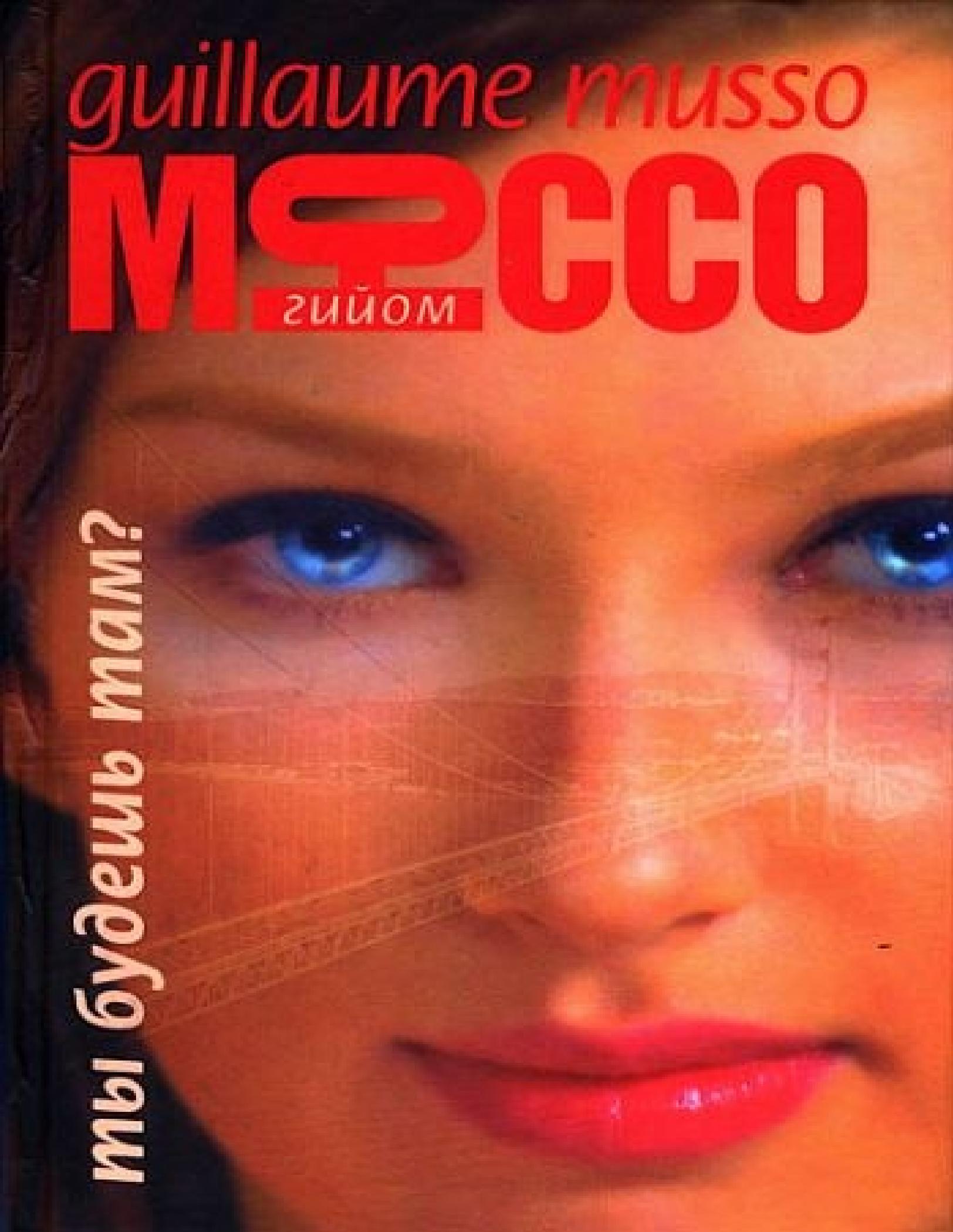

guillaume musso

MUSCO
МУССО

мы будемь там?

Annotation

Сан-Франциско. Талантливый хирург не может смириться со смертью любимой женщины. Это случилось тридцать лет назад, но его все еще мучает горечь утраты. Когда теряешь все, что тебе дорого, и жизнь кажется бессмысленной. Когда все пути сходятся в одной точке. Когда исход predetermined. Одно слово может все изменить. Ты думаешь, все, что тебе нужно, — это вернуться назад. Но кто ждет тебя там? Sensation в мировой литературе! Современный французский писатель Гийом Мюссо 6 лет подряд занимает первые строчки рейтингов, вошел в десятку самых продаваемых авторов в Европе. По его книгам снято 4 художественных фильма. Произведения Мюссо переведены на 31 язык мира, общий тираж — 5 000 000 экземпляров.

- [Гийом Мюссо](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5 Вторая встреча](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11 Третья встреча](#)
 - [12](#)
 - [13 Четвертая встреча](#)
 - [14 Пятая встреча](#)
 - [15 Шестая встреча](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19 Седьмая и восьмая встречи](#)
 - [20 Последняя встреча](#)
 - [21 Жизнь без тебя...](#)

- - [22](#)
 - [23](#)
 - [24 Последняя пилюля](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
-

Гийом Мюссо

Ты будешь там?

Все мы хотя бы раз в жизни задавались вопросами...

Если бы я мог вернуться в прошлое, что бы я хотел изменить в нем?

Если бы я мог что-то исправить, какие ошибки я постарался бы не совершать?

Как избежать горя, сожалений, угрызений совести?

Решился бы я кардинально изменить свою жизнь?

Каким человеком я мог бы стать?

Какой бы выбрал путь?

И вместе с кем я бы захотел его пройти?..

Пролог

Северо-восток Камбоджи

Сезон дождей

Сентябрь 2006 года

Вертолет Красного Креста приземлился в условленное время.

Гнездившаяся на высоком плоскогорье деревушка, окруженная лесом, насчитывала около сотни неказистых бревенчатых домиков. Местечко казалось забытым, затерянным во времени и пространстве, слишком далеким от туристических зон Ангкора и Пномпеня. Воздух был влажным, жидкая грязь покрывала землю.

Пилот не стал выключать двигатель. Его задачей было доставить в город группу медицинских работников гуманитарной помощи. При нормальной погоде это было несложно. Но на дворе уже стоял сентябрь, и проливные дожди, не прекращавшиеся ни на минуту, осложняли управление вертолетом. Топлива оставалось немного, только на обратную дорогу.

Если не задерживаться...

Два хирурга, анестезиолог и медсестры выбежали из импровизированного диспансера. За последние недели они посетили несколько крошечных деревень. В этом удаленном уголке мира, полном опасностей, угрожающих человеческой жизни, они лечили больных малярией, СПИДом и туберкулезом, ставили протезы...

По знаку пилота четверо медработников забрались в вертолет. Последний же, мужчина лет шестидесяти, немного отстал, глядя на группу камбоджийцев, окруживших готовую к взлету машину. Он никак не мог решиться сесть в кабину.

— Пора, доктор! — прокричал пилот. — Если мы не вылетим сейчас, вы опоздаете на самолет.

Врач наклонил голову, соглашаясь. Он уже собирался забраться на подножку, когда увидел ребенка на руках у старика. Сколько лет было мальчику? Два годика? От силы три. Его маленькое личико пересекал вертикальный рубец, который расщеплял верхнюю губу. Этот врожденный порок обрекал ребенка на пожизненное питание кашей и супами и исключал для него всякую возможность говорить.

— Поторопитесь, пожалуйста, доктор! — попросила медсестра.

— Мальчика надо оперировать! — ответил он, пытаясь перекричать шум вращающихся над их головами лопастей вертолета.

— У нас нет времени! Дороги размыты дождями, а вертолет сможет прилететь за нами только через несколько дней!

Но врач не двигался с места, не в силах оторвать взгляд от ребенка. Он знал: согласно древним обычаям, родители часто бросали больных детей. А оказавшись в приюте, малыши редко попадали в приемные семьи: кому нужны отстающие в развитии дети?

Медсестра попыталась образумить доктора:

— Послезавтра в Сан-Франциско вас ждут. У вас очень плотный график: операции, конференции и...

— Отправляйтесь без меня, — решительно произнес врач, отходя от вертолета.

— Тогда я тоже остаюсь, — сказала медсестра, спрыгнув на землю.

Ее звали Эмили. Молодая американка работала вместе с доктором в той же больнице.

Пилот вздохнул и покачал головой. Вертолет поднялся в воздух и замер на несколько секунд, перед тем как взять курс на запад.

Врач взял бледного, съезжившегося ребенка на руки и в сопровождении медсестры отнес его в диспансер. Попытался отвлечь и успокоить мальчика разговорами, а затем сделал анестезию. Как только ребенок погрузился в сон, доктор с помощью хирургического ножа отсоединил две половинки мягкого нёба и сшил их вместе. То же он проделал и с губами, чтобы мальчик мог нормально улыбаться и говорить.

Закончив операцию, врач вышел на веранду, устланную сухими листьями. Операция была долгой. К тому же он не спал два дня. Доктор почувствовал, как накатила усталость. Он сел, закурил и внимательно осмотрелся. Дождь уже закончился, и в просвет между облаками полился ослепительный поток пурпурно-оранжевого света.

Доктор не жалел, что остался. Каждый год он выезжал на несколько недель в Африку или Азию под эгидой Красного Креста. Эти акты гуманитарной помощи, конечно, отражались на здоровье, но были ему необходимы, так как позволяли вырваться из размеренной и тоскливой жизни заведующего отделением одной из калифорнийских больниц.

Давя окуроч в пепельнице, доктор ощутил за спиной чье-то присутствие. Повернувшись, он увидел старика — того самого, который при отправлении вертолета держал на руках больного ребенка. Вождь местного племени, Кмер. Старик был одет в национальную одежду, спина

его была ссутулена, а лицо испещрено морщинами. В качестве приветствия он поднес к подбородку сложенные вместе ладони и посмотрел врачу прямо в глаза. Потом жестом пригласил следовать за ним. В хижине старый камбоджиец предложил мужчине стакан рисовой настойки. И только тогда произнес первые с момента их встречи слова:

— Его зовут Лу-нан.

Врач понял, что речь идет о мальчике, которого он только что прооперировал.

— Спасибо, что позаботились о ребенке, — добавил старик.

Доктор скромно принял это простое, но искреннее выражение благодарности и, немного смущенный, отвел глаза в сторону. Сквозь незастекленный оконный проем был виден тропический лес, густой и зеленый, который раскинулся сразу за хижинкой. Было странно думать, что всего в нескольких километрах отсюда, немного выше, в горах Ратанакири, жили тигры, змеи, слоны...

Погруженный в свои мысли, врач не сразу понял смысл следующей фразы, сказанной старым камбоджийцем:

— Если бы одно ваше желание могло исполниться, чего бы вы пожелали?

— Простите?

— Чего бы вам больше всего хотелось в жизни?

Доктор попытался подобрать подходящий к такой ситуации остроумный ответ, но внезапно его охватили усталость и смятение.

— Я бы хотел еще раз увидеть одну женщину... — неожиданно сказал он.

— Женщину?

— Да, женщину всей моей жизни...

И в этот миг в уединенном, потерянном местечке, вдали от цивилизации Запада, что-то важное произошло между двумя стоявшими друг напротив друга людьми.

— Вы знаете, где сейчас эта женщина? — спросил старый Кмер, удивленный столь простым желанием врача.

— Она умерла тридцать лет назад.

Старик слегка нахмурил брови и погрузился в глубокое раздумье. После минутного молчания он не спеша прошел в глубь комнаты — туда, где на шатких полках лежали в беспорядке предметы его гордости: засушенные морские коньки, корень женьшеня, ядовитые змеи, погруженные в раствор формалина...

Через некоторое время Кмер наконец нашел то, что искал.

Подойдя к врачу, он протянул ему маленький пузырек из дутого стекла.

В нем было десять крошечных пилюль золотистого цвета...

1

Первая встреча

*В один прекрасный вечер будущее становится
прошлым.*

И тогда оглядываешься назад — на свою юность.

Луи Арагон

*Аэропорт Майами
Сентябрь 1976 года
Элиоту 30 лет*

Сентябрьское воскресенье во Флориде. Кабриолет «тандерберд»^[1] мчится по дороге к аэропорту. За рулем молодая женщина. Ее волосы развеваются на ветру. Она обгоняет несколько машин и притормаживает у входа в зал вылета, чтобы высадить пассажира. Тот достает из багажника сумку и наклоняется, чтобы поцеловать женщину. Дверь захлопывается, и мужчина исчезает в стеклянно-металлическом здании аэропорта.

Его зовут Элиот Купер. Это симпатичный и стройный мужчина. Кожаная куртка и растрепанные волосы придают ему мальчишеский вид. Он работает врачом в Сан-Франциско.

Элиот уверенным шагом направляется к столу регистрации, чтобы получить посадочный билет на рейс Майами—Сан-Франциско.

— Могу поспорить, что ты уже по мне скучаешь...

Застигнутый врасплох этим до боли знакомым голосом, мужчина резко оборачивается.

В изумительных изумрудных глазах женщины сквозят уязвимость и молчаливый вызов. На ней джинсы с низкой талией, замшевая куртка с надписью «Peace and Love»^[2] и футболка цвета бразильского флага. Бразилия — ее родина.

— Когда в последний раз я тебя целовал? — спрашивает Элиот, прикасаясь губами к ее шее.

— Всего минуту назад.

— О нет! Целую вечность...

Он обнимает ее и страстно прижимает к себе.

Ее зовут Илена. Это женщина его мечты. Он знает ее уже десять лет и всем хорошим, что случилось в его жизни, обязан ей: она помогла ему найти свое место в жизни, стать общительным и открытым.

Элиот удивлен, что Илена пришла проводить его. Влюбленные уже давно решили избегать долгих сцен прощания, осознавая, что эти несколько минут доставляют в итоге больше боли, чем радости.

Их отношения складываются не так-то просто: она живет во Флориде, а он — в Сан-Франциско. Их разделяют четыре часовых пояса. Между ними четыре с лишним тысячи километров, которые пролегали между Восточным побережьем и Западным.

Конечно, после стольких лет знакомства они могли бы давно жить вместе, но так и не решились на это. Сначала Элиот и Илена боялись, что спокойная совместная жизнь лишит их того острого ощущения счастья, которое они испытывали во время коротких встреч. А потом каждый стал заниматься любимым делом. Один на побережье Тихого, а другой — Атлантического океана.

После нескольких лет учебы Элиот получил должность хирурга в больнице Сан-Франциско. Илена же работала ветеринаром в крупном дельфинарии — «Мир океана» в Орlando. Следила за здоровьем дорогих ее сердцу дельфинов и касаток. Одновременно работала в Гринписе. Основанная четыре года назад группой экологов и пацифистов, эта организация выступала в защиту окружающей среды и боролась против использования ядерного оружия. Илена вступила в Гринпис, чтобы принять участие в кампании против истребления китов и тюленей.

Итак, у каждого свой напряженный график работы, и скучать некогда. Но каждое новое расставание дается им тяжелее, чем предыдущее.

«Объявляется посадка на рейс семьсот одиннадцать до Сан-Франциско, выход номер восемнадцать».

— Это твой самолет? — спрашивает она, освобождаясь из его объятий. Он утвердительно кивает головой.

— Ты хотела мне что-то сказать перед отъездом?

— Да. Я с тобой до паспортного контроля. — Она берет его за руку. — Элиот, я знаю, что мир близок к катастрофе: холодная война, угроза со стороны коммунистов, гонка вооружений...

Она говорит это со свойственным ей южноамериканским акцентом, от которого он всегда был без ума.

Каждый раз, когда они расстаются, ему кажется, что он видит ее в последний раз, такую необыкновенно красивую и любимую.

— ...Истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей

среды, исчезновение тропических лесов...

— Илена...

— Да?

— К чему ты клонишь?

— Я хочу, чтобы у нас был ребенок, Элиот...

— И ты хочешь, чтобы мы занялись решением этого вопроса прямо здесь, в аэропорту?! У всех на глазах?!

Это все, что пришло ему в голову в качестве ответа. Он попытался отшутиться, дабы скрыть свое удивление. Однако Илене было вовсе не до смеха.

— Я не шучу, Элиот, я советую тебе серьезно об этом подумать, — говорит она и направляется к выходу.

— Постой! — кричит он, чтобы удержать ее.

«Мистер Элиот Купер, вас просят срочно пройти на посадку к выходу номер восемнадцать».

— Черт! — произносит он сквозь зубы и решительно направляется к эскалатору.

Поднявшись наверх, он оборачивается, чтобы помахать ей рукой.

Сентябрьское солнце заливает зал.

Элиот ищет ее глазами, но она уже ушла.

* * *

К тому времени, когда самолет приземлился в Сан-Франциско, наступила ночь. Перелет длился шесть часов, и в Калифорнии было уже девять вечера.

Элиот собирался выйти из аэропорта и взять такси. Но вдруг почувствовал, что сильно проголодался. Взволнованный словами Илены, он не притронулся к еде, которую подавали в самолете. А холодильник дома, как обычно, пуст. На третьем этаже Элиот заметил заведение «Голден Гейт». Он несколько раз заходил сюда со своим лучшим другом Маттом, который часто летал на Западное побережье. Устроившись у стойки, мужчина заказал салат и бокал шардоне. Он устало потер глаза и попросил жетоны, чтобы позвонить из телефонной кабинки в глубине зала. Во Флориде уже было за полночь, но Элиот все же набрал номер любимой женщины. Она не ответила. Несомненно, Илена была дома, но, видимо, не хотела говорить.

«Можно было догадаться, что она не станет брать трубку. Я повел себя

как полный дурак...» — подумал он.

Однако Элиот не чувствовал сожаления. Ведь это правда: он не хотел детей.

И вовсе не из-за того, что не любил Илену. Нет, ее он обожал, и она отвечала ему взаимностью. Элиот считал, что одной любви тут недостаточно. В семидесятые годы двадцатого века человечество выбрало для себя гибельный путь. И он не хотел брать на себя столь тяжкую ответственность: отдать маленькое существо на растерзание этому жестокому миру, перевернувшемуся с ног на голову.

Но Илена даже слышать об этом не хотела.

Вернувшись к стойке, Элиот заказал кофе. Он нервничал и хрустел пальцами, даже не замечая этого. В кармане куртки он нащупал пачку сигарет и, не удержавшись, закурил.

Элиот знал, что пора прекращать курить. Все вокруг говорили о вреде табака. Еще пятнадцать лет назад ученые определили, что никотин вызывает зависимость, и, будучи доктором, Элиот прекрасно знал, что курильщики значительно чаще подвергаются раку легких и сердечно-сосудистым заболеваниям. Но, как большинство врачей, больше беспокоился о здоровье пациентов, чем о своем собственном. К тому же сигареты являлись признаком роскоши и культурно-социальной свободы. А это тоже чего-то стоит.

«Конечно, я брошу курить, — думал Элиот, выпуская струйку дыма, — но только не сегодня...» Он чувствовал себя слишком усталым, чтобы произвести над собой такое усилие.

Элиот скользнул рассеянным взглядом по окнам ресторана и вдруг увидел мужчину в странной пижаме голубого цвета, который смотрел на него сквозь стекло. Доктор прищурился, чтобы лучше рассмотреть странного человека. На вид мужчине было около шестидесяти. Небольшая, едва начавшая сесть борода делала незнакомца похожим на Шона Коннери. Элиот нахмурился. Что в столь поздний час забыл здесь этот человек в пижаме, стоявший босиком на каменном полу аэропорта?

Такие вопросы не должны были сильно беспокоить Элиота, но неизвестная сила заставила его подняться с места и выйти из ресторана. Похоже было, что пожилой мужчина заблудился: он вел себя так, словно оказался в совершенно незнакомом месте. Чем ближе Элиот подходил к нему, тем больше его охватывало чувство смущения. Он не признался бы в этом даже себе самому. Кто этот человек? Может, пациент, сбежавший из больницы? В таком случае Элиот как врач должен ему помочь...

Когда доктор приблизился к незнакомцу, он наконец понял, что его так

насторожило: тот напоминал ему отца, умершего пять лет назад от рака поджелудочной железы.

Пребывая в замешательстве, Элиот подошел ближе. Сходство с отцом было удивительным: та же форма лица, та же ямочка на щеке, которую унаследовал и его сын...

А вдруг это... отец...

Нет, надо взять себя в руки! Папа умер. Пять лет назад. Элиот сам присутствовал на кремации.

— Я могу вам помочь, уважаемый?

Мужчина отступил от Элиота на несколько шагов. Он тоже казался взволнованным. В нем чувствовались сила и в то же время какое-то безнадежное отчаяние.

— Я могу вам чем-то помочь?

В ответ незнакомец прошептал:

— Элиот...

Откуда он знал его имя? И голос...

Нельзя сказать, что отец и сын были близки. Но после смерти папы Элиот часто упрекал себя в том, что не постарался в свое время понять его.

Доктор был словно в дурмане и, сознавая всю абсурдность ситуации, спросил дрогнувшим голосом:

— Это ты, папа?

— Нет, Элиот, я не твой отец.

Как ни странно, ответ не успокоил молодого врача. Он словно предчувствовал, что самое поразительное произойдет позже.

— А кто же вы?

Пожилый мужчина положил руку ему на плечо. Глаза его сверкнули знакомым Элиоту блеском. Поколебавшись несколько секунд, он ответил:

— Я — это ты, Элиот...

Молодой врач отступил назад и замер, пораженный услышанным. Мужчина продолжил:

— Я — это ты, только через тридцать лет.

* * *

— Я через тридцать лет? — Элиот недоуменно развел руками. — Что вы хотите этим сказать?

Мужчина собирался ответить, как вдруг из носа у него пошла кровь и крупные капли упали на ворот пижамы.

— Запрокиньте голову назад! — приказал Элиот, вынимая из кармана салфетку, которую машинально прихватил с собой из ресторана, и прикладывая ее к носу мужчины. — Сейчас все пройдет.

Элиот пожалел, что у него не было с собой медицинского саквояжа. Но, к счастью, кровотечение вскоре остановилось.

— Пойдемте, вам надо умыться.

Мужчина пошел за ним, не говоря ни слова. Однако, когда они подошли к туалету, незнакомца начала сотрясать мелкая дрожь, похожая на ту, что сопровождает приступ эпилепсии.

Элиот хотел помочь больному, но тот резко оттолкнул его.

— Оставь меня! — выкрикнул мужчина, открывая дверь туалета.

Элиот решил подождать снаружи. Он чувствовал себя ответственным за этого странного человека и был обеспокоен его состоянием.

Удивительно, такое поразительное внешнее сходство, шокирующая фраза: «Я — это ты через тридцать лет», а сейчас кровотечение и судороги...

«Господи, ну и денек!» — подумал Элиот.

Молодой врач еще не догадывался, что его ждут новые сюрпризы...

Через некоторое время он решил зайти в туалет, чтобы узнать, как чувствует себя его новый знакомый.

— Эй, мистер?

Возле раковин, стоявших в ряд, не было никого. В туалете — ни окон, ни запасного выхода. «Значит, — решил Элиот, — он в одной из кабинок».

— Уважаемый, вы здесь?

Но ответа не последовало. Испугавшись, что незнакомец мог потерять сознание, Элиот стал открывать двери кабинок одну за другой.

В первой — никого.

Во второй — никого.

В третьей, четвертой... десятой — пусто.

Не понимая, куда мог деться мужчина, Элиот посмотрел на потолок: ни одна из панелей не была сдвинута.

Это было совершенно невозможно, но факт оставался фактом: незнакомец исчез.

Меня интересует мое будущее: там я собираюсь провести оставшиеся годы.

Вуди Аллен

*Сан-Франциско
Сентябрь 2006 года
Элиоту 60 лет*

Элиот открыл глаза. Он лежал поперек кровати. Сердце бешено колотилось. Он был весь в холодном поту.

Какой ужасный кошмар!

Обычно Элиот не помнил своих снов, но этот... Доктору приснилось, что, бродя по аэропорту в Сан-Франциско, он наткнулся на... своего двойника. Двойник был моложе его и, казалось, был не меньше его удивлен встрече. Все во сне было таким поразительно реальным, как будто доктор и вправду переместился на тридцать лет назад.

Элиот нажал кнопку пульта, чтобы открыть шторы, и встревоженно посмотрел на флакончик с маленькими золотистыми пилюлями, стоявший на ночном столике. Доктор открыл баночку. В ней было девять штук. Вчера перед сном он проглотил одну таблетку из чистого любопытства. Может, это она явилась причиной столь странных сновидений? Старый камбоджиец, который дал ему пузырек, уклонился от расспросов о действии пилюль. Единственное, что он сказал тогда: «Используйте строго по назначению».

Элиот с трудом поднялся с кровати и подошел к окну, из которого был виден приморский курортный комплекс. Отсюда открывался прекрасный вид на океан, остров Алькатрас и на Голден Гейт.^[3] Восходящее солнце заливало город то желтым, то красноватым светом. Парусники и грузовые суда уплывали в море под звуки туманного горна.^[4] Несмотря на ранний час, на широком газоне у берега моря на Марина Грин несколько человек занимались спортивным бегом.

Знакомый вид из окна немного успокоил Элиота. Пройдет несколько дней, и страшный сон обязательно забудется. Так оно и будет...

Но тут доктор увидел свое отражение в стекле: на вороте пижамы

виднелось темное пятно. Элиот изучил его более внимательно.

Кровь?

Сердце врача тревожно забилося. Наверняка во время сна у него пошла кровь из носа — это ему и приснилось. Такое часто бывает. Не стоит переживать...

Вновь обретя душевное равновесие, доктор пошел в ванную принять душ, перед тем как отправиться на работу. Включив воду, он ненадолго замер, углубившись в свои мысли. Комната наполнялась горячим паром. Что-то не давало Элиоту покоя. Что же? Он начал раздеваться и вдруг интуитивно засунул руку в карман пижамы. В нем лежала испачканная кровью салфетка с изображением самого известного моста Сан-Франциско. Внизу красовалась надпись: «Кафе „Голден Гейт“ — аэропорт Сан-Франциско».

Сердце его екнуло, и на этот раз ему не скоро удалось успокоиться.

* * *

Кто знает, может, причиной этих странных событий стала его болезнь?

Несколько месяцев назад, пройдя фиброскопию, Элиот узнал, что у него рак легких. По правде говоря, его это не удивило: он знал, что курение по пачке сигарет в день в течение сорока лет не может пройти безнаказанно. Доктор всегда понимал, какой опасности себя подвергает, и заранее смирился с возможным исходом. Он никогда не хотел и не пытался оградить себя от тех неприятностей, с которыми человек сталкивается на жизненном пути. С другой стороны, Элиот верил в судьбу: если что-то должно случиться, это произойдет. Человек не властен над судьбой.

У доктора была самая опасная разновидность рака — та, которая развивается быстро и почти не поддается лечению. В последнее время медицина сделала важные открытия в этой области, появились лекарства, которые позволяли продлить жизнь больных. Но в его случае было слишком поздно что-либо делать. Опухоль не была обнаружена вовремя, и исследования показали, что в других органах уже образовались метастазы.

Элиоту предложили пройти обычный курс лечения — химиотерапию и радиотерапию, — но он отказался. На этой стадии развития опухоли уже ничего нельзя изменить. Доктор должен был умереть через несколько месяцев.

До сегодняшнего дня он скрывал ото всех свою болезнь, но понимал, что рано или поздно придется все рассказать близким. Кашель все чаще

донимал его, боли в области ребер и плеч становились все сильнее; порою совершенно неожиданно его охватывала усталость, несмотря на то, что он имел репутацию человека с железным здоровьем.

Элиот боялся не боли, а реакции близких, в первую очередь двадцатилетней дочери Энжи и лучшего друга Матта, с которым всегда делился и радостями, и горестями.

Доктор вышел из ванной, быстро вытерся и открыл шкаф. Сегодня он выбирал одежду с особой тщательностью: хлопковая рубашка с короткими рукавами, привезенная из Египта, и итальянский костюм. В зеркале он увидел мужественного, хорошо выглядевшего для своих лет человека, на котором не отразилась даже тень болезни. До недавнего времени, благодаря своей несомненной привлекательности, Элиоту удавалось крутить романы с женщинами вдвое моложе его. Но эти отношения никогда не длились долго. Все, кто был близко знаком с Купером, знали, что для него в целом мире существовали только две женщины: его дочь Энжи и Илена.

Илена умерла тридцать лет назад.

* * *

Доктор вышел из дома. Воздух был пропитан солнцем, солеными волнами и ветром. Элиот замер на мгновение, восхищенный красотой зарождающегося дня, потом открыл гараж и проворно забрался в старый оранжевый «Фольксваген жук»^[5] — пережиток времени хиппи. Завел мотор и осторожно выехал на бульвар, поднялся по улице Филмор к викторианским домам Пасифик Хейтс.^[6] Крутые улицы Сан-Франциско представляли собой некое подобие американских горок, и лихачить на них любили многие. Но Элиот ехал осторожно: он уже был не в том возрасте, чтобы гонять по дорогам и выделять головокружительные виражи. Перед выездом на улицу Калифорния он повернул налево. Навстречу ему ехал автобус, доставлявший в Чайнатаун первых туристов. Не доезжая китайского квартала, доктор въехал на подземную стоянку, расположенную рядом со зданием собора Божественной Благодати, и подъехал к медицинскому центру «Ленокс», где проработал уже тридцать лет.

Элиот руководил отделением детской хирургии и считался влиятельным лицом в больнице. Эту должность он получил недавно, уже на склоне лет. На протяжении своей карьеры Элиот посвящал работе все время, стараясь, — что редко встречается среди хирургов, — видеть в

пациентах живых, чувствующих людей. Слава не соблазняла доктора, и он никогда не стремился установить выгодные для себя связи, играя с пациентами или коллегами в гольф или отправляясь с ними на уикенды на озеро Тахо. Он, собственно, и без этого имел хорошую репутацию. Когда дети других врачей нуждались в операции, в большинстве случаев обращались именно к Элиоту, что являлось безошибочным признаком уважения и доверия.

* * *

— Ты не мог бы проанализировать состав этого вещества? — Элиот протянул Самюэлю Белову, руководившему больничной лабораторией, пластиковый пакетик с крошками, которые извлек из пузырька с пилюлями.

— Что это?

— Вот ты мне и расскажешь, когда сделаешь анализ...

Доктор забежал в кафетерий, где принял первую за весь день дозу кофеина, и поднялся в здание, чтобы переодеться и присоединиться к своей бригаде: анестезиологу, медсестре и индийской студентке-практикантке. На этот раз их пациентом стал Жак, хрупкий семимесячный младенец, страдавший цианозом. Из-за болезни сердца, которая препятствовала обогащению крови кислородом, у мальчика был синюшный вид и неестественно напряженные пальцы.

Готовясь сделать надрез в грудной клетке ребенка, Элиот не мог избавиться от чувства страха — как артист перед выходом на сцену. Операции на открытом сердце до сих пор казались ему необъяснимым, волшебным действием. Сколько он уже сделал подобных операций? Сотни, а то и тысячи. Пять лет назад об Элиоте сняли репортаж, прославлявший его золотые руки. Разве это не волшебство — зашивать кровеносные сосуды размером тоньше иглолки с помощью ниток, не видимых невооруженным глазом? Однако каждый раз Элиот испытывал то же напряжение и страх: а вдруг не получится!

Операция длилась более четырех часов. Все это время сердце и легкие ребенка не работали — их функции выполняла машина. Словно искусный слесарь, Элиот заткнул дырочку между двумя желудочками и открыл один из легочных путей, чтобы предотвратить попадание венозной крови в аорту. Это была кропотливая работа, требующая сноровки и огромной сосредоточенности. Руки врача не дрожали, но какая-то часть его души не подчинялась требованиям рассудка: он думал о своей болезни, от которой

не мог больше абстрагироваться, и о странном сне, который видел ночью. Осознав, что отвлекся, доктор вновь сосредоточился на работе.

Операция закончилась, и Элиот объяснил родителям ребенка, что предсказать дальнейший ход событий пока невозможно. В течение нескольких дней, до тех пор пока легкие и сердце не смогут нормально функционировать, будет осуществляться интенсивный уход за младенцем.

Не переодеваясь, хирург вышел на автостоянку возле больницы. Солнце, которое поднялось уже высоко, ослепило глаза, и на мгновение у Элиота закружилась голова. Он чувствовал себя опустошенным, лишенным сил. В голове крутились мучившие его вопросы... Разумно ли игнорировать свою болезнь? Имеет ли он право подвергать риску жизнь пациентов, находясь не в лучшем физическом состоянии? А что, если он почувствует себя плохо во время операции?..

Чтобы легче думалось, Элиот зажег сигарету и с наслаждением затянулся. Это была единственная положительная сторона заболевания: теперь он мог курить сколько вздумается, беспокоиться о здоровье уже было поздно.

Купер вздрогнул от налетевшего вдруг ветерка. Больница возвышалась над небольшим холмом Ноб-Хилл. Отсюда было видно оживление, царящее в порту и на набережных. С тех пор как Элиот узнал, что скоро умрет, он стал внимательнее относиться ко всему, что его окружало. Доктор почти физически ощущал сердцебиение города, словно это был живой организм. Он затянулся в последний раз и раздавил окурок. Элиот решил прекратить оперировать в конце месяца и тогда же сообщить дочери и Матту о болезни.

Ну вот все и кончилось. Пути назад не было. Больше Элиот не сможет лечить, то есть заниматься тем единственным делом, посредством которого приносил пользу людям.

Он еще раз обдумал свое решение и почувствовал себя старым и несчастным.

— Доктор Купер?

Элиот обернулся и увидел Шарику, индийскую студентку. Она сменила белый халат на полинявшие джинсы и милый топик на тонких лямочках. Девушка робко протянула ему стаканчик кофе. Она вся дышала красотой, юностью, жизнью.

Элиот взял кофе и благодарно ей улыбнулся.

— Я пришла с вами попрощаться, доктор.

— Прощаться?

— Сегодня последний день моей стажировки в Америке.

— И вправду, — вспомнил он, — завтра вы возвращаетесь в Бомбей.

— Спасибо за приветливость и доброжелательность. Я многому научилась благодаря вам.

— А вам спасибо за помощь, Шарика. Из вас получится хороший врач.

— Вы... вы великий хирург.

Элиот смущенно покачал головой.

Молодая индианка шагнула к нему.

— Я тут подумала... не сходить ли нам поужинать сегодня вечером?

В одно мгновение ее смуглые щеки стали алыми. Она была скромной девушкой, и ей было непросто сделать такое предложение.

— К сожалению, я не смогу, — ответил Элиот, удивленный тем, какой оборот принимал разговор.

— Понимаю, — кивнула Шарика.

Она помолчала несколько секунд, а потом мягко сказала:

— Моя практика заканчивается сегодня в шесть вечера. То есть этим вечером вы не будете уже моим начальником, а я вашей подчиненной. Может быть, это вас смущает?

Элиот посмотрел на нее более внимательно. Сколько ей лет? Двадцать четыре. Максимум двадцать пять. Он никогда ни на что ей не намекал и потому чувствовал себя сейчас не в своей тарелке.

— Не в этом дело...

— Странно, — ответила она, — а мне всегда казалось, что я вам небезразлична.

Что он мог ответить? Что одна часть его уже умерла, а вторая вскоре последует за первой? Что, хотя и говорят, будто любви все возрасты покорны, на самом деле это неправда?..

— Я не знаю, что вам сказать.

— Не говорите ничего, — прошептала она, поворачиваясь к нему спиной.

Расстроенная, она пошла прочь, но вдруг вспомнила о чем-то и, не оборачиваясь, сказала:

— Вам пришло сообщение от вашего друга Матта. Он ждет вас добрых полчаса и уже начинает терять терпение...

* * *

Элиот пулей вылетел из больницы и на бегу поймал такси. Он договорился сегодня пообедать вместе с Маттом и теперь сильно

опаздывал.

Если бывает любовь с первого взгляда, то существует такая же дружба. Элиот встретил Матта сорок лет назад при довольно драматических обстоятельствах. Казалось, они не могли найти друг в друге ничего общего: Матт — француз, экстраверт, любитель женщин и всевозможных радостей жизни; Элиот — американец, зачастую скрытный и нелюдимый. Они вместе купили предприятие по разведению винограда в долине Напа и назвали его «Перигор^[7] Калифорнии». Вина, которые они производили, — приятное каберне, совиньон и шардоне со вкусом ананаса и дыни — были довольно известны. И все благодаря активной деятельности Матта, который занимался распространением вин не только в Америке, но и в Европе и Азии.

Матт был таким другом, который всегда окажется рядом, даже когда все остальные отвернутся; попади Элиот в неприятную ситуацию, он мог бы позвать его в любое время, даже среди ночи...

Но сегодня Элиот опаздывал, и Матт точно на него злился...

* * *

Шикарный ресторан «Бельвю», где они часто обедали, располагался на Эмбаркадеро и выходил на приморский бульвар. Сидя с бокалом в руке, Матт Делюка уже полчаса ждал друга на открытой террасе, с которой открывался вид на Бэй-Бридж, Остров сокровищ^[8] и небоскребы делового квартала.

Мужчина уже собирался заказать третий бокал, когда зазвонил телефон.

— Привет, Матт. Очень извиняюсь, но я немного опаздываю.

— Не торопись, Элиот. С годами я привык, что ты воспринимаешь пунктуальность по-своему — не так, как другие...

— Только не это! Я надеюсь, ты не собираешься устраивать мне сцен, дружище?

— Исключено, старина. Ты же врач, который спасает человеческие жизни, и поэтому имеешь все права поступать как тебе вздумается.

— Я так и знал. Все-таки устроил мне сцену...

Матт не удержался и улыбнулся. Не отнимая телефон от уха, он вошел в главный зал ресторана.

— Хочешь, я тебе что-нибудь закажу? — предложил он Элиоту,

подходя к витрине с морепродуктами. — Передо мной трепещущий краб, который почтет за счастье стать твоей едой.

— Выбирай на свой вкус. Я тебе доверяю.

Матт положил трубку и, обратившись с заказом к продавцу, указующим кивком головы решил судьбу бедного краба.

Пятнадцатью минутами позже доктор стремительным шагом пересек просторную залу, украшенную дорогими гравюрами и зеркалами, задел тележку с десертом и нечаянно толкнул официанта. Наконец он присоединился к другу, который сидел за их любимым столиком. Элиот сразу предупредил Матта:

— Если ты все еще дорожишь нашей дружбой, постарайся не употреблять в одном предложении такие слова, как «опоздание» и «еще».

— А я ничего и не говорю, — ответил Матт. — Мы забронировали этот столик на полдень, а сейчас тринадцать двадцать, но я ничего не говорю... Ну, как твоя поездка в Камбоджу?

Не успел Элиот начать свой рассказ, как его начал душить приступ кашля.

Матт налил минералки и протянул бокал другу.

— Не слишком ли много ты стал кашлять? — забеспокоился он.

— Не волнуйся.

— Тем не менее... Может, тебе провериться? Сделать рентген или что-то в этом роде?

— Врач здесь я, — ответил Элиот, открывая меню, — так что... Кстати, что ты мне заказал?

— Не сердись, но мне кажется, ты плохо выглядишь.

— Долго еще будут продолжаться эти любезности?

— Я беспокоюсь за тебя. Ты слишком много работаешь.

— Я хорошо себя чувствую, слышал?! Немного устал во время поездки в Камбоджу...

— Не надо было туда ездить, — недовольно отрезал Матт. — Я считаю, что Азия...

— Напротив, поездка была интересной и познавательной. Со мной приключился забавный случай.

— Какой же?

— Я встретился со старым камбоджийцем. Помог ему, и он, как джинн из лампы, предложил исполнить мое самое заветное желание.

— И что ты ему заказал?

— Попросил невозможного.

— Сделать так, чтобы ты выиграл наконец хотя бы одну партию в

гольф?

— Матт, перестань.

— Ну а что же тогда?

— Я сказал, что хотел бы увидеть еще раз одного человека.

В это мгновение Матт понял, что друг говорит серьезно, и шутливое выражение сразу исчезло с его лица.

— И кого же ты хотел увидеть? — спросил он, заранее зная ответ.

— Илену...

При этих словах на обоих друзей словно опустилась пелена грусти. Но Элиот быстро стряхнул с себя задумчивость. В то время как официант подавал первое блюдо, он продолжил рассказ об удивительном пузырьке с пиллюлями и о кошмаре, который приснился ему ночью.

Матт постарался приободрить друга:

— Мой тебе совет: забудь об этой истории и сделай небольшой перерыв в работе.

— Ты даже представить не можешь, насколько реальным казался мне этот кошмар и как я разволновался, когда проснулся. Так странно встретить самого себя, только на тридцать лет моложе...

— Ты и вправду думаешь, что сон был вызван пиллюлями?

— Ну а чем же еще?

— Может, ты накануне съел что-нибудь несвежее, — предположил Матт. — Не следует слишком часто ходить в китайские забегаловки.

— Матт, перестань!

— Я серьезно. Не ходи больше к Шоу. Утка у него готовится не иначе как из собачатины...

* * *

Оставшуюся часть обеда друзья провели в хорошем настроении. С Маттом всегда было весело. Когда друг оказывался рядом, Элиот забывал все свои мрачные мысли и проблемы. Разговор принял шутливый оттенок и крутился вокруг менее серьезных вопросов.

— Ты видишь ту девушку у барной стойки? — спросил Матт, проглатывая последнюю ложку десерта. — Она на меня смотрит?

Элиот повернулся и взглянул в указанном другом направлении. Очаровательная наядка^[9] с длинными ногами и глазами огромными, как у лани, томно потягивала из бокала сухой мартини.

— Да это же девочка по вызову, старина.

Матт покачал головой:

— Я так не думаю.

— Спорим?

— Ты так говоришь, потому что она смотрит на меня, а не на тебя.

— Сколько лет ты бы дал ей?

— Двадцать пять.

— Ну а тебе сколько?

— Шестьдесят, — признался Матт.

— Потому она на тебя, на старика, и смотрит, что является девочкой по вызову.

Матт принял удар, перед тем как горячо возразить:

— Я еще никогда не чувствовал себя настолько в форме, как сегодня!

— Мы стареем, дружище, это жизнь, и я думаю, тебе пора смириться.

Матт принял сей очевидный факт с легкой тревогой.

— Ну, я поехал, — сказал наконец Элиот и поднялся из-за стола. —
Пойду спасу еще несколько жизней. А ты? Что ты собираешься сейчас
делать?

Матт бросил взгляд в сторону барной стойки и с грустью констатировал, что наяда и думать забыла про него, теперь она весело болтала с молодым клиентом. Раньше француз с легкостью смог бы отбить красавицу у этого фата, но теперь он чувствовал: сегодняшняя битва им проиграна.

— Моя машина на стоянке, — сказал Матт, догоняя Элиота. —
Пожалуй, подвезу тебя до больницы. Такому старичку, как я, может
понадобиться медицинский осмотр...

Проведите час с симпатичной девушкой, и вам покажется, что прошла минута. Сядьте на минуту на горячую сковородку, и вам покажется, что прошел целый час. Это и есть относительность.

Альберт Эйнштейн

Сан-Франциско

1976 год

Элиоту 30 лет

— Хорошо, не правда ли? — спросил Матт, растягиваясь на песке и показывая на простирающуюся перед ними огромную бухту, окруженную холмами.

В то время финансовое положение друзей оставляло желать лучшего. Они и помыслить не могли об обеде в ресторане. В полдень молодые люди любили встретиться на пляже и съесть по хот-догу, перед тем как вернуться на работу.

Тот день был замечательным и солнечным. Вдалеке Голден Гейт, окутанный легким туманом, казалось, парил на ковре из молочных облаков.

— Ты прав, здесь лучше, чем в тюрьме, — согласился Элиот, вгрызаясь в огромный бутерброд.

— У меня есть потрясающая новость, — заявил с таинственным видом Матт.

— Да? Какая?

— Потерпи еще немного, старина, этот сюрприз останется на десерт...

Рядом веселились несколько молодых людей, решивших воспользоваться последним теплом бабьего лета. Клешеные штаны, тонкие свитера у парней; длинные разноцветные туники, курточки персикового цвета и украшения-безделушки у девушек.

Матт включил проигрыватель и попал на хит сезона: песню «Hotel California» группы «Иглз».

Насвистывая припев, Матт рассматривал людей на пляже.

— Видишь девушку справа? Она на нас смотрит?

Элиот осторожно обернулся. Молодая, грациозная, словно нимфа, она

лежала на полотенце и лениво облизывала итальянское мороженое. Скрестив длинные ноги, красавица бросила выразительный взгляд в их сторону.

— Очень даже возможно.

— Как она тебе? — спросил Матт, кивнув девушке.

— Напоминаю, в моей жизни уже есть женщина.

Матт махнул рукой.

— Ты знаешь, что всего пять процентов млекопитающих живут парами?

— Ну и что из этого?

— Почему бы нам не присоединиться к остальным девяноста пяти процентам, которые не усложняют свою жизнь бессмысленными принципами?

— Не знаю, согласилась бы с тобой Илена или нет...

Матт проглотил последний кусок хот-дога и бросил беспокойный взгляд на друга.

— Слушай, с тобой все нормально? Ты неважно выглядишь.

— Не любезничай. Ты меня смущаешь.

— Я за тебя волнуюсь, ты слишком много работаешь.

— Работа — это здоровье.

— А, понял, ты опять ужинал у этого китайца, недалеко от твоего дома?

— У мистера Шоу?

— Да. Ты уже пробовал его утку по-пекински?

— Очень вкусно.

— А по-моему, эта утка сделана из собачатины.

Продавец, разносивший мороженое, прервал их разговор:

— Какое мороженое желаете, господа: фисташковое, карамельное, кокосовое?

Элиот доверился вкусу своего друга, и Матт с удовольствием выбрал мороженое для обоих. Как только продавец ушел, разговор возобновился.

— Как прошел уикенд во Флориде? У тебя озабоченный вид.

— Вчера вечером произошло нечто удивительное, — признался Элиот.

— Внимательно слушаю.

— Я встретил кое-кого в аэропорту.

— Женщину?

— Мужчину... лет шестидесяти.

В то время как Матт хмурил брови, Элиот рассказал ему о своей странной встрече с таинственным мужчиной, который исчез в туалете.

Выслушав друга, француз недовольно прокомментировал:

— О, это еще хуже, чем я думал.

— Клянусь, это правда.

— Послушай меня, дружище, тебе надо сделать небольшой перерыв в работе.

— Не беспокойся за меня.

— С чего это мне беспокоиться, Элиот? Когда ты говоришь, что твой двойник приходит к тебе из будущего, — это ведь абсолютно нормально, правда?

— Да ладно тебе, давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— Как поживает твоя драгоценная Илена?

Элиот повернулся к океану, и несколько мгновений его взгляд блуждал среди тумана, окружавшего металлические столбы Голден Гейт.

— Она хочет, чтобы у нас был ребенок, — задумчиво произнес он.

Лицо Матта просияло.

— Классно! Можно я буду крестным?

— Я не хочу детей, Матт.

— Да? И почему же?

— Ты прекрасно знаешь. Мир стал слишком опасным и непредсказуемым...

Матт закатил глаза.

— Ты бредишь, старина. Ты будешь рядом, чтобы защищать своего малыша. И Илена, и даже я — все мы примем посильное участие. Для чего же тогда нужны родные и крестные родители?

— Тебе легко говорить. Ты живешь как плейбой, через день меняешь подружек. Что-то я не заметил, чтобы ты хотел создать семью.

— Это потому, что я не встретил такой женщины, как Илена. Это могло случиться только с тобой. На Земле была лишь одна нимфа, и она твоя. Но ты слишком глуп, чтобы понять это...

Элиот отвернулся, не сказав ни слова. Большая волна разбилась о берег, и в мужчин полетели брызги. Достаточно было нескольких минут, чтобы к друзьям вернулось хорошее настроение. Разговор перешел на менее серьезные темы.

Когда Матт решил, что время сюрприза настало, он достал из рюкзака бутылку розового шампанского.

— Что мы празднуем? — спросил Элиот.

Матт с трудом скрывал радость.

— У меня получилось! Я наконец нашел ее, старина! — сообщил он, открывая бутылку.

— Женщину твоей мечты?

— Нет.

— Способ избавить мир от голода?

— Нашу землю! Наше будущее предприятие! Замечательный участок на вершине холма с большим деревянным домом...

Несколько лет назад Матт получил свидетельство о прохождении летной подготовки. Он купил гидроплан и теперь неплохо зарабатывал, катая туристов над бухтой. Но еще задолго до этого он вынашивал безумный проект о создании вместе с Элиотом винодельческого предприятия в долине Напа.

— Поверь мне, сейчас самый подходящий момент, чтобы вложить деньги в это дело, — восторженно заявил он. — Сегодня в долине всего несколько владений. А хорошее вино — это будущее Калифорнии. Наше красное золото, понимаешь? Если мы откроем дело в ближайшее время, все деньги достанутся нам!

Не убежденный до конца, но довольный тем, что его друг счастлив, Элиот пообещал в следующие выходные приехать осмотреть участок. Он заинтересованно внимал мечтам товарища о славе до тех пор, пока не зазвонил будильник на часах и не заставил его вернуться к действительности.

— Ну, я пошел, — сказал он, вставая и потягиваясь. — Пойду спасу еще несколько жизней. А ты? Что собираешься делать во второй половине дня?

Матт повернулся, чтобы проверить, не исчезла ли прекрасная наяда. Красавица лежала на песке. Взглянув на француза, девушка недвусмысленно подмигнула, словно все это время ждала его.

Матт аж засиял от удовольствия. Он был молод, красив, перед ним открывалась целая жизнь. И он ответил:

— Кажется, меня кое-кто дожидается...

* * *

Из-за пробки такси еле тащилось по Гайд-стрит. Купер заплатил за проезд и захлопнул дверцу. До больницы осталось недалеко. «Пешком получится даже быстрее», — подумал он. Элиот закурил и быстро зашагал по улице. Каждый раз, подходя к месту работы, он ощущал смутную тревогу. Его волновали одни и те же вопросы. Сможет ли он оправдать ожидания, которые возлагают на него люди? Сумеет ли принять верное

решение? Не потеряет ли пациента в результате ошибки?

Он еще не достиг того состояния, когда человек в любой ситуации чувствует себя закаленным. Элиот часто ощущал себя неготовым к жизни. Его карьера на сегодняшний день была безукоризненна: блестящее обучение в Беркеле, где он перескочил через курс; практика в больнице Бостона, четыре года стажировки и несколько педиатрических специализаций, необходимых для того, чтобы занять должность руководителя отделения.

Однако Элиот все еще не был уверен, что правильно выбрал профессию. Конечно, ему нравилось заботиться о людях — он чувствовал себя нужным. Порой, в конце удачного дня, когда ему казалось, что операция прошла успешно, доктор уходил с работы в состоянии эйфории. Он садился в машину и несся на полной скорости по приморскому курортному комплексу. Купер испытывал восторг оттого, что вышел победителем в битве за чужую жизнь. В такие вечера он чувствовал себя равным Богу. Но это ощущение восхитительного блаженства никогда не длилось долго. Всегда наступали завтра или послезавтра, когда жизнь тяжелобольного пациента выскользнула из рук доктора.

Элиот посмотрел на часы, раздавил окуроч и ускорил шаг. Здание больницы возвышалось в ста метрах от него.

«Создан ли я для того, чтобы быть врачом?» — спросил он себя в очередной раз.

Элиот выбрал эту профессию, чтобы сдержать давнее обещание, которое дал себе после одного трагического события. Он не жалел о своем выборе, но порой завидовал беспечной жизни Матта. В течение десяти лет у него не хватало времени ни на чтение, ни на спорт, ни на любые другие занятия.

Доктор вошел в холл больницы, взял халат и поднялся на третий этаж. В зеркале лифта он увидел усталого человека. Уже целую вечность он спал урывками. С тех пор как ночные дежурства вынудили его дробить сон, дома он не мог подолгу валяться в кровати.

Элиот открыл дверь и вошёл в зал, покрытый сверкающим кафелем. Его ждал Линг, интерн, специализирующийся на срочных операциях.

— Я хотел узнать ваше мнение по поводу одного случая из области педиатрии, доктор Купер, — сказал он и представил Элиота супругам Романо.

Мистер Романо — невысокий брюнет, американец итальянского происхождения, всем своим видом внушающий симпатию. Мадам Романо — высокая блондинка нордического типа. Хороший союз

противоположностей.

Они пришли сюда из-за своей дочери, Анабель, которую несколько часов назад доставили в отделение доктора Купера. Ребенок лежал без сознания в одной из палат.

— Мать девочки, вернувшись в полдень домой, увидела, что дочь лежит в постели. Она попыталась разбудить Анабель, но, к своему ужасу, поняла, что ребенок потерял сознание, — объяснил Линг.

Элиот подошел к девочке, лежавшей в коме. Анабель было лет пятнадцать. В ней удивительным образом соединились черты родителей: светлая кожа матери и отцовское искреннее, располагающее к себе выражение лица.

— В последнее время она жаловалась на головные боли и тошноту?

— Нет, — ответила мать.

— Принимает наркотики?

— Нет конечно!

— Может быть, ушибла голову или упала с кровати во сне?

— Да нет же!

Элиот внимательно посмотрел на девочку и почувствовал, что жизнь покидает ее тело и смерть притаилась в уголке комнаты, ожидая своего часа.

Начало осмотра дало тем не менее хорошие результаты: Анабель дышала ровно, а ее сердце и легкие функционировали нормально.

Однако дело пошло хуже, когда Элиот приступил к осмотру зрачков. Плавно поворачивая голову пациентки слева направо, доктор обнаружил, что зрачки ребенка остаются неподвижными. Он надавил на грудную кость, и мышцы девочки в зоне запястья сократились, что заставило Элиота нахмуриться.

— Это не очень хороший знак, да, доктор? — спросил мистер Романо, внимательно наблюдавший за действиями врача.

Элиот решил не опережать события.

— Пока рано делать выводы. Подождем результатов обследования.

Томограмма была готова несколькими минутами позже. Когда врач поднес снимок к свету, он уже догадывался, что увидит.

— Отек в области мозжечка? — высказал предположение доктор Линг.

— Точно, — подтвердил Элиот, грустно вздохнув. — Мозжечковый отек.

— Ну как, доктор? — Мать Анабель, подавляя плач, бросилась к Элиоту.

Он посмотрел на нее сочувственно. Ему очень хотелось сказать что-

нибудь ободряющее, вроде: «Все хорошо, малышка вот-вот проснется». Но правда была другой.

— Мне очень жаль, но у вашей дочери произошел инсульт. Состояние критическое.

Наступила тишина. Казалось, она будет длиться вечно. Но вот родители осознали слова, сказанные доктором. Мать с трудом сдерживала рыдания, в то время как отец не желал сдаваться.

— Но она же дышит! Она еще жива! — воскликнул мистер Романо.

— Пока жива. Но отек будет увеличиваться, ограничивая возможности дыхательной системы, и тогда остановится сердце.

— Но ее можно подключить к приборам искусственного дыхания!

— Да, мадам, но это, к сожалению, ничего не изменит.

Покачиваясь, отец подошел к дочери.

— Как... как мог у нее случиться инсульт? Ей же еще только пятнадцать...

— Это может случиться с кем угодно и когда угодно, — пояснил Элиот.

Яркое солнце проникало через окно, заливая комнату дерзким светом, играя в волосах девочки. Казалось, Анабель всего лишь заснула, и не верилось, что она уже никогда не проснется.

— И вы даже не попытаетесь сделать операцию? — удивилась мать, все еще не веря, что это конец.

Муж подошел к ней и взял за руку. Элиот поймал ее взгляд и тихо сказал:

— Больше ничего нельзя сделать. Мне очень жаль.

Он хотел бы остаться с ними, взять на себя часть их непомерного горя, поддержать словами, но знал, что в такой ситуации слова не помогут.

Подошла медсестра. На три часа дня у Купера была назначена операция, и он уже опаздывал.

Элиот должен был спросить родителей, согласны ли они отдать органы девочки на пересадку. За этим последовал бы сюрреалистический разговор, в котором доктор убеждал бы супругов, что смерть их дочери может спасти жизнь другим детям. Да, Элиот должен был это сделать, но не смог, не решился.

Он вышел из комнаты обессиленный и в то же время полный гнева. Перед тем как подняться в корпус, зашел в туалет, чтобы умыться холодной водой.

«У меня никогда не будет детей, — поклялся он себе. — У меня никогда не будет детей, чтобы я не увидел, как они умирают».

Если Илена не может этого понять, тем хуже...

* * *

Орландо, Флорида
1976 год

На зоологический парк «Мир океана» опускался вечер. В то время как последние солнечные лучи причудливо рисовали тени кипарисов, немногочисленные посетители неспешно направлялись к выходу, довольные тем, что им показали дельфинов, огромных черепах и морских котиков.

Илена наклонилась над бассейном с касатками, подзывая Аннушку, самую крупную из «китов-убийц», проживающих в дельфинарии.

— Привет, красавица моя!

Молодая женщина схватила касатку за плавник, чтобы заставить ее перевернуться на спину.

— Не волнуйся, тебе не будет больно, — сказала она, перед тем как сделать укол. Ей нужно было взять у Аннушки кровь для анализа.

Такая работа требует осторожности. Хотя касатки и считаются самыми умными из китообразных, они отличаются особой жестокостью. Несмотря на симпатичный и безобидный вид, Аннушка была монстром длиной шесть метров и весом четыре тонны и могла убить человека ударом хвоста или откусить руку или ногу острыми зубами, коих у нее насчитывалось пятьдесят! В обращении со своими питомцами Илена всегда старалась добиться добровольного согласия животного на необходимые ей действия, превращая лечение в игру. Обычно у нее не возникало проблем. Женщина обладала особым чутьем, которое никогда ее не подводило.

— Ну, вот и все, — сказала она, вынимая иглу из тела животного.

Чтобы вознаградить питомицу за терпение, она бросила ей замороженной рыбы и приласкала.

Илене нравилась ее работа. Как ветеринар, она несла ответственность за физическое и психическое здоровье животных, живущих в дельфинарии. Следила за тем, чтобы регулярно меняли воду в бассейнах, контролировала процесс кормления и принимала участие в работе дрессировщиков. Чтобы женщина ее лет имела столько обязанностей — это редкость.

Откровенно говоря, в свое время Илена ожесточенно билась за эту должность. Еще с раннего возраста ее начал интересовать морской мир, а в

частности китообразные. После того как девушка получила диплом ветеринара, она специализировалась в области психологии морских животных. Но с такой профессией найти место трудно. Илена проявила упорство и оказалась права. Пять лет назад, в 1971 году, Уолт Дисней выбрал маленький город Орlando, чтобы возвести в нем Диснейленд — огромный парк аттракционов. Благодаря наплыву туристов Орlando быстро превратился в главный туристический центр Флориды. А через несколько лет здесь же построили самый крупный дельфинарий страны — «Мир океана». За год до официального открытия парка Илена попыталась получить место, которое было обещано более опытному ветеринару. Ее согласились взять на испытательный срок и через некоторое время окончательно утвердили на должность. В тот период преимущество Соединенных Штатов перед другими странами как раз и заключалось в том, что профессиональная компетенция начала играть более важную роль, чем возраст, пол и социальное положение.

Илена любила свою работу. Правда, ее друзья из Гринписа выражали недовольство по поводу того, что животные в парке вынуждены жить в искусственных условиях, а не на свободе. Однако нельзя было отрицать, что «Мир океана» уделял должное внимание охране окружающей среды. Недавно, например, Илена добилась от своего руководства финансирования программы по защите ламантинов.

Молодая женщина прошла из зоны бассейнов к административным зданиям. Наклеила ярлычок на баночку с пробой крови и поставила в лаборатории, чтобы позднее провести анализ. Перед тем как приняться за работу, она решила зайти в туалет, ополоснуть лицо холодной водой. Целый день она чувствовала себя разбитой.

Когда женщина подняла голову, она увидела в зеркале над раковиной сбегающую по лицу слезинку. Она и не заметила, что плачет.

— Ну и дура же я, — пробормотала она, вытирая покрасневшие глаза тыльной стороной руки.

По правде говоря, Илена прекрасно знала причину своих слез: она никак не могла перестать думать о последнем разговоре с Элиотом, о его реакции на ее слова по поводу ребенка. Он всегда так реагировал на подобные разговоры, и Илена не понимала и не разделяла его, — как ей казалось, беспричинного — страха перед будущим.

Тем не менее она ни на секунду не усомнилась в его любви. Их отношения всегда оставались пламенными и нежными, отчасти благодаря стремлению обоих приятно удивить друг друга...

Но могла ли такая любовь противостоять времени? Ей шел тридцатый год, и она чувствовала себя в расцвете привлекательности: во Флориде она не была обделена мужским вниманием и прекрасно сознавала свою красоту. Но сколько это будет длиться? Постепенно молодость уходит. Илена начинала чувствовать, что ее тело уже не такое свежее и крепкое, как у встречающихся ей на пляже восемнадцатилетних девушек.

Старость не пугала ее. Но представления о жизни менялись. Все вокруг говорили о свободной любви и о сексуальной революции, но эти перемены ее совсем не радовали. Илене хотелось, чтобы их с Элиотом отношения были крепкими и долгими. Ее никак не привлекала мысль о том, чтобы отпустить любимого мужчину поразвлечься с другими женщинами, дабы он мог опробовать все позы Камасутры.

Илена выпила немного воды и вытерла глаза салфеткой.

Может, она не достаточно сильно проявляла свои чувства по отношению к Элиоту? Скромная по натуре, она не была сильна в любовных речах. Но когда любишь, не обязательно об этом говорить. Такие вещи надо чувствовать. И вообще, если женщина говорит, что хочет от мужчины ребенка, разве могут быть сомнения в том, какие чувства она к нему питает.

Она хотела ребенка именно потому, что любила. Илена была не из тех женщин, которые желают родить любой ценой и от кого угодно с единственной целью стать матерью. Она хотела ребенка именно от Элиота. И это желание являлось логическим продолжением их любви.

Только вот он, похоже, был иного мнения.

И она никак не могла понять почему.

Женщина думала, что внутренняя готовность к деторождению зависит от того, в какой семье воспитывался человек и каким был его жизненный путь. В Бразилии Илена росла в скромной, но любящей семье и точно знала, что быть матерью — это огромное счастье. Элиот же часто конфликтовал со своими родителями. Может, в этом и была причина его внутреннего сопротивления отцовству?

Однако Илена никогда не сомневалась в его способности быть хорошим родителем. Несколько раз, приезжая в больницу, она видела, как Элиот работает. Он оказался не только талантливым хирургом, но и замечательным детским психологом, который прекрасно ладил с маленькими пациентами. В нем чувствовались уверенность и спокойствие — ни намека на незрелость или эгоистичность, свойственные многим мужчинам. Илена легко могла представить его в роли заботливого отца, который всегда прислушивается к мнению детей. Несколько раз она даже подумывала о том, чтобы перестать принимать противозачаточные

таблетки, забеременеть и в итоге свалить все на случайность, но, поступив таким образом, она бы нарушила их взаимное доверие.

Что же было не так?

Илена хорошо знала своего возлюбленного: его решимость, ум, стремление помочь другим людям; его запах, вкус его кожи; расположение позвонков, ямочку, которая появлялась на щеке, когда он улыбался...

Но не правда ли, в человеке, которого мы любим, всегда найдется нечто неизведанное, сокрытое от всех? Возможно, эта тайна и поддерживает в нас любовь...

Как бы там ни было, в одном Илена была уверена на сто процентов: мужчина ее мечты и отец ее будущих детей — это он, и никто другой.

И либо у них будет ребенок, либо она так никогда и не станет матерью.

* * *

Сан-Франциско

1976 год

Элиот ехал домой на своем «жуке», пребывая в мрачном расположении духа. На этот раз никаких превышений скорости.

Он боролся за жизнь и проиграл. Элиот не был Богом. Он был всего лишь ничтожным врачом.

Ночь плавно опускалась на город. Фонари и фары машин переплетались в причудливом световом шоу. Уставший, раздраженный, Элиот прокручивал в голове события последних двух дней: размолвка с Иленой, странная встреча в аэропорту, Анабель, которую он не смог спасти.

Почему у него то и дело возникает ощущение, что жизнь ускользает из рук, что он не властен над судьбой?

Задумавшись, Элиот слишком поздно сбросил скорость на пересечении улиц Филмор и Юнион-стрит. Машину повело к тротуару, и доктор почувствовал, что машина ударилась обо что-то.

Шина лопнула?

Элиот выключил двигатель и вышел. Проверил шины и бампер.

Ничего.

Купер собрался ехать дальше, как вдруг услышал жалобный стон, раздававшийся с противоположного тротуара. Он посмотрел в ту сторону и увидел щенка, которого откинуло ударом на другую сторону дороги.

«Этого еще не хватало...» — вздохнул Элиот.

Он пересек дорогу. Перед ним на боку лежал палевый лабрадор, его правая передняя лапа была неестественно изогнута.

— Ну, вставай. Давай, поднимайся, — сказал Элиот собаке, в надежде, что он не сильно ее задел.

Но та никак не прореагировала на его слова.

— Пошевеливайся, — вышел он из себя и дал лабрадору легкого пинка.

Но животное только жалобно твякнуло, и в этом звуке сквозила мучительная боль. Окровавленная лапа мешала собаке двинуться с места. Элиота это не слишком смягчило: он никогда не проявлял особой любви к животным. Он занимался людьми: мужчинами, женщинами, детьми, стариками — своими пациентами. Но животные...

Элиот пожал плечами и повернулся спиной к лабрадору. Он не собирался больше терять время из-за этого пса.

Доктор снова сел в машину и повернул ключ зажигания.

Конечно же Илена на его месте не стала бы удирать, словно воровка, испугавшись того, что натворила. Она бы вылечила собаку, а потом разыскала хозяина.

Илена...

Доктор явственно услышал ее шепот, словно женщина сидела рядом с ним, на пассажирском сиденье: «Тот, кто не испытывает любви к животным, не любит и людей».

«Глупости!» — подумал Элиот, встряхивая головой. Но, проехав двадцать метров, все же затормозил и нехотя вернулся к собаке.

Даже на расстоянии четырех тысяч километров эта женщина могла делать с ним все, что угодно!

— Не волнуйся, старина, — сказал доктор, устраивая щенка на заднем сиденье. — Мы тебя вылечим.

* * *

Наконец он добрался до приморского курортного комплекса. Архитектура домов, стоявших вдоль побережья, изобиловала элементами разных стилей и традиций. Здания, украшенные старинными башенками, соседствовали с современными резиденциями из стекла и стали, асимметрия которых явно была данью сегодняшней моде.

Стояла ночь, и дул сильный ветер. На берегу моря странный человек, похожий на хиппи, запускал воздушного змея, украшенного огоньками.

Врач припарковался у входа и осторожно вытащил собаку из машины. Со своей живой ношей он направился к симпатичному домику в средиземноморском стиле.

Повернув ключ, Элиот вошел в дом, который купил на деньги, доставшиеся ему в наследство. Здание имело довольно оригинальный вид. Построенное пятьдесят лет назад, оно было полностью отреставрировано архитектором Джоном Лаутнером, специалистом в области футуристических строений, который черпал идеи из произведений научной фантастики.

Элиот нажал на выключатель, и дом залил синеватый свет, похожий на отражение волн.

Затем доктор устроил лабрадора на диване, взял медицинский чемоданчик и осмотрел животное. Кроме открытой раны на лапе, он обнаружил у собаки несколько ушибов. Как ни странно, на ней не было ошейника, и она смотрела на Элиота очень недоверчиво.

— Слушай, растакуэр,^[10] я тебе не нравлюсь, и это, прошу заметить, взаимно. Но я тебе вообще-то нужен, и потому лучше сиди тихо, если хочешь, чтобы тебя вылечили...

После этого доктор продезинфицировал рану и сделал перевязку.

— Ну вот, сегодня переночуешь у меня в доме, а завтра чтоб духу твоего здесь не было, — посоветовал он собаке, отходя от дивана.

Элиот пересек гостиную, библиотеку и оказался на кухне. Все три помещения выходили во внутренний сад, где гордо возвышался, освещаемый фонарями, желтый кедр, привезенный с Аляски.

Элиот достал из холодильника начатую бутылку белого вина, налил себе бокал и поднялся наверх. На втором этаже, за двойными стеклами окон, крыша плавно переходила в террасу, так что создавалось впечатление, будто здесь построили мостик, ведущий в море.

С бокалом в руке Элиот устроился в кресле из ивовых прутьев и подставил лицо ветру.

Вдруг перед глазами у него промелькнуло лицо Анабель Романо.

«Паршивый день», — подумал он, закрывая глаза.

В эту минуту он даже не догадывался, что день еще не закончился и самое важное ждет его впереди...

*И храни всегда свои сны... Никогда не знаешь, в
какие дни они могут пригодиться.*

Карлос Руис Сафон

*Сан-Франциско
Сентябрь 2006 года
Элиоту 60 лет*

Ночь уже давно опустилась на город, когда Элиот приехал в приморский курортный комплекс. Припарковал машину на дорожке и вошел в симпатичный домик средиземноморского типа, в котором жил уже тридцать лет. Датчик движения тут же прореагировал на его появление, и зажегся внутренний свет: голубоватое сияние, из-за которого дом казался заполненным прозрачными волнами океана.

Врач прошел через библиотеку и оказался на кухне. С тех пор как дочь Элиота переехала в Нью-Йорк, дом опустел. Растакуэр, старый лабрадор, умер двенадцать лет назад, и с того времени в доме не было других животных. Элиот достал из холодильника бутылку белого вина и налил бокал. Из-за боли в пояснице с трудом поднялся по металлической лестнице, ведущей на второй этаж. Ненадолго зашел в спальню и открыл ящик ночного столика, чтобы взять пузырек с пилюлями, о которых так и не переставал думать весь день.

Затем по террасе вышел в сад полюбоваться прекрасным видом на порт и бухту.

Элиот с удовольствием прислушался к знакомым пронзительным крикам, доносившимся из «волнового органа» — странной конструкции, расположенной на самом краю дамбы и ритмично издававшей звуки в такт набегающим волнам, которые попадали в ее трубы.

«Такое может быть только в Сан-Франциско», — подумал доктор, удобно устраиваясь в старом кресле из ивовых прутьев.

Ветер, дунувший в лицо, заставил его вздрогнуть. Вновь, как и сегодня утром, Элиот посмотрел на пузырек с девятью пилюлями, и в глазах его отразились интерес и недоверие.

Он понятия не имел, из чего состояли эти таблетки, но его мучило

непреодолимое желание повторить вчерашний опыт. По правде говоря, Купер не тешил себя иллюзией по поводу того, что причиной вчерашнего сна были пилюли. Тем не менее он не мог удержаться, чтобы не проглотить еще одну.

Доктор медленно высыпал из пузырька таблетку. Мгновение колебался.

А если это яд или какая-нибудь экзотическая трава, дурманящая мозг?

Возможно, но чем он рискует? В любом случае рак скоро уничтожит его тело.

«Раньше или позже, какая разница», — подумал Купер, запивая таблетку вином.

Ничего не происходило. Элиот устроился в кресле поудобнее и стал ждать, чувствуя себя невероятно старым и уставшим.

Доктор вспомнил события последних часов и свое внезапное решение: отказаться от хирургической практики в конце месяца.

«Паршивый день», — подумал он, закрывая глаза.

И засыпая...

5 Вторая встреча

Лучшим доказательством невозможности путешествовать во времени является то, что нас еще не захватили толпы туристов из будущего.

Стефан Хавкин

*Сан-Франциско
Сентябрь 1976 года
Элиоту 30 лет*

— Отдыхаем?

Элиот подскочил и свалился на пол. Он посмотрел на того, кто разбудил его. Смутный силуэт вырисовывался в свете звезд — силуэт мужчины, которого он встретил вчера в аэропорту. Скрестив руки на груди, тот смотрел на него и улыбался, довольный тем, какое впечатление произвел.

— Что вы делаете на моей террасе? — возмутился молодой врач.

— А ты на моей? — ответил странный посетитель.

Удивленный и одновременно взбешенный, Элиот резко встал и стал надвигаться на собеседника со сжатыми кулаками. Несколько мгновений мужчины молча рассматривали друг друга. Они были одинакового роста.

— Может, вы объясните, какого черта вам здесь надо? — спросил Элиот с угрозой в голосе.

Незнакомец тихо произнес:

— Ты не понимаешь?

— Не понимаю чего?

— Правды.

Элиот пожал плечами:

— Какой правды?

— Что я — это ты.

— Да вы с ума сошли!

— Нет, сынок, просто до тебя долго доходит.

Элиот присмотрелся к своему собеседнику.

В мужчине чувствовалось особое обаяние. Если бы он не говорил всякую чушь, то походил бы, скорее, на бизнесмена, чем на человека,

сбежавшего из сумасшедшего дома. К тому же в этот вечер на нем была уже не вчерашняя мятая пижама, а льняные штаны, чистая рубашка и неплохо сшитая куртка.

Элиот попытался вразумить незнакомца, используя силу убеждения.

— Послушайте, я думаю, что вы больны. Может быть, ваш лечащий врач сейчас...

— Я сам врач.

«Ну вот, не легче», — подумал Элиот и потер лоб. Что надо делать в подобной ситуации? Вызвать полицию? Скорую помощь? Кричать на всю улицу, что его преследует буйнопомешанный? Мужчина вовсе не казался буйным, но кто знает, на что он способен...

— О вас, наверное, уже беспокоятся. Представьтесь, пожалуйста. Я сейчас узнаю адрес, по которому вы живете, и отвезу вас домой.

— Меня зовут Элиот Купер, — спокойно ответил незнакомец.

— Это невозможно.

— Почему же?

— Потому что Элиот Купер — это я.

— Хочешь посмотреть мои документы? — предложил мужчина, доставая из кармана кошелек.

Он, казалось, забавлялся происходящим.

Элиот изучил документ и не поверил своим глазам: в паспорте фигурировали те же имя и дата рождения, как и у него! Только на фотографии был изображен мужчина старше его на тридцать лет.

«Это еще ничего не значит, — попытался убедить себя Элиот. — Любой может достать фальшивые документы. Но кому это нужно и зачем?»

Хорошенько подумав, доктор решил, что всему происходящему может быть только одно объяснение: его разыгрывает Матт. Некоторое время Элиот прокручивал в голове эту идею. Однако он по-прежнему ощущал беспокойство. Конечно, Матт всегда был не прочь подшутиться и шутки его часто оказывались весьма оригинальными. Но в этот раз он превзошел сам себя.

«И все же на Матта это не похоже, — подумал Элиот. — Он, скорее, привел бы мне десяток стриптизерш и девочек по вызову, чем мужчину шестидесяти лет, который стал бы убеждать, что является не кем иным, как мной».

Раздумывая над этим, Элиот не заметил, что незнакомец совсем близко подошел к нему. Вид у старика был не слишком довольный. Он схватил Элиота за руку и внимательно посмотрел ему в глаза.

— Послушай, парень, как бы странно и невозможно это ни звучало, но

я действительно смог найти средство, чтобы вернуться на тридцать лет назад.

— Конечно.

— Ты должен мне верить, черт тебя побери!

— Но то, что вы говорите, просто чушь!

— Тогда объясни, как я смог выйти из туалета в аэропорту так, что ты меня даже не заметил?

На этот раз у доктора не нашлось ответа. Наверняка этот тип был сумасшедший, но говорил он очень убедительно.

— Послушайте, мистер... — начал было Элиот, но тот его прервал:

— Не называй меня мистером, хорошо?

Послышался жалобный лай. Врач удивился. Неизвестно как, но лабрадору удалось подняться на второй этаж. Несмотря на свою рану, пес радостно лаял, оповещая всех о своем присутствии.

— Растакуэр! — воскликнул мужчина, как будто увидел привидение.

Щенок радостно бросился к самозванцу и принялся обнюхивать его и лизать руки — так, словно незнакомец был его хозяином.

— Вы знаете эту собаку? — растерянно спросил Элиот.

— Конечно, это мой пес!

— Ваш?

— То есть наш.

Элиот начинал выходить из себя. Всякому терпению есть предел! Этот тип уже действовал ему на нервы. Надо изменить тактику, чтобы избавиться от этого ненормального. Может, сделать вид, что он во всем с ним согласен?

Элиот немного помедлил и серьезно спросил:

— Так вы правда из будущего?

— Можно сказать и так!..

Элиот понимающе кивнул головой, а затем прошелся по террасе и облокотился на перила балкона. Он внимательно изучал улицу, будто что-то искал.

— Странно, — наконец сказал он, — я не вижу вашей машины времени. Вы ее припарковали на улице или у меня в гостиной?

Мужчина не смог сдержать улыбки.

— Тебе в голову никогда не приходила идея выступать в театре одного актера?

Элиот решил наконец расставить все точки над «i».

— Послушайте, старина, вы мне не знакомы, и мне не известно, откуда вы явились, но я думаю, что передо мной не настолько безумный человек,

как это может показаться. Я более чем уверен, что вы меня разыгрываете.

— А зачем мне это надо, можно узнать?

— Понятия не имею, и, честно говоря, мне наплевать на причины. Единственное, чего я хочу, — чтобы вы убрались из моего дома. Предупреждаю, это была последняя вежливая просьба.

— Не волнуйся, я не задержусь.

Но вместо того чтобы исчезнуть, мужчина устроился в ивовом кресле и порылся в кармане в поисках сигарет. Достал красно-белую пачку с черным логотипом.

Элиот отметил про себя, что обычно он тоже курит эту марку, но такое совпадение его не удивило: в то время сигареты «Мальборо» были очень популярны.

— Заметь, — продолжил мужчина, выдувая колечко дыма и кладя зажигалку на столик перед собой, — я прекрасно понимаю, почему ты мне не веришь. С годами уверенность постепенно уходит, взгляды человека меняются, но я помню, каким был в молодости: ученым с рациональным подходом к жизни.

— А теперь?

— Теперь я человек веры.

Легкий ветерок налетел на террасу. Какой замечательный осенний вечер! Несмотря на загрязнение атмосферы, небо, усыпанное звездами, казалось неестественно прозрачным. Луна, полная и такая близкая, светилась голубоватым сиянием. Очарованный небесной красотой, незнакомец докурил и раздавил окурочок в пепельнице.

— Может, пора тебе, Элиот, начать воспринимать меня как друга?

— Да какой вы друг? Вы просто зануда!

— Зануда, который все про тебя знает.

Доктор взорвался.

— Конечно, вы все про меня знаете, ведь вы — это я. Такая уж у вас мания. Но что же на самом деле вы обо мне знаете? Марку сигарет, которые я курю? Дату моего рождения? И все?

Элиот дал волю гневу: он испытывал страх. Подспудно доктор понимал, что правда не на его стороне и что мужчина еще не привел более веских доказательств. И будто в подтверждение мыслям Элиота, тот заговорил:

— Я знаю такое, о чем ты никому не рассказывал: ни лучшему другу, ни любимой женщине.

— Что же, например?

— Ты не захочешь об этом слышать.

— Ну, говорите! Давайте! Мне нечего скрывать!

— Спорим?

— Какую тему вы желаете затронуть?

Мужчина подумал и ответил:

— Может, поговорим о твоём отце?

Вопрос прозвучал как пощечина, которую Элиот никак не ожидал получить.

— При чем здесь мой отец?

— Хотя твой папа никогда в этом не признавался, он был алкоголиком, не правда ли?

— Нет, вы лжете!

— Не спорь, ты знаешь, что я прав. В глазах других людей он был уважаемым бизнесменом, любящим мужем и хорошим отцом. Но ты и твоя мама видели его совсем другим. Разве это не правда?

— Вы ничего об этом не знаете!

— Все я знаю. К старости он немного утихомирился, но, когда ты был маленьким, он тебя сильно бил, помнишь? — Поскольку Элиот ничего не ответил, мужчина продолжил: — Порой такое случалось после нескольких выпитых им рюмок. Будучи пьяным, он быстро выходил из себя, а возможность кого-то побить его успокаивала...

Элиот молча внимал словам незнакомца и чувствовал себя раздавленным.

— Долгое время ты не сопротивлялся, а иногда даже провоцировал побои. Потому что знал: если он отведет душу на тебе, то не тронет мать.

Мужчина помолчал несколько секунд, перед тем как спросить:

— Ты хочешь, чтобы я продолжил?

— Да отстаньте вы наконец!

Но незнакомец зашептал:

— Один раз в обед — тогда тебе было десять лет, — возвращаясь из школы, ты нашел свою мать в ванной всю в крови. Она перерезала себе вены...

— Замолчишь ты или нет, паршивый старикан! — взорвался Элиот, хватая незнакомца за ворот.

— Ты пришел как раз вовремя и успел ее спасти. Помнится, ты вызвал скорую, но мама взяла с тебя обещание никому ничего не рассказывать. И ты сдержал слово. Ты помог ей разбить стекло в ванной, и она сказала врачам скорой помощи, что поранилась, поскользнувшись на мокром полу. Это был ваш секрет. Никто больше об этом не знал.

Мужчины теперь стояли лицом к лицу. Элиот был поражен до глубины

души. Он не ожидал разоблачения семейных тайн. По крайней мере, не сегодня вечером и не таким странным образом. Ему казалось, что все эти воспоминания уже давно притупились и ушли в прошлое, однако сейчас он опять чувствовал нестерпимую боль.

Как ножом по сердцу.

— Сначала ты думал, что правильно поступил, когда спас мать от смерти и психиатров. Только потом ты понял, что совершил ошибку. Это все-таки произошло. Через два года твоя мать прыгнула с тринадцатого этажа.

Каждое произнесенное слово было для Элиота ударом.

Впервые за последние годы слезы навернулись на его глаза. Он чувствовал себя уязвленным и пораженным, словно его отправили в нокаут.

— И с тех пор тебя мучает чувство вины за то, что случилось с мамой. Ты думаешь, что все могло быть по-другому, если бы тогда ты рассказал врачам всю правду. Мама нуждалась в помощи психиатра, и ее могли вылечить в специальной клинике. Мне продолжать?

Элиот открыл было рот, чтобы сказать «нет», но не смог произнести ни слова.

Незнакомец казался взволнованным, но он продолжал рассказывать Элиоту всю правду о нем самом, и молодому врачу было больно слушать.

— Ты говоришь, что не хочешь детей потому, что современный мир — небезопасное место и что будущее не обещает ничего хорошего. Но это не правда, Элиот...

Молодой врач нахмурился. На этот раз он не знал, к чему клонит его собеседник.

— Ты не хочешь детей, поскольку всегда думал, что родители тебя не любят. И теперь ты боишься, что тоже не сможешь быть любящим отцом для своего ребенка. Удивительно, как темны закоулки нашего разума, не правда ли?

Элиот не стал спорить. Всего три минуты — и человек, которого он никогда не видел, пошатнул его убеждения и уверенность в себе. «Все мы лишь кучка никчемных маленьких секретов», — горестно подумал он.

Налетел сильный порыв ветра. Незнакомец поднял ворот куртки, подошел к Элиоту и, пытаясь приободрить, положил руку ему на плечо.

— Не трогайте меня! — попросил молодой врач, отходя к перилам. Он задыхался, и в голове у него царил хаос. Доктор чувствовал, что от него ускользнуло самое важное: к чему эти откровения? — Допустим, я признаю, что все рассказанное вами правда. Но я не понимаю, чего вы от меня хотите, — произнес Элиот, глядя в глаза таинственному гостю.

Незнакомец лишь покачал головой:

— Ничего, малыш. Сожалею, что так тебя разволновал. Ведь я здесь вовсе не из-за тебя.

— А из-за кого же?

— Я пришел, чтобы увидеть ее...

Он снова достал из кармана кошелек и протянул выцветшую фотографию.

Молодая женщина с сияющими глазами и покрасневшими на морозе щеками бросала снежный комок. Ее любимая фотография, сделанная прошлой зимой в Центральном парке... С тех пор как Илена подарила ему этот снимок, Элиот всегда носил его с собой в кошельке.

— Где вы взяли эту фотографию? Только попробуйте подойти к Илене — и пожалеете, что родились на свет...

Но незнакомец не стал слушать угроз Элиота. Он погладил собаку и сделал несколько шагов к окну, как будто почувствовал, что пришло время уходить. Как накануне в аэропорту, перед тем как исчезнуть в туалете, он снова забился в судорогах.

Но на этот раз Элиот не даст ему испариться!

Молодой врач бросился за незнакомцем, чтобы остановить его, но тот уже успел выйти с террасы и закрыть за собой стеклянную дверь.

— Откройте эту чертову дверь! — закричал Элиот, бешено колотя по стеклу.

К несчастью, по задумке дизайнера стекло отливало зеленым цветом, поэтому в темноте окна и дверь превращались в некое подобие зеркал. Закрытый на террасе Элиот не видел ничего, но с той стороны все прекрасно просматривалось.

— Откройте! — потребовал Элиот.

Тишина. И чуть позже голос:

— Не забудь мои слова: я — друг, а не враг.

Но Элиот не собирался упускать страшного типа. Он хотел знать о нем больше. Недолго думая, доктор схватил железный стул и изо всей силы ударил по стеклу. Посыпались мелкие сверкающие осколки. И вот он в доме... Элиот сбежал вниз по лестнице и осмотрел комнаты. Выбежал на улицу.

Никого.

Вернувшись на террасу, доктор увидел, что маленький лабрадор грустно воеет на луну.

— Ничего, ничего, не волнуйся, все позади, — успокоил он щенка и взял его на руки.

Но в глубине души Элиот был уверен: это еще не конец.

*Я хочу, чтобы ты помнил о тех счастливых днях,
когда мы были друзьями.*

Тогда жизнь была краше, а солнце — ярче.

Жак Превер и Жозеф Косма

1976 год

Элиоту 30 лет

Взяв щенка на руки, Элиот направился к машине. Он должен был рассказать Матту обо всем, что случилось сегодня. Первым делом надо было позвонить Илене. Однако Купер передумал и повесил трубку до того, как женщина успела ответить. Он собирался описать ей все, что с ним случилось, но так, чтобы она не приняла его за сумасшедшего. Это было непросто. Нет, прежде следует самому все как следует разузнать, а уж затем беспокоить дорогих его сердцу людей.

Элиот открыл дверцу «фольксвагена» и посадил лабрадора на переднее сиденье. Он начинал чувствовать привязанность к маленькому щенку, которого, казалось, сильно взволновало ночное происшествие.

Элиот выехал из приморского комплекса и попал в итальянский квартал. Стояла ночь, машин на дороге почти не было. Доехал на Ломбард-стрит и прошел восемь крутых виражей, следующих один за другим. Из-за них Ломбард-стрит и получила название самой извилистой улицы мира. Красота ее впечатляла, но сегодня вечером Элиот был слишком взволнован, чтобы обращать внимание на клумбы и подсветку.

Молодой человек быстро пересек Норт-Бич, проехал мимо двух башен собора, в котором несколько лет назад Мэрилин Монро обвенчалась с Джо Ди Маггио, и попал на самую вершину Телеграфного холма.

Въехав на холм, Элиот припарковал машину под углом к тротуару, вывернув колеса, как того требовали правила.

— А ты сиди тут, — приказал он собаке.

Щенок недовольно заворчал в ответ, но врач не смягчился.

— Очень сожалею, но это обсуждению не подлежит, — отрезал он, хлопнув дверью.

Элиот стремительно прошел по небольшой дорожке, обсаженной

эвкалиптами, сбежал вниз по ступенькам вдоль склона холма. Здесь было красиво и тихо и веяло чем-то деревенским, словно местечко находилось не в самом сердце мегаполиса, а где-то за его пределами. Отсюда открывался прекрасный вид на весь город, а на заднем плане возвышалась светящаяся башня Койт-Тауэр. Обильная сочная растительность служила убежищем для птиц: воробьев, диких попугаев, дроздов-пересмешников... Мужчина пробрался вдоль зарослей рододендронов, фикусов и бугенвиллей по деревянной лестнице. И вот ворота в заброшенный сад. Как всегда, он перелез через них и поднялся на порог деревянного дома, из которого доносился томный припев Марвина Гейя.^[11] Элиот собирался было постучать, но, увидев открытую дверь, недолго думая, вошел, сгорая от желания поскорее рассказать другу о ночном происшествии.

— Мэтт, ты здесь? — крикнул он, входя в гостиную. — Ты не поверишь, что со мной произошло...

Но тут же оборвал себя на полуслове. На столике у окна стояли два бокала с шампанским, рядом — миндальное печенье в вазочке. Приятный запах индийских духов витал по комнате. Элиот нахмурился и обежал взглядом гостиную: туфли-лодочки на высоком каблуке лежали у камина, лифчик пастельного тона был брошен на диване, кружевные трусики зацепились за статуэтку... Похоже, Мэтт дома не один. Для него же лучше. Если Мэтт носит все это белье, то он Элиоту больше не друг! Доктор на цыпочках направился к выходу, но вдруг услышал:

— Эй, ты, привет!

Он обернулся, застигнутый врасплох. Перед ним стояла женщина, которую они с Мэттом встретили на пляже, но... абсолютно голая.

— Э-э-э... здравствуйте, — отводя глаза, пробормотал в ответ Купер. — Простите, что...

Как будто устыдившись своей наготы, прикрывая одной рукой грудь, а другой низ живота, она грациозно подошла к Элиоту, опьяняя его своей сексуальностью.

— Мэтт не говорил, что ты тоже будешь участвовать, — задорно сообщила она.

— Не-е-ет... вы ошибаетесь. Я пришел, чтобы...

— Что ты тут делаешь в такое время? — прервал его на полуслове появившийся из спальни Мэтт, обернувший нижнюю часть тела простыней.

— Мешаю, как видишь...

— Какая пронизательность! Но раз уж ты здесь, давай я представлю тебе Тиффани. Она приехала в Сан-Франциско участвовать в отборе на роль очередной девушки Джеймса Бонда.

— Очень приятно, э-э-э... Не буду пожимать вам руку, потому что руки у вас, как я вижу, заняты.

Тиффани улыбнулась, сверкнув безупречно белыми зубами.

Элиот повернулся к другу:

— Послушай, Матт, мне очень нужна твоя помощь!

— Прямо сейчас? Здесь? А до завтра это не может подождать? — поинтересовался француз. Ясное дело, он вовсе не хотел отрываться от такой очаровательной девушки, даже ради друга.

— Ты прав, я позвоню завтра, — согласился Элиот, немного расстроенный. — Прости, что помешал.

Он уже успел сделать несколько шагов по направлению к двери, когда Матт, осознав, что с товарищем действительно случилось нечто из ряда вон выходящее, схватил его за плечо.

— Подожди, дружище, расскажи, что там у тебя.

В другом углу комнаты Тиффани, почувствовав себя ненужной, быстро оделась и собралась уходить.

— Ладно, мальчики, я оставлю вас вдвоем, — сообщила она, собирая вещи. — Если вы предпочитаете общество друг друга...

— Да нет же! — горячо запротестовал Матт, стараясь удержать Тиффани. — Это совсем не то, что ты думаешь. Элиот — мой друг!

— Не волнуйся, дорогой, — заверила она его, — мы же в Сан-Франциско. Я все поняла...

Даже не взглянув на друга, Матт выбежал в сад следом за Тиффани, клянясь всеми богами, что он не гей, и выпрашивая номер телефона. Но молодая женщина, оскорбленная тем, что ею пренебрегли, не соглашалась. Матт с удвоенной настойчивостью спрашивал номер, когда вдруг налетевший с Тихого океана порыв ветра сорвал с него простыню, служившую самодельной тогой. Он схватил первый попавшийся под руку горшок с кактусом и прикрыл им причинное место. Матт еще какое-то время упорно бежал за Тиффани, но та, несмотря на каблуки-шпильки, словно газель, скакала по дорожке. Но тут в соседнем доме зажегся свет. Разбуженная шумом старушка высунула голову в окно. Заметив возмущенное лицо соседки, Матт начал отступать. Он помчался к дому, но, добежав до входной двери, поскользнулся на последней ступеньке и растянулся на пороге. Иголки кактуса впились в его голое тело.

Взвыв от боли, он закрыл за собой дверь и устремил на Элиота тяжелый взгляд, полный упрека.

— Я очень надеюсь, что причина, по которой ты тут всех взбаламутил, достаточно веская.

— Я схожу с ума! Такой причины тебе достаточно?

— Сделай одолжение, не смотри на меня так. И пожалуйста, помолчи немного.

— Я ничего и не говорю, — заверил его Элиот, сдерживая улыбку.

— Ладно уж, проходи, — разрешил Матт. — Я оденусь, и ты расскажешь, что с тобой случилось.

Элиот прошел на кухню и поставил на плиту чайник, намереваясь приготовить кофе. Несмотря на обещание молчать, он не смог удержаться, чтобы не крикнуть Матту:

— Мой тебе совет: попробуй использовать щипчики для выдергивания волос — вдруг поможет!

* * *

Француз избавился от иголок и надел джинсы и свитер. Свежий и бодрый, он занял место за столом.

— Ну, рассказывай, — велел он, наливая себе чашку кофе.

— Я опять его видел, — спокойно произнес Элиот.

— Дай-ка угадаю: ты видел путешественника во времени?

— Да, он оказался у меня на террасе сегодня вечером.

Матт поморщился, попробовав напиток, а затем добавил два кусочка сахара.

— Этот человек говорит то же, что и в прошлый раз? — нахмурившись, спросил он.

— Он утверждает, что он — это я, только на тридцать лет старше.

— Странный симптом, не правда ли, доктор?

— Честно говоря, я не знаю, что и подумать. Он многое обо мне знает... Мои семейные тайны, личные намерения...

— Он тебя шантажирует?

— Нет, он утверждает, будто явился сюда, чтобы увидеть Илену.

— В любом случае, если еще раз встретишься со своим другом из будущего, не забудь спросить, кто выиграет в ближайших футбольных матчах или на бирже... — Матт снова скорчил недовольную гримасу, сделав глоток кофе. Добавив еще три куска сахара и немного молока, продолжил: — Мы могли бы заодно и денежек срубить.

— Ты мне не веришь? — раздосадованно спросил Элиот.

— Да нет же, я верю, что какой-то тип тебя преследует. Но я не верю, что он из будущего.

— Видел бы ты, как он испарился... — задумчиво произнес Элиот.

— Знаешь, ты меня беспокоишь. В нашей компании дураком всегда прикидываюсь я. — Мэтт встал со стула и вылил напиток в раковину, ворча: — Брр, ну и гадость твой кофе! — Потом продолжил: — Это моя роль, старина, ты что, забыл? Я имею право глупо шутить и совершать дурацкие поступки. А ты у нас воплощение здравомыслия и мудрости. Так что не бери на себя мои функции.

— Очень мило с твоей стороны, но у меня на самом деле плохое предчувствие. Этот тип меня пугает. Хоть старик и говорит, что желает мне добра, я в этом сомневаюсь.

— Ну тогда надо его найти и выбить всю дурь из его башки, — заявил Мэтт, хватая бейсбольную битку, лежавшую на диване.

— Не горячись, — вздохнул Элиот. — Он вдвое старше нас с тобой.

— Тогда что ты предлагаешь?

Элиот немного подумал перед тем, как ответить:

— Его слова звучат настолько необычно, что этому может быть только два объяснения: либо он сумасшедший...

— Либо?

— Он говорит правду.

— Остановимся на первом варианте?

— В таком случае надо обзвонить все больницы и психиатрические лечебницы Калифорнии и узнать, не сбежал ли у них пациент, похожий на этого старика.

— Тогда за дело! — Француз решительно схватил телефон. — Если этот тип существует, обещаю: я его найду.

Элиот открыл застекленные двери книжного шкафа и взял телефонный справочник. На полках гордо, как собрание шедевров мировой литературы, выстроилась полная коллекция журналов «Плейбой». Среди них выделялось несколько книг по виноделию.

— А ты в курсе, что в мире есть множество других интересных вещей, помимо женщин и вина? — спросил Элиот у друга.

— Правда? — удивился Мэтт полушутя-полусерьезно. — А я, сколько ни думал, так и не смог найти ничего более стоящего в жизни.

Друзья отметили нужные им номера телефонов и стали обзванивать больницы и психиатрические лечебницы, спрашивая, не убежали ли от них в последнее время пациенты пожилого возраста.

К сожалению, через час Элиот и Мэтт вынуждены были признать, что так и не напали на след. Задача была слишком трудной, и время для ее решения оказалось совершенно неподходящим.

— Этот тип просто неуловим, — решил Матт, кладя трубку. — Хочешь продолжить поиски?

— Думаю, мы подходим к проблеме не с той стороны. На самом деле все, что мне надо, — это получить хотя бы одно доказательство.

— Какое доказательство?

— Что этот тип не я.

— Ну ты хватил, старина! Первый раз вижу тебя в таком состоянии. Знаешь, я бы никому не пожелал сейчас попасть к тебе на операционный стол. Расслабься, дружище! Устрой себе отпуск, вместе с Иленой съезди позагорать на недельку на Гавайи, и все встанет на свои места, вот увидишь.

Матт плюхнулся на диван и включил телевизор. Показывали сериал «Коломбо». Беспреданно терзаемый мыслями о супруге, знаменитый лейтенант пытался запутать преступника, запутавшегося в своих противоречивых показаниях.

— Жаль, что он ничего у тебя не забыл, — сказал Матт, зевая.

— Что ты имеешь в виду?

— Жаль, что твой друг из будущего не оставил какую-нибудь вещь с отпечатками пальцев. Можно было бы сделать дактилоскопию, как это бывает в фильмах, и определить его личность.

Элиот постарался вспомнить их встречу в мельчайших деталях.

— Дружище, ты гений! — закричал доктор.

— Это правда, — согласился француз. — Жаль, что ты единственный, кто это признает... А что?

— Он оставил зажигалку! Я почти уверен в этом. Когда старик курил, он положил зажигалку на столик террасы. — Элиот второпях схватил куртку и ключи. — Я возвращаюсь домой.

— Я с тобой, — заявил Матт, догоняя друга у входной двери. — Не хочу, чтобы ты вел машину в таком состоянии.

— Спасибо за заботу.

— К тому же я не собираюсь сидеть дома в самый интересный момент.

Друзья вышли из дома и поднялись по деревянной лестнице.

— Поедем на моей машине, — предложил Матт, — я не люблю управлять твоей колымагой.

На стоянке друзей ждал сюрприз: на шикарном автомобиле Матта, «Шевроле-корвет», поперек лобового стекла, красовалась надпись, сделанная Тиффани с помощью губной помады: «Негодяй!»

— Ничего у тебя подружка, миленькая... — заметил Элиот.

— Смотри, она оставила номер своего телефона, — сказал Матт,

доставая визитную карточку из-под дворников. — Во мне, наверное, есть что-то такое, против чего ни одна женщина не может устоять.

Пока француз вытирал лобовое стекло, Элиот пошел к своей машине забрать маленького лабрадора.

— У тебя собака? — удивленно спросил Матт. — Я думал, ты и животные — вещи несовместимые.

— Это особенная собака.

Матт сел за руль и пристегнулся.

— Что в нем особенного? Он умеет водить тачки и ты используешь его в качестве шофера?

— Ну да. И я даже научил его говорить!

— Правда?

— Давай поезжай! И если будешь хорошо себя вести, он споет тебе «Марсельезу».

Матт нажал на газ, и машина понеслась в ночь. Элиот ощущал необыкновенную легкость, точно освободился от непомерного груза тревог и волнений. Всего несколько минут — и настроение опять на высоте. Да, этот тип напугал его, раскрыв пару семейных тайн. Но уверенность в себе и бодрость духа вновь вернулись к Элиоту. Он найдет зажигалку и обратится к знакомому полицейскому. По отпечаткам ночного гостя выяснится, что он и доктор — разные люди, и тогда все встанет на свои места. Элиот позвонит Илене, и они вместе посмеются над этим курьезным случаем. А пока молодой врач решил подразнить Матта.

— Дружище, право слово, тебя недостойны девушки, у которых коэффициент умственного развития ниже нормы.

— К чему ты ведешь?

— Эта Тиффани, по-моему, не отличается интеллектом.

Матт возразил:

— Возможно, но ты видел, какая у нее...

— Размер груди — не главное в женщине, — отрезал Элиот. — Тебе стукнуло тридцать, старина. Я думал, ты уже вышел из ребяческого возраста, когда бегают за каждой юбкой. Похоже, я ошибался.

Но Матт не сдавался.

— Внешность очень важна, согласись.

— Да, она важна для одного дела, на которое ты всегда настроен. Но что же будет после постели?

— А что должно быть после постели?

— Ну как же — общаться, интересоваться друг другом, делиться впечатлениями?

Матт пожал плечами:

— Если мне хочется с кем-то поговорить, я звоню тебе. Для этого мне не нужны заумные девушки.

— Э-э-э, ты проворонил поворот к моему дому.

— Вовсе нет, — возразил раздосадованный француз. — Я еду по короткой дороге, которую ты не знаешь.

Но эта «короткая» дорога оказалась длиннее на несколько километров. Лишь через десять минут они въехали в приморский комплекс. Элиот едва мог усидеть на месте от нетерпения, но все же предусмотрительно удержался от замечаний.

Как только машина остановилась перед домом, он бросился вовнутрь, перепрыгивая через ступеньки. Оказавшись на террасе, Элиот испугался, что зажигалки не окажется.

К счастью, она лежала на краю стола.

— Что тут произошло? — поинтересовался Матт, увидев пол, усыпанный осколками стекла. — Ты дрался с Кинг-Конгом?

— Потом объясню. А сейчас мне надо позвонить.

— Подожди-ка, умник! Посмотри на часы, сейчас два часа ночи! Сан-Франциско не относится к тем городам, в которых никогда не спят. Большинство нормальных людей в это время смотрит сладкие сны в своих домах.

— Я звоню в полицию, Матт.

Набрав номер центрального комиссариата, Элиот выяснил, дежурит ли этой ночью детектив Малден. Так оно и оказалось. Доктора соединили с бюро расследований.

— Добрый вечер, мистер Малден. Это Элиот Купер. Прошу прощения, что отрываю вас от дела. Мистер Малден, не могли бы вы оказать мне одну услугу?

* * *

В ожидании полицейского друга вернулись на террасу.

— Я не знал, что у тебя есть друзья среди полицейских, — удивленно заметил Матт. — Откуда ты его знаешь?

— Малден вел расследование, когда погибла моя мать, — туманно ответил Элиот. — Он здорово помог мне в то время. Ты увидишь, он хороший парень.

Друзья подошли к столу и принялись внимательно рассматривать

зажигалку, забытую ночным гостем, — серебряную «Зиппо» с выгравированными маленькими звездочками и надписью: «Выпуск Миллениум».

— Странная надпись, — заметил Элиот.

— Да уж, — подтвердил Матт, опускаясь на корточки, чтобы получше рассмотреть предмет. — Как будто была выпущена специальная серия в ознаменование...

— ...Начала нового тысячелетия, — закончил Элиот, пытаясь понять значение таинственных слов.

— Не парься, старина, это полная чушь, — прервал его размышления Матт, поднимаясь.

Через несколько минут к дому подъехала полицейская машина, и Элиот поспешно спустился вниз, чтобы встретить детектива Малдена. Это был полицейский старой закалки, похожий на Хэмфри Богарта,^[12] в плаще и фетровой шляпе, сильный, крепкий. Он начал свою карьеру с самых низов, и теперь, после сорока лет службы, у Сан-Франциско не было от него тайн и секретов.

Полицейский приехал не один, а вместе с детективом Дугласом, молодым инспектором, только что закончившим полицейскую школу и получившим диплом криминолога. С волосами, аккуратно зачесанными назад, в отлично сшитом костюме и при галстукке, Дуглас имел безупречный вид даже в два часа ночи.

— Что случилось, Элиот? — спросил Малден, входя на террасу и замечая осколки на полу. — К тебе в окно залетела ракета?

— Я хотел попросить, чтобы вы сняли отпечатки с этой зажигалки, — наивно пояснил Элиот, как будто речь шла о простой формальности.

Как хороший ученик, Дуглас уже успел достать блокнот и ручку.

— Произошла кража со взломом или ограбление? — осведомился он.

— Не совсем, — ответил Матт. — Все не так просто...

— Если вы не подаете жалобу, мы ничего не можем сделать, — раздраженно заметил молодой инспектор.

— Спокойно, Дуглас, — осадил его Малден.

Элиот понял: без объяснений не обойтись. Он предложил гостям кофе и отправился на кухню, увлекая за собой детектива в надежде поговорить с ним с глазу на глаз.

Когда-то давно, дождливым вечером, инспектор Малден прибыл в этот дом в Даунтауне, чтобы засвидетельствовать самоубийство женщины, которая выбросилась из окна. В карманах одежды мертвой леди он нашел документы. Самоубийцу звали Роза Купер. Детективу выпала нелегкая

миссия: сообщить мужу и сыну о ее смерти.

В то время Элиоту было двенадцать лет. Малдену он показался умным, симпатичным и очень чувствительным мальчиком. Инспектор помнил и отца ребенка — делового человека, которого, казалось, известие о смерти жены совсем не взволновало. Детектив к тому же заметил в тот день синяки на руках мальчика.

Малден понял все о взаимоотношениях отца и сына. Интуиция, собственно, и помогла ему стать хорошим полицейским: у него был «нюх». Но в этом конкретном случае инспектору помог и опыт: у него тоже был отец, который нередко порол его ремнем, возвращаясь домой с завода.

Конечно, Малден мог бы закрыть глаза на ситуацию: в то время домашнее рукоприкладство не считалось чем-то противоестественным. Но он пришел к Элиоту на следующий день и еще через день. Во время своих посещений детектив не раз намекал отцу мальчика, что он все знает и будет внимательно наблюдать за развитием событий. Малден заинтересовался и жизнью подростка, его успехами в школе. Такое поведение раскрывало немного утопическое представление инспектора о своей профессии. Он считал, что полиция должна не только ловить опасных преступников, но и быть доступной и близкой для людей...

Полицейский взял чашку кофе, которую протянул ему Элиот, и потер глаза, чтобы отогнать нахлынувшие воспоминания. Надо было сконцентрироваться на текущем моменте.

— Если ты мне ничего не расскажешь, я не смогу тебе помочь.

— Я понимаю, — ответил Элиот, — но...

— Что «но»?

— Когда погибла моя мать, вы обещали, что всегда будете рядом, особенно в те минуты, когда мне понадобится ваша помощь...

— Так оно и есть, дружок.

— Сегодня тот самый случай. Мне нужен не только полицейский, но и друг: полицейский, который снимет отпечатки пальцев, и друг, который поверит мне, даже если я пока ничего не смогу ему объяснить.

— Эх, — вздохнул Малден, — ты все верно говоришь, Элиот, но не могу же я снять отпечатки просто так. Нужно составить отчет, получить разрешение. Затем необходимо вызвать специалистов из научной лаборатории. Это может занять несколько дней и даже недель...

— Но мне нужны результаты как можно скорее!

Малден задумался и почесал голову. Его карьера приближалась к закату. Инспектора неоднократно обвиняли в том, что он не соблюдал иерархию и иногда использовал далеко не христианские методы для

достижения целей. Но главной его проблемой было то, что он слишком далеко завел дело о коррупции, которое подорвало репутацию нескольких важных персон из городского муниципалитета. Малден знал, что стал предметом особого внимания. И новый помощник был к нему приставлен, дабы следить за его действиями. Так что у детектива имелось достаточно причин, чтобы вести себя осторожно и не совершать оплошностей. Но ведь двадцать лет назад он дал обещание мальчику, который потерял свою мать!

— У меня есть идея, как снять отпечатки, не прибегая к обычной процедуре, — вдруг сообщил он.

— И как?

— Увидишь, — ответил Малден таинственно. — Это не по уставу, зато может сработать.

Вернувшись в гостиную, детектив отправил Дугласа в магазин за клеем «Супер Глю», который только что появился в продаже.

— И где я его найду вам в два часа ночи? — проворчал инспектор.

Малден дал помощнику адрес фотомагазина, открытого круглосуточно.

Дуглас отправился выполнять поставленную задачу, а старый полицейский присел на корточки, чтобы рассмотреть сделанную на зажигалке надпись.

— «Выпуск Миллениум»? Что это значит? — спросил он, поворачиваясь к Матту.

— Мы сами не знаем, — ответил француз, открывая баночку кока-колы.

— Вы не прикасались к зажигалке, я надеюсь? Иначе я не смогу снять никаких отпечатков...

— За кого вы нас принимаете? — возмущенно воскликнул Матт. — Мы тоже поклонники «Старски и Хатча».^[13]

Малден тяжело посмотрел на Матта, а затем повернулся к Элиоту:

— Мне понадобится картонная коробка.

— Какого размера?

— Примерно как для мужских ботинок.

Элиот порылся в шкафу и нашел коробку от обуви «Стэн Смит».

Пока Элиот занимался поисками, Малден взял лампу, стоящую на столике террасы, снял абажур и попробовал, горячая ли лампочка.

Через несколько минут вернулся Дуглас.

Поначалу пронирующий молодой инспектор думал, что время Малдена уже в прошлом. Но с каждым днем старый детектив все больше и больше удивлял его своей гениальностью. Дуглас понимал, что за несколько

недель, которые они работают вместе, он узнал намного больше, чем за три года обучения в полицейской школе.

— Все готово, — сообщил Малден, — спектакль начинается.

— Вы снимете отпечатки пальцев с помощью картонной коробки и клея? — недоверчиво спросил Матт.

— Так точно, мой мальчик. И я уверяю тебя, ты не видел ничего подобного даже в «Старски и Хатче».

Малден попросил у Матта банку из-под выпитой колы. Вынул из кармана перочинный ножик и разрезал жестянку пополам. В получившуюся небольшую чашу медленно вылил «Супер Глю» и поставил ее рядом с зажигалкой.

Затем инспектор взял лампу и нагрел с ее помощью клей. Вскоре по комнате разнесся неприятный запах. Малден накрыл использованные им предметы коробкой и с довольной улыбкой повернулся к своей аудитории.

— Еще несколько минут — и все готово, — сказал он.

— Что вы там сделали? — недоверчиво поинтересовался Матт.

Поглядывая на коробку, Малден стал объяснять поучительным тоном:

— Химическое название клея — цианоакрилат...

— Очень полезная информация, — усмехнулся Матт.

Детектив бросил на него недовольный взгляд, и француз понял, что лучше не вступать.

— Под действием тепла испарения цианоакрилата будут притягиваться аминокислотами и липидами, неизменными компонентами человеческого пота, из которых и состоят отпечатки.

— И возникнет полимеризация, — добавил Элиот, начиная понимать суть процесса.

— Поли... чего? — переспросил Дуглас.

— Полимеризация, — повторил Малден и продолжил: — Это значит, что пары клея осядут на отпечатках пальцев, не видимых невооруженным глазом, и создадут защитную корку, которая выявит отпечатки и позволит их сохранить.

Матт и Дуглас недоуменно посмотрели на пожилого полицейского. Они оказались свидетелями новаторского метода, который через несколько лет произведет настоящую сенсацию во всем мире.

Взволнованный Элиот не спускал глаз с коробки, раздумывая над тем, каким будет результат.

Через несколько минут Малден поднял коробку. Белый осадок на поверхности зажигалки четко выявлял отпечатки.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес детектив. — Предварительный

осмотр показывает, что мы имеем прекрасные отпечатки большого пальца на одной стороне и... так сказать... отпечаток части указательного и среднего на другой.

Он осторожно завернул вещественное доказательство в носовой платок и положил в карман плаща.

— Если я правильно понял, — уточнил детектив, повернувшись к Элиоту, — ты хочешь, чтобы я сравнил эти отпечатки пальцев с теми, которые имеются у нас в картотеке.

— Не совсем, — возразил доктор. — Сравните их, пожалуйста, с моими отпечатками.

При этих словах Элиот вынул из кармана перьевую ручку и вылил на стол немного чернил, затем окунул в жидкость пальцы и поставил отпечатки на чистую страницу своей записной книжки.

Малден взял листок и посмотрел Элиоту в глаза.

— Хотя я и не вижу в этом смысла, я сделаю, как ты просишь, потому что я тебе верю.

Молодой человек склонил голову в знак благодарности. Что касается Матта, то тот не смог удержаться от еще одного вопроса:

— А много времени займет проверка?

— Я примусь за дело прямо сейчас, — заверил Малден. — Отпечатки довольно четкие, думаю, что к утру закончу.

Купер проводил полицейских до крыльца. Когда Дуглас отправился заводить машину, Малден задержался рядом с Элиотом.

— Я тебе позвоню, — пообещал полицейский и после минутного колебания спросил: — Кстати, ты все еще встречаешься с той бразильянской, малышкой Иленой?

— Конечно, — ответил Элиот, немного удивленный вопросом. — Между нами...

Но, застеснявшись, он не закончил фразу. Однако детектив понял главное.

— Все верно, — произнес он, — когда кто-то западает нам в душу, он остается там навсегда...

Элиот благодарно посмотрел вслед полицейскому. Он знал, что уже несколько лет Малден активно поддерживает свою жену в безрезультатной борьбе против болезни Альцгеймера.

Молодой врач знал и о том, что конец мучений несчастной женщины совсем близок.

Было уже три часа ночи, но Элиоту не хотелось спать. Он отвез Матта домой и забрал своего «жука».

На заправке на улице Маркет-стрит Купер остановил машину. Погрузившись в свои мысли, он заливал в бак бензин. Внезапно его окликнула какая-то беззубая женщина неопрятного вида. Она толкала тележку, доверху нагруженную всяким хламом и тряпками, и выглядела пьяной или обкурившейся. Нищенка облила доктора потоком уличной брани, но он не обратил на это внимания. Два дня в месяц он работал добровольцем во «Фри Клиник» — городском медицинском центре для нуждающихся и знал, что ночью город неузнаваемо менялся. В путеводителях для туристов и в киносериалах Сан-Франциско выглядел городом живописных кварталов и многочисленных садов и парков, а также символом свободных хиппи. Собственно, так оно и было лет десять тому назад, в тот период, когда хипповый Фриско^[14] переживал свой расцвет и когда вслед за Дженис Джоплин^[15] и Джимми Хендриком^[16] сотни хиппи приехали в Сан-Франциско и поселились в викторианских домах на Хейт-Эшбери.^[17]

Но «лето любви» давно прошло. Движение хиппи понемногу затухало, подорванное излишествами, которым предавались его участники. Джоплин и Хендрикс ушли из жизни, даже не достигнув двадцатисемилетнего возраста. Передозировка снотворного убила Джимми, а передозировка наркотиков — Дженис, которую люди прозвали Жемчужиной.

В 1976 году идея свободной любви и безбрачного сожительства потеряла свою актуальность. Наркотики стали настоящей катастрофой. Сначала считалось, что ЛСД, метедрин и героин расширяют сознание и делают людей свободными от всяческих запретов, но потом выяснилось, что наркотики постепенно уничтожают организм. В клинике Элиот стал свидетелем разрушающих последствий пагубной привычки: это и передозировка, и гепатит, возникающий от использования грязной иглы, и пневмония, и самоубийства...

К этой проблеме добавлялась еще одна: ветераны войны во Вьетнаме пополняли ряды бездомных, которых год от года становилось все больше. Американские войска вышли из Сайгона год назад, и многие участники войны после пережитых ужасов становились преступниками или бомжами...

Элиот заплатил за полный бак и, открыв окна в машине, поехал домой, вспоминая сегодняшний невероятный разговор с гостем из будущего. Теперь, когда Матта не было рядом, Купер вновь чувствовал себя одиноким и потерянным. Да, слова незнакомца были чистой правдой: и о пинках, которые Элиот получал от отца, и о чувстве вины, которое преследовало его после смерти матери.

Почему он никогда не рассказывал об этом Илене? Почему так и не решился открыть любимой женщине свою боль?

А Матту? Элиот и ему ничего не рассказывал. Что это, мужская сдержанность? Нет, просто так было удобнее. Рядом с Маттом все казалось легким и незначительным. В его обществе Элиот чувствовал себя защищенным от жестокой реальности, он мог расслабиться и набраться сил после тяжелого рабочего дня, проведенного в больнице.

Любовь и дружба — это лучшее, что жизнь дает человеку. И все же существуют такие ситуации, из которых каждый должен выбираться самостоятельно.

* * *

В это же время в нескольких километрах от Даунтауна детектив Малден работал в своем кабинете, расположенном в здании центрального комиссариата. Несколько минутами раньше у них с Дугласом произошла серьезная размолвка. Инспектор обвинял Малдена в том, что тот во время службы решал дела частного порядка. Детектив знал, что Дуглас претендует на его место и с нетерпением ждет, когда пожилого полицейского отстранят от должности. Когда мерзавец пригрозил Малдену, что напишет жалобу, детектив откровенно высказал все, что думает о напарнике, и отправил коллегу с глаз долой. Жаль, что Дуглас избрал кривую дорожку для достижения своих целей. По мнению Малдена, он мог бы стать хорошим полицейским — у него были неплохие задатки. В старые времена полицейские не доносили друг на друга и не старались добиться успеха, устраняя с пути коллег. Но возможно, принципы Малдена уже давно устарели. У нового поколения сформировался особый взгляд на жизнь: больше амбиций, больше личной инициативы, как вещал по телевизору Рейган.

Детектив выпил чашку кофе. На этот раз — он не сомневался — Дуглас сделает, как обещал. Тем лучше. Если Малдена уволят, он сможет проводить больше времени в больнице с Лизой. В любом случае он был

уже не молод, и до пенсии оставалось недолго. Все равно он поможет Элиоту и сдержит обещание двадцатилетней давности.

Малден покрасил отпечатки, проявившиеся на зажигалке, флуоресцентной краской. Потом сфотографировал их. Снимки придется сначала проявить и увеличить, и только после этого можно изучать. Детектив с беспокойством посмотрел на часы. Его ждала долгая работа. И оставшейся ночи на нее явно не хватало.

* * *

Перед тем как вернуться домой, Элиот заехал в небольшой продовольственный магазин, открытый круглосуточно. Купил пачку сигарет и корм для собаки.

— Привет, Растакуэр! — крикнул он, открывая входную дверь.

Как только доктор пересек порог, лабрадор бросился к нему и принялся лизать хозяину пальцы, как делал это два часа назад во время визита странного гостя.

— Не надо сцен, малыш, — предупредил Элиот, насыпая немного корма в импровизированную миску.

Глядя на щенка, Купер удивлялся тому, что присутствие этого трогательного существа доставляет ему радость. Затем он подмел пол, усыпанный осколками, и в глубокой задумчивости выкурил несколько сигарет. Все его мысли были о детстве. Каждые пять минут Элиот тревожно смотрел на телефон, ожидая вердикта, который вынесет Малден. Вся эта история казалась полным бредом, но Элиот не мог отогнать лихорадочную дрожь, как будто ждал результатов медицинского анализа, который выявит у него смертельную болезнь.

* * *

Дуглас разорвал обвинительную записку, которую только что напечатал. Встал и спустился на первый этаж, в комнату, которая служила местом отдыха для полицейских. Этой ночью в комиссариате было удивительно спокойно. Инспектор налил две чашки кофе, поднялся на четвертый этаж и постучал в дверь кабинета Малдена.

Детектив проворчал что-то в ответ, и Дуглас воспринял это как приглашение войти.

— Помощь нужна? — спросил он, заглядывая в кабинет.

— Неплохо бы... — недовольно ответил Малден.

Инспектор протянул коллеге чашку кофе и внимательно осмотрелся вокруг.

Полицейские любили иметь дело с отпечатками: «единственное доказательство, которое никогда не обманывает», как они обычно говорили. Прикрепленные кнопками к стене и увеличенные в размерах снимки отпечатков пальцев были похожи на большую топографическую карту: плавные линии, разветвления, хребты, островки. Отпечаток пальца у каждого индивидуален, линии формируются еще в тот период, когда человек пребывает в утробе матери. Это происходит на пятом месяце беременности. После этого рисунок линий больше не меняется до самой смерти человека.

В полицейской школе Дугласа учили, что у каждого пальца существует около ста пятидесяти отличительных черт. Чтобы определить, совпадают ли отпечатки, надо сравнить эти черты. При этом для идентификации личности достаточно совпадения лишь двенадцати.

— Ну что, за дело? — предложил молодой инспектор начальнику.

У Дугласа были зоркие глаза.

А у Малдена адское терпение.

Вместе они составляли хорошую команду.

* * *

Когда рассвело, Элиот решил принять душ. Надел чистую одежду и выехал из дома. Погода внезапно испортилась, пришлось включить фары и дворники. Небо, еще вчера такое светлое и ясное, сегодня было покрыто тучами. Утро обещало быть пасмурным и дождливым, как в период приближения зимы.

Доктор включил радио, чтобы послушать новости, но они оказались малооптимистичными: разрушительное землетрясение в Китае, военные репрессии в Аргентине, загрязнение моря разлившейся нефтью во Франции, кровавая резня в Южной Африке, а в Хьюстоне какой-то одержимый, забаррикадировавшись у себя дома, стрелял в толпу.

В этот период США переживали самый разгар президентских выборов: решалось, кто станет управлять — Картер или Форд.

Элиот переключил радиоприемник на другую станцию и, подъезжая к больнице, уже слушал битловскую «Let it be». [\[18\]](#)

Купер вошел в холл больницы, и тут же его окликнул охранник:

— Вам звонят, док!

Элиот взял протянутую ему трубку.

— Я закончил, — услышал он голос Малдена.

Врач глубоко вдохнул и спросил:

— И?..

— Отпечатки пальцев абсолютно идентичны твоим, сынок.

Несколько секунд Элиот молча переваривал информацию и лишь затем уточнил:

— Вы уверены в правильности результатов?

— На сто процентов. Нет сомнений!

Однако Элиот не сдавался.

— А какова вероятность, что у двух человек одинаковые отпечатки пальцев?

— Один к нескольким десяткам миллиардов. Даже у близнецов они разные.

Купер молчал, и Малден пояснил еще раз:

— Я не знаю, в чем заключается твоя проблема, Элиот, но на зажигалке отпечатки пальцев одного человека. И этот человек — ты.

*Я заставляю смерть отступить, чтобы жить,
страдать, ошибаться, рисковать, отдавать и терять.*

Анаис Нин

*Сентябрь 2006 года
Элиоту 60 лет*

Застекленный фасад позволял солнцу проникать в дом, освещая стены и играя солнечными зайчиками на паркете из калифорнийского орехового дерева.

Одетый в свитер и старые джинсы «Ливайз» Элиот спустился по металлической лестнице на кухню. Сегодня был выходной, и он собирался спокойно, не торопясь, позавтракать. Чистый — только из душа — и свежесбрившийся, доктор чувствовал себя бодро и весело. Этим утром он не ощущал болезни, как будто призрак смерти удалился, испугавшись удивительных событий, которые произошли вчера ночью.

Элиот налил себе апельсинового сока и приготовил тарелку мюсли. День обещал быть хорошим, и Купер спустился в сад. Несколько картинок из вчерашнего путешествия все еще крутились у него в голове. Он не чувствовал себя в замешательстве после того, что произошло, а, скорее, пребывал в необычном возбуждении. Элиот понятия не имел, из чего сделаны волшебные пилюли, но они позволяли ему возвращаться в прошлое! Последнее путешествие разъяснило многое. По крайней мере Купер стал лучше понимать, каким образом происходит перемещение.

Во-первых, Элиот неизменно попадал ровно на тридцать лет назад, день в день. В первый раз он увидел текущую дату на световом табло аэропорта, во второй — заметил число на газете, брошенной на стол террасы.

Во-вторых, Элиот мог переносить с собой в прошлое предметы, поскольку при каждом путешествии на нем оставалась одежда. Он также мог переносить предметы из прошлого в будущее — доказательством служил платок, испачканный кровью.

Но зато было в этих путешествиях кое-что не очень приятное: доктор мог оставаться в прошлом всего двадцать минут. Достаточно лишь для

того, чтобы перекинуться парочкой слов со своим двойником — не более того. Затем Купера начинали бить судороги, сигнализирующие о возвращении.

Однако пришло ли время делать логические выводы? В любом случае Элиот был уверен в одном: путешествовал он только во сне.

Вернувшись в дом, доктор сел перед компьютером. Он был врачом, но много ли знал о снах и сновидениях? По правде говоря, не очень. Элиот усердно учился в студенческие годы, но с тех пор многое забыл. Чтобы освежить память, он включил компьютер и в течение следующего часа изучал медицинскую онлайн-энциклопедию.^[19]

Сон состоит из нескольких фаз, которые следуют, повторяясь, друг за другом.

Ага, об этом он помнил. Что еще?

Неглубокий сон соответствует фазам медленного сна, а глубокий — фазам активного сна.

Активный сон? Это уже близко...

Так называются фазы сна, во время которых мозг наиболее активен, в то время как тело полностью расслаблено, от мускулов ступней до затылка.

Хорошо, ну а где же сновидения?

За всю нашу жизнь мы спим в среднем около двадцати пяти лет, а видим сны около десяти лет. То есть мы видим от ста до пятисот тысяч снов.

Элиот задумался над последней цифрой. Итак, наша жизнь наполнена несколькими сотнями тысяч снов! Это было впечатляюще и в то же время вызывало определенные опасения. Чувствуя, что он на правильном пути, Элиот закурил сигарету и продолжил чтение.

Период активного сна бывает каждые девяносто минут и длится около четверти часа. В течение этой фазы снится наибольшее количество снов.

Прочитав эти строки, Элиот подскочил на стуле от возбуждения. Именно так с ним все и произошло: вчера он заснул где-то в 22 часа, а «проснулся» в прошлом в 23:30. Получается, путешествие длилось 90 минут — время, необходимое для того, чтобы наступила стадия активного сна.

Вот, оказывается, каким образом происходило перемещение: во время повышенной мозговой активности некое вещество, содержащееся в пилюле, вызывало путешествие во времени. Со стороны это, возможно, казалось сумасшествием, но Элиот, скептик по жизни, уже вступил в тот период, когда начинаешь верить в невозможное.

Кликавая мышкой, он продолжил изучать энциклопедию и выяснил следующее: хотя науке и было известно, как человек спит, она не могла ответить на вопрос, почему люди видят сны. Это явление так и осталось загадкой. Как любая деятельность тела или мозга, сон должен иметь какие-то функции, какую-то цель.

Но какую?

Никто до сих пор не смог дать научно обоснованного ответа на этот вопрос.

Конечно, существовало эзотерическое объяснение снов, восходящее еще к Древнему Египту, дескать, сон — это знаки, посылаемые нам богами или неким невидимым миром. Но можно ли было доверять столь сомнительным преданиям?

Размышления Элиота прервал телефонный звонок. Доктор поднял трубку и узнал голос Самюэля Белова, начальника лаборатории, которого он просил сделать анализ крошек, обнаруженных на дне пузырька с пилюлями.

— Анализ готов, — кратко сообщил тот.

* * *

1976 год

Элиоту 30 лет

В то же время, но тридцатью годами ранее, молодой Элиот допивал кофе в комнате для отдыха больницы «Ленокс».

Уже десятый раз за утро он разглядывал фотографии, которые прислал ему по почте Малден. Купер начинал верить в невозможное: где-то в будущем другой, более старший Элиот нашел возможность путешествовать

во времени и наносить небольшие визиты младшему Элиоту.

Узнать бы, как у него это получалось!

Элиот не увлекался научной фантастикой, но во время учебы он изучал теорию относительности Эйнштейна. Так что же говорил дядя Альберт по поводу перемещения во времени? Что это вполне даже возможно... но с единственным условием: скорость тела должна превышать скорость света. Однако Элиот не мог представить себе своего странного гостя вращающимся вокруг Земли со скоростью 300 000 километров в секунду — ну прямо старик-Супермен.

Значит, секрет заключался в чем-то другом.

Может, черные дыры? Элиот видел по телевизору передачу про умирающие звезды. Их гравитационное поле настолько сильное, что вызывает искажения времени и пространства. Теоретически ничто не мешает телу, попавшему в черную дыру, переместиться в другую галактику.

Да, но только теоретически. На сегодняшний день еще ни одна черная дыра не была обнаружена учеными, да и нет никаких гарантий, что человеческое тело не будет обращено в пыль после ее прохождения.

А как же временные парадоксы, о которых пишут книги и снимают фильмы? Что, если вдруг, возвращаясь в прошлое, мы помешаем своим будущим родителям встретиться? А если убьем их перед тем, как они успеют нас зачать? Вот вам и порочный круг бытия-небытия.

Я убил своего предка. Поэтому я еще не родился. Значит, я не мог убить своего предка. Тогда получается, что я все-таки родился. И убил своего предка. Поэтому...

Элиот вздохнул. Да уж, согласиться с тем, что подобное путешествие во времени возможно, значит нарушить десяток законов физики и отвергнуть причинно-следственные связи.

Но все же...

Снимки, которые Элиот держал в руках, служили доказательством того, что случившаяся с ним история реальна. «Самое верное научное доказательство», — подумал он, глядя на отпечатки.

Напряженно размышляя, Элиот машинально щелкал зажигалкой, которую вернул ему Малден. Затем положил ее в ящик стола и резко поднялся со стула. Купер не мог спокойно сидеть. За последние несколько часов он выпил несколько чашек кофе. Страх, который доктор испытал этой ночью, не прошел, а слился с возбуждением от встречи с чем-то

сверхъестественным. Элиот был обычным человеком, а сейчас с ним происходило нечто из ряда вон выходящее. К чему все это приведет? С того момента, как незнакомец впервые появился в его жизни, Элиот пребывал в неизвестности, справится ли он с событиями, ожидающими его впереди.

Молодой врач налил себе еще кофе и открыл окно, выходящее на улицу. В комнате никого не было. Элиот решил аккуратно закурить, чтобы не сработал датчик дыма. В течение нескольких минут один вопрос постоянно крутился у него в голове. Стоит ли общаться с гостем из будущего? Пожалуй... Но как? И что бы такое важное сказать своему двойнику?

Доктор некоторое время поразмышлял над этой нелегкой задачей, но не смог найти интересного решения. Вдруг безумная мысль мелькнула у него в голове, но он ее тут же отбросил. Не стоит делать глупостей, надо успокоиться, забыть на время обо всем и вернуться к работе. С самыми благими намерениями. Элиот устроился за столом, заваленным папками, намереваясь составить отчеты о проведенных операциях. Но через пару минут признался себе, что притворяться бесполезно. Как можно спокойно продолжать работать после всего, что с ним случилось! Врач посмотрел на часы. На ближайшее время не было запланировано ни одной операции, и на пару часов его вполне мог заменить кто-нибудь из коллег. Элиот снял халат, надел куртку и вышел из кабинета.

Через пять минут его уже не было в больнице.

Выезжая с парковки, Купер увидел грузовик службы «Федерал Экспресс».^[20] Все еще находясь под впечатлением от происходящих событий, он вызывающе пожал плечами.

В данный момент ему было наплевать на «Федэкс».

Он, Элиот Купер, собирался отправить послание в будущее!

* * *

2006 год

Элиоту 60 лет

— У меня готовы анализы, — сказал Белов.

— И?..

— Нечто экзотическое: растительная смесь из шелковицы и мушмулы.

Элиот не верил своим ушам.

— И больше ничего?

— Нет. Если хочешь знать мое мнение — это лекарство вряд ли сможет от чего-либо вылечить. Самое натуральное плацебо.^[21]

Элиот положил трубку. И так, в пилюлях не было ничего волшебного. Старый камбоджиец, история с загадыванием желания, вновь забрезжившая надежда увидеть Илену... Все пустое. Сказки. Наверное, метастазы уже проникли Элиоту в мозг. Встреча с двойником наверняка была плодом его воображения. Фантазии пожилого человека, который боится смерти.

Понятно теперь, в чем состоит функция снов. Это предмет из области психоанализа. Сны — некий предохранительный клапан, который позволяет тайным несбыточным желаниям определенным образом выражаться, не разрушая психики. Элиот постучался в дверь к Альберту Эйнштейну, а попал к Зигмунду Фрейдю.

Ну вот, всего лишь один телефонный звонок вернул его к реальности. Волшебство исчезло, и в ярком свете утра то, что еще вчера казалось реальным, сейчас выглядело сумасшедшей химерой. Он так хотел верить в то, что с ним происходило, но... Это захватывающее приключение, эти невероятные путешествия во времени были на самом деле лишь плодом его больного воображения. Тяжелый недуг и близость смерти породили утопическую надежду вернуться в прошлое.

А правда была в том, что он боялся. Ужасно боялся. Он отказывался верить, что жизнь подходит к концу. Так быстро все прошло: детство, юность, зрелость... Не успел и моргнуть, а уже пора уходить... Черт, но ведь шестьдесят лет — это так мало! Он совсем не чувствовал себя старым. До того как ему поставили диагноз «рак», он находился в хорошей форме. Во время гуманитарных поездок лазил по горам, оставляя позади себя ребят тридцати и сорока лет. И Шарика, индийская студентка, писаная красавица, хотела встречаться с ним, а не с кем-то из молодых врачей, которые только начинали свою карьеру в больнице.

Но со всем этим теперь покончено. Впереди его ждали лишь страх и смерть.

Страх наблюдать, как слабеет тело.

Страх перед страданиями и потерей самостоятельности.

Страх одиноко умереть в больнице.

Страх оставить дочь одну в этом нестабильном мире.

Страх перед тем, что вся жизнь его вдруг окажется бессмысленной.

И страх перед неизвестностью, в которую он погрузится после того, как испустит дух и перенесется по ту сторону бытия.

Черт!..

Элиот вытер слезинку бессильной ярости, которая стекала по щеке.

Теперь доктор ощущал внутри острую боль. В ванной он достал из шкафчика с лекарствами болеутоляющее. Брызнул в лицо холодной водой. Из зеркала на него глядел мужчина с воспаленными красными глазами.

Сколько ему еще осталось? Несколько дней? Недель? Купер ощутил небывалое желание жить, бежать, дышать, болтать с друзьями, любить...

Однако сказать, что он провел свою жизнь впустую, никак нельзя. У доктора была дочь, которую он обожал, и замечательный друг Матт. Более того, он всегда в своей жизни был кому-то нужен. К тому же Элиот сумел посмотреть мир, ведь он много путешествовал, а также познал, что такое наслаждение...

Но ему всегда чего-то не хватало.

Илена...

С тех пор как она погибла, он жил урывками, чувствуя себя, скорее, пассивным наблюдателем, чем творцом своей жизни. И последние дни Элиота скрашивала лишь одна прекрасная мечта о том, что во время своих путешествий в прошлое он перед своей смертью вновь увидит Илену.

Но теперь волшебный покров спал, и доктор переживал, что поддался обману. «Страданиям приходит конец только тогда, когда перестаешь верить», — гласит народная мудрость.

Но Элиот не хотел страдать.

И тогда, чтобы заглушить в себе малейшие ростки надежды, он бросил стеклянный пузырек с пилюлями в туалет.

На мгновение заколебался...

...А потом спустил воду...

* * *

1976 год

Элиоту 30 лет

Элиот припарковал машину в Мишн-дистрикт, на улице Валенсия-стрит. В это время дня в испанском квартале царило праздничное оживление. Миссион с его дешевыми магазинчиками и фруктовыми лавками по праву считался одним из самых живописных старинных кварталов в городе.

Врач влился в пеструю шумную толпу и шел, разглядывая фасады домов, украшенные настенными фресками. Несколько раз Элиот

останавливался, чтобы полюбоваться на эти удивительные картины, в которых чувствовалось влияние мексиканского художника Диего Ривьеры. Но доктор пришел сюда не рассматривать достопримечательности, поэтому он продолжил путь, ускорив шаг. Воздух в квартале был горячим и словно наэлектризованным, что нравилось здешней молодежи. Не обходилось и без эксцессов: банды чикано, задирая прохожих, портили дружелюбную атмосферу, царящую в городе...

На перекрестке с улицей Долорес-стрит, среди клубов сальсы и религиозных лавок, Элиот наконец заметил вывеску, которую искал: «Голубая луна: украшения и татуировки».

Он открыл дверь заведения и увидел мрачный плакат с изображением Фредди Меркьюри. Переодетый в женщину солист группы «Куин» застыл в неприличной позе.

Элиот вздохнул. Здесь он чувствовал себя не в своей тарелке, но отступить не собирался.

— Кристина, — позвал он, направляясь внутрь магазина.

— Доктор Купер, вот так сюрприз!

Перед ним предстала высокая блондинка. Ее внешний вид казался Элиоту отталкивающим: кожаные сапоги, коротенькие шорты, эротическая татуировка на спине.

Элиот познакомился с ней в больнице. Он оперировал ее приемного сына, маленького китайского мальчика, страдающего от сильных болей в позвоночнике. С тех пор доктор постоянно наблюдал ребенка, которого Кристина воспитывала вместе с подругой Лейлой.

Еще с первой встречи Элиота поразила раскованность Кристины. Женщина была прекрасным специалистом по азиатским цивилизациям, но вместо того, чтобы преподавать в университете или заниматься исследовательской деятельностью, предпочла открыть салон татуировок. Кристина жила как хотела и открыто заявляла о своей лесбийской ориентации. В Сан-Франциско это никого не удивляло: в последнее время гомосексуалисты стали так же популярны, как в свое время хиппи. Привлеченные терпимостью жителей города, десятки тысяч геев и лесбиянок поселились в кварталах Кастро и Ноу-Вэлли.

— Я буду в вашем распоряжении через две минуты, — доброжелательно произнесла Кристина.

Врач расположился в кресле, рядом с южноамериканским травести, которому прокалывали уши. Немного смущенный окружающей обстановкой, Элиот все же собрался с духом и спросил, где находится телефон. Он позвонил Матту, чтобы сообщить последние новости. Когда

Элиот рассказал о результатах дактилоскопии, друг не выразил большого удивления.

— Кроме тебя, этого типа никто не видел, — заметил он, — так что, по-моему, эта история всего лишь плод твоего воображения.

— Как это плод воображения? — разволновался Элиот. — А зажигалка «Выпуск Миллениум» с моими отпечатками пальцев, это что, я тоже, по-твоему, выдумал?

— Послушай, старина, наверняка эту зажигалку ты купил сам, но просто об этом не помнишь.

— Ты мне не веришь?

— Нет, — признался Мэтт.

— Спасибо за поддержку, дорогой друг! — Элиот, недовольный словами товарища, бросил трубку.

— Чем я могу быть вам полезна, доктор? — спросила Кристина, снова приглашая его сесть. — Не хотите ли татуировку в виде ангела или большого дракона на спине?

— Нет, спасибо. Пожалуй, я откажусь от обоих вариантов, — ответил он, закатывая рукав рубашки. — На самом деле я хотел бы, чтобы вы вытатуировали мне на предплечье одну надпись.

— А что-нибудь более эстетичное не желаете? — поинтересовалась она, готовя иглу. — Посмотрите-ка сюда.

Кристина вытянула вперед ногу и продемонстрировала большую татуировку в виде японского дьявола, который поднимался вверх по бедру и терялся где-то под шортами.

— Настоящее произведение искусства, — согласился Элиот, — но не совсем в моем вкусе.

— Жаль, вы очень привлекательный мужчина, и татуировка вас бы только украсила и сделала сексуальнее.

— Боюсь, моя девушка с вами не согласится.

— Женщины любят сюрпризы.

— Хотелось бы верить...

Купер достал авторучку из внутреннего кармана куртки и нацарапал несколько слов на обложке журнала.

— Это то, что мне нужно, — сказал он, протягивая Кристине журнал.

Молодая женщина нахмурилась.

— Это что, какая-то шифровка?

— Нечто вроде тайного послания старому другу.

Женщина проверила иглы прибора.

— Сначала будет немного больно, но постепенно вы привыкнете. Не

передумали? Сожалеть потом не будете?

На мгновение Элиот закрыл глаза. Можно ли установить связь между настоящим и будущим? Это казалось полным бредом, но он должен попробовать и выяснить, что из этого получится. Чтобы успокоиться, он представил себе, каким будет лицо двойника из будущего, когда тот получит его послание.

— Нет, не буду, — уверенно ответил Элиот.

Когда комнату начал заполнять шум включенного прибора, Кристина произнесла последнее наставление:

— Тело, доктор Купер, — это средство выражения свободы взглядов и убеждений.

* * *

2006 год

Элиоту 60 лет

Спустив флакончик с пилюлями в унитаз, Элиот улегся на угловой диван в гостиной, все еще ощущая грусть и разочарование. В полдень ему предстоит встреча с Энжи, и он не собирается появляться перед дочерью в таком расстроенном виде. Он слушал с закрытыми глазами свое дыхание, затрудненное и прерывистое. Доктор никак не мог сделать полной грудью нормальный вдох. Болезнь, разрушавшая его организм, контрастировала с мягким светом, проникающим в комнату. Из открытого окна доносились шум моря и щебет птиц. Там, снаружи, жизнь продолжалась, но уже без него. Несмотря на солнце, по телу Элиота пробегала дрожь, верный признак поднимающейся температуры. Внезапно он ощутил боль в области плеча. Скорее, даже не боль, а ощущение вторжения инородного тела. Элиот потер затвердевшую мышцу. Не помогло. Встал с дивана, снял свитер и приподнял рукав футболки.

Сначала он не мог различить ничего конкретного: по плечу медленно расплзлось расплывчатое пятно зеленоватого цвета. Заинтригованный происходящим, Элиот встал перед большим зеркалом в ванной. И тогда он увидел, что из пятна постепенно стали проявляться буквы, одна за другой!

Несколько секунд он не мог понять, что это значит. Но наконец сообразил.

— Ну, хулиган! — воскликнул доктор удивленно и обрадованно.

Его уставшее сердце билось с безумной скоростью, но он испытывал

облегчение и восторг. Нет, он не сошел с ума! Вся эта история вовсе не была плодом его больного воображения. В далеком прошлом его двойник сейчас делал татуировку у себя на плече, для того чтобы передать старому Элиоту какое-то сообщение.

«Этот парнишка не так уж и глуп», — подумал доктор, подходя ближе к зеркалу.

Он посмотрел на свое отражение и увидел свои глаза, полные слез. Да, он плакал, и это было нелепо.

На плече вырисовывались слова: «С нетерпением жду вашего следующего визита».

Да-да, конечно, надо вновь отправиться в прошлое, только вот... несколько минут назад он имел глупость спустить волшебные пилюли в унитаз!

Элиот в панике бросился в туалет и засунул руку как можно глубже, в надежде, что флакончик все-таки застрял и его еще можно достать.

Но нет, доктор надеялся напрасно...

В расстроенных чувствах он поднялся с пола и попытался рассуждать спокойно. Куда уходит вода из туалета? Да уж, водопроводчик из него никудышный... Элиот спустился в гараж и осмотрел потолок, где сплеталось несколько канализационных труб. Он проследил глазами путь самой широкой трубы: она упиралась в чугунный бак. В принципе пузырек мог застрять там. По крайней мере это было бы большой удачей. Он порылся в отвратительном грязном месиве, но ничего не нашел.

Это был конец. Наверное, пузырек унесло дальше, к очистительной станции, и он уже никогда не сможет его найти.

Черт, за одно мгновение под влиянием плохого настроения он умудрился все испортить!

Что же делать? Отчаявшись, Элиот направился к соседям, пожилой паре, уже много лет помешанной на идее сохранения своей физической формы и красоты.

— Здравствуйте, Нина, — поздоровался он, заходя в дом.

— Здравствуйте, Элиот. У вас что-нибудь случилось? — спросила она, разглядывая его с головы до ног. Женщина была немало удивлена тем запахом, который шел от его грязных рук.

«Она никогда меня особо не любила, — подумал доктор, — я курю, пью крепкий кофе и ем мясо, богатое холестерином. По ее мнению, это смерти подобно...»

— Я хотел попросить у Поля кое-какие инструменты.

— Поль пошел купаться. Зайдите и поищите в гараже — может,

найдете то, что вам нужно.

Элиот проследовал за ней в гараж и быстро обнаружил объект своих желаний — топорик, используемый при пожаре.

— Э-э-э... у вас все в порядке, Элиот? — спросила соседка, увидев его с холодным оружием в руках.

— Просто замечательно, Нина, — ответил он, сверкнув улыбкой, как Джек Николсон в фильме «Сияние».

Элиот стремглав примчался в свой гараж и принялся громить все, что, по его мнению, относилось к системе канализации. Эта сложная операция заняла не менее часа и вызвала серьезный потоп. Всякий раз, разнося на куски очередную трубу, доктор проверял, не застрял ли в одном из изгибов пузырек с пилюлями.

«Не теряй надежды! Держись! Еще не все потеряно», — этими словами Элиот всегда подбадривал себя, не позволяя сдаваться во время операций. И за тридцать пять лет работы не раз спасал пациентов, находящихся в критическом и почти безнадежном состоянии.

Возможно, повезет и сегодня?

Стоя с топором в руках и по колено в воде, Элиот походил на сумасшедшего. «Если бы сейчас приехала полиция, меня бы точно забрали», — подумал он, разбивая очередную трубу.

А может, он и вправду немного чокнутый? Какой нормальный человек станет такое делать? Но, с другой стороны, тот, кто считает себя умным, — глупец, а кто признает, что находится слегка не в своем уме, — мудрец. Кто же это сказал? Шекспир? Иисус? Будда? Кто бы это ни был, он прав.

Пусть Элиот и был немного сумасшедшим, зато он жил!

Жил!

ЖИЛ!

Последний удар топора уничтожил остатки канализационных труб.

Элиот в полном изнеможении упал на колени в ледяную воду.

Несколько секунд он просидел так, чувствуя себя опустошенным и побежденным. Теперь точно конец. Волшебные пилюли исчезли навсегда.

И вдруг...

На поверхности появился маленький стеклянный пузырек цилиндрической формы.

Элиот бросился к нему, как к Святому Граалю. Дрожащими руками открыл баночку. Восемь таблеток находились внутри, в целости и сохранности.

Сидя в грязной воде, судорожно вцепившись в драгоценный пузырек, Элиот шумно вздохнул, чувствуя себя необыкновенно счастливым.

Ему оставалось жить всего несколько недель, но он обрел самое важное — надежду!

*Даже когда вы все умеете, когда думаете и верите,
что постигли все тайны бытия, и при этом вы не
любите, вы — ничто.*

Марсель Соважо

2006 год

Элиоту 60 лет

Элиот смотрел в окно, ожидая, когда приедет заказанное такси. Целый час он рылся в вонючей грязи в поисках заветного флакончика и теперь был уверен, что уже никогда не сможет отмыть этот ужасный затхлый запах, ввевшийся в кожу. Чтобы предотвратить полное затопление участка, доктору пришлось отключить в доме воду, поэтому помылся он у соседей. Оставалось только вызвать водопроводчика, но это он сделает немного позже. Сейчас его главной задачей было успеть в город, чтобы встретить Энжи в аэропорту.

Доктор посмотрелся в зеркало. Внешне он выглядел крепким, уверенным в себе мужчиной, но внутренне чувствовал себя развалиной: боли в груди, в мышцах, внизу спины... Рак делал свою работу, медленно, но верно.

Чтобы взбодриться, Элиот достал из ящика лакированного шкафа сигареты. Порывшись в кармане, он почему-то не обнаружил зажигалку: ту самую «Зиппо», которую ему подарила дочь в двухтысячном году. Озадаченный, он пошел на кухню за спичками. Закурив, Купер сделал пару глубоких затяжек и почувствовал себя намного лучше. Он закрыл глаза, отгоняя ненужные мысли и пытаясь расслабиться, как вдруг возле дома просигнало такси.

* * *

Доктор приехал немного раньше назначенного времени. С дочерью договорились встретиться в ее любимом ресторане «Лорис Диннер». Элиот поднялся на второй этаж. Официантка предложила ему столик у большого

окна с видом на Пауэл-стрит. Взобравшись на высокий табурет, Элиот наблюдал за работой поваров, которые жарили мясо, разбивали яйца, поджаривали ломтики бекона на огромной чугунной плите. Это был довольно оригинальный ресторанчик в стиле пятидесятых годов прошлого столетия, здесь подавали щедрые порции американской пищи — естественно, для тех, кто презирал диету. Это была еда, которую вслух осуждали, но втайне очень любили: бургеры, картошка фри, мороженое и молочные шейки. В центре зала из проигрывателя доносились песни Элвиса Пресли, а под потолком был подвешен настоящий «Харли Дэвидсон».

Когда Элиот приходил сюда, у него всегда возникало ощущение, что он попал в фильм «Назад в будущее». Каждый раз, открывая дверь ресторана, он ожидал увидеть Марта Макфлая и дока Брауна с верным Эйнштейном. В это время в зал зашел новый посетитель.

Молодая женщина с прямыми светлыми волосами, от которых исходил необыкновенный свет.

Девушка двадцати лет.

Девочка.

Его дочь.

Энжи.

Он увидел ее издали и рассматривал ее лицо и фигуру, зная, что она его еще не заметила.

Безусловно, она выглядела привлекательно. В длинном кашемировом свитере, бархатной юбке, которая показалась Элиоту слишком короткой, в блестящих черных колготках и кожаных ботинках, она была настоящей красавицей. К несчастью, не он один обратил внимание на новую посетительницу: молодой задира с соседнего столика громко шептал товарищам, что к ним приближается сногшибательная малышка. Элиот предупреждающе посмотрел на парня. Как отец он терпеть не мог этих носителей тестостерона, которые видели в его дочери лишь объект для плотских утех.

Наконец Энжи заметила Элиота и весело махнула ему рукой.

Когда она подходила к нему, улыбающаяся и легкая словно ангел, доктор вдруг осознал: лучшее, что он сделал, — подарил ей жизнь. Конечно, он был не первым родителем, которого посетило подобное чувство, но, помня о своей скорой смерти, он осознал это особенно отчетливо.

Как же Элиот мог так долго упорствовать в своем нежелании иметь детей?

Конечно, он рос в неблагополучной среде, рядом с пьющим отцом и психически неуравновешенной матерью, и потому не горел желанием создавать свою семью. Чувство страха перед насилием преследовало его и препятствовало желанию стать отцом. Объяснить это было тяжело. Элиот боялся, что не сумеет научиться искусству любви и тем самым обречет ребенка на страдания...

Одно он знал наверняка: мысль о том, что он станет отцом, напоминала ему о мучениях, испытанных в детстве, и потому он отказал единственной любимой женщине в ее желании иметь от него детей.

Каждый раз при воспоминании об этом его сердце обливалось кровью.

А потом Илена умерла, и после ее ухода жизнь его на целых десять лет превратилась в полный кошмар. Он погрузился в темноту отчаяния и выжил только благодаря верному Матту и любимой работе, за которую зацепился, как утопающий за спасательный круг.

Конечно, в его жизни были другие женщины, но надолго они не задерживались: он сам того не хотел. Но однажды во время медицинского конгресса в Венгрии его судьба пересеклась с судьбой молодой женщины-кардиолога из Вероны. Их связь стала мимолетным увлечением, продлившимся лишь пару выходных дней. Они расстались и даже не переписывались. Однако через девять месяцев она позвонила ему и сообщила, что родила от него девочку. Элиот был поставлен перед фактом. И у него не было возможности отступить. Тем более что у женщины определенно не проснулся материнский инстинкт — она вовсе не собиралась воспитывать ребенка. Через три месяца после рождения Энжи Элиот отправился в Италию и забрал девочку. По обоюдной договоренности родителей, ребенок виделся с матерью только во время школьных каникул.

Вот так, совершенно внезапно, доктор стал отцом, и жизнь его в корне изменилась. После мучительных десяти лет депрессии он наконец обрел смысл жизни. С этих пор, перед тем как отправиться спать самому, он каждый раз сначала убеждался в том, что заснула дочь. Слово «будущее» опять появилось в его речи, вместе с такими словами, как «бутылочка с соской», «памперсы» и «молоко для новорожденных».

Конечно, мир не стал лучше: никуда не делась проблема загрязнения окружающей среды, по-прежнему существовали озоновые дыры, потребительское общество и... работа, которая не оставляла доктору ни одной свободной минуты. Но все это отступало перед малышкой, которая весила всего несколько килограммов, перед ее блестящими глазками и нежной доверчивой улыбкой.

Сейчас, наблюдая, как к нему подходит Энжи, Элиот вспоминал первые годы жизни девочки, когда он один воспитывал ее, без помощи жены или няньки. Сначала он испугался, что не справится с поставленной задачей, и запаниковал. Как стать настоящим отцом? Что нужно для этого делать? Он не знал ответов на эти вопросы. Конечно, он был детским хирургом, но в повседневной жизни это ничего не значило. Если бы девочке надо было зашить желудочек сердца, Элиот все сделал бы в лучшем виде. Но Энжи нужен был просто папа.

Потом он открыл для себя великую тайну: отцами не рождаются, ими становятся. И то, что пойдет на пользу ребенку, познается буквально на ощупь, путем проб и ошибок.

Только в сорокалетнем возрасте Элиот понял, что в семейных взаимоотношениях нет ничего лучше и важнее любви.

Именно об этом когда-то говорила ему Илена, но он лишь возражал ей в ответ: «Если бы все было так просто...»

Но это действительно было так просто.

* * *

— Привет, пап, — сказала Энжи, нагибаясь, чтобы поцеловать его.

— Привет, Вандер Вумен, ^[22] — ответил он, намекая на ее короткую юбку и кожаные ботинки. — Как долетела?

— Очень быстро — я проспала всю дорогу.

Энжи уселась на табуретку и положила на стол огромную связку ключей и маленький мобильный телефон.

— Я ужасно голодна, — сказала она, хватая меню, чтобы проверить, по-прежнему ли здесь подают ее любимый бутерброд.

Сделав заказ, она начала рассказывать о смешных случаях из своей жизни в Нью-Йорке. Она была умной и доброй девушкой, идеалисткой, которая старалась максимально хорошо сделать все, за что бралась. Элиот никогда не настаивал, чтобы его дочь стала врачом. Энжи сама сделала этот выбор: она хотела приносить пользу людям и говорила, что это в ней от отца.

Дочь казалась ему радостной, расслабленной, сияющей.

Очарованный взрывами ее смеха, он не представлял, как сможет сообщить о своей болезни. Девушке двадцати лет непросто будет понять, что у ее отца последняя стадия рака и что ему осталось жить всего пару месяцев...

Элиот хорошо знал свою дочь. Еще до ее отъезда в Нью-Йорк они часто болтали по душам. Несмотря на облик взрослой девушки, в душе Энжи все еще оставалась уязвимым ребенком, и доктор боялся, что она слишком тяжело воспримет горестное известие.

Профессия вынуждала его по несколько раз в неделю сообщать родственникам о смерти их ребенка, супруга или родителя. Доктору всегда было трудно и неприятно это делать. Но постепенно он смирился с этой стороной своей работы.

Да, будучи врачом, он находился рядом с умирающими каждый день. Но в этих случаях речь шла о смерти других людей, а не о его собственной...

Конечно, Элиот боялся того, что с ним будет. Он не верил в вечную жизнь или реинкарнацию. Доктор знал, что наступит не только конец его земной, человеческой жизни, но и конец жизни вообще. Его тело обратят в пепел, который Матт развеет в каком-нибудь симпатичном месте. И все. Точка. Конец игры.

Элиот хотел объяснить дочери одно: она не должна за него беспокоиться, он вполне способен вести себя достойно в трудной ситуации и спокойно принять неизбежное. Впрочем, если объективно оценить его жизнь, он уже успел испытать и наслаждения, и радости, и горести, и сюрпризы. Он бы, конечно, не отказался от лишних десяти лет, но...

— А ты как поживаешь? — вдруг спросила Энжи, отвлекая его от грустных мыслей.

Элиот посмотрел на нее нежно и любяще, а она в это время поправляла непокорную челку, которая спадала на ее чудные серо-голубые глаза.

Он неожиданно ощутил комок в горле.

Черт возьми, сейчас не время сдаваться!

— Я должен тебе кое-что сказать, дорогая...

Улыбка слетела с губ Энжи, как будто она почувствовала, что новость не из приятных.

— Что такое?

— У меня в легких опухоль.

— Чего? — переспросила она недоверчиво.

— У меня рак, Энжи.

Она помолчала несколько секунд, пытаясь осознать слова отца, а потом спросила сдавленным голосом:

— Ты, ты... поправишься?

— Нет, доченька, метастазы уже распространились по всему телу.

— Черт...

Шокированная тем, что она только что узнала, девушка обхватила голову руками, а затем посмотрела на Элиота. По щеке ее сбежала слеза. Но Энжи не могла, не хотела поверить в то, что уже ничего невозможно сделать.

— А ты обращался к специалистам? Есть же новые способы лечения рака. Может...

— Слишком поздно, — прервал он ее.

Она вытерла глаза рукавом свитера, но это не помогло: слезы текли сами собой, одна за другой.

— Давно ты об этом узнал?

— Два месяца назад.

— Но... почему ты мне ничего не сказал?

— Чтобы не причинять тебе боли, не волновать тебя...

Она взорвалась:

— Значит, уже в течение двух месяцев ты слушаешь, как я рассказываю по телефону о своих дурацких мелких неудачах, и не считаешь нужным сообщить мне, что у тебя рак!

— Ведь это первый год твоей больничной практики, Энжи... тяжелый период для любого студента...

— Я тебя ненавижу! — закричала она, вскакивая из-за стола.

Он попытался ее удержать, но она оттолкнула его и выбежала из ресторана.

* * *

Быстро расплатившись, Элиот выбежал из ресторана вдогонку за Энжи. Небо было затянуто черными тучами, гремел гром. Врач пожалел, что не захватил с собой ни зонтика, ни плаща: его льняная куртка тут же промокла от дождя. Вскоре он понял, что найти Энжи не так-то просто. Люди, прячась под зонтами, искали временные убежища, такси и автобусы были переполнены.

Элиот хотел отправиться на конечную станцию фуникулера, расположенную на пересечении Пауэл- и Маркет-стрит, но вскоре отказался от этой идеи: несмотря на дождь, там толпились многочисленные туристы. Он решил, что потеряет слишком много времени, стоя в очереди, и поднялся к площади Юнион-сквер в надежде попасть на промежуточную станцию. Два первых вагончика фуникулера были забиты до отказа. Зато в

третий он все же смог запрыгнуть, когда фуникулер проходил самую покатую часть пути.

Элиот проехал до последней остановки Фишермэнз-Уорф в бывшем рыболовном порту Сан-Франциско, который сейчас кишел рестораниками и сувенирными лавками для туристов. Дрожа от холода, прошел крытый рынок, где продавали свежие морепродукты. Дождь усилился, когда он дошел до площади Гирардели-сквер.

Промокший до костей, Элиот шел бодрым шагом. Ветер свистел в ушах, дождь бил по лицу, но доктор упорно продвигался туда, где надеялся найти дочь. Он знал, где она любила укрываться в моменты отчаяния и горя. Боли в легких и внизу спины возобновились с новой силой, но доктор упорно продолжал путь.

Наконец Элиот вышел на пляж, где-то между Марина Грин и бывшей военной зоной Крисси-Филд. На него обрушивалась стена дождя. Море разбушевалось, огромные волны разбивались о пляж, так что брызги поднимались на несколько десятков метров. Элиот прищурился: Голден Гейт был почти не виден из-за тумана и низких туч. Пляж был совершенно пуст. Доктор прошел немного вперед, крича во все горло:

— Энжи! Энжи!

Лишь ветер был ему ответом. Глаза его наполнились слезами, и он почувствовал себя слабым, обессиленным и несчастным.

И вдруг Элиот почувствовал, что девушка рядом, хотя все еще не видел ее.

— Папа!

Энжи бежала к нему сквозь пелену дождя.

— Не умирай! — умоляла она. — Не умирай!

Он крепко прижал ее к себе, и они долго стояли так, обнявшись, — мокрые, несчастные, убитые горем и отчаянием.

Утешая дочь, Элиот поклялся себе: он сделает все возможное, чтобы хоть ненадолго отсрочить смерть, — все, что будет в его силах.

А потом, когда придет время, он уйдет, успокоенный и уверенный, что часть его останется жить — здесь, на Земле. И это — Энжи, его дочь.

Лучше иметь мало друзей и мало книг, но пусть они будут хорошие.

Народная мудрость

1976 год

Элиоту 30 лет

Закончилось ночное дежурство, и Элиот вышел из больницы в холод раннего утра. Погруженный в тяжелые мысли, он не сразу заметил, что на стоянке собралась толпа медсестер. Все смотрели на Матта, который среди машин скорой помощи и грузовиков пожарной охраны разыгрывал настоящее шоу. Элиот рассерженно посмотрел на друга, который, словно Траволта, в бархатном костюме кремового цвета и в рубашке с овальным вырезом, дергался под музыку диско, доносившуюся из машины. Было еще довольно темно, но свет фар освещал место импровизированного спектакля, устроенного французом.

— Ю шуд би дэнсин, ^[23] — пропел он фальцетом, подражая одному из солистов «Би-Джиз».

Ослепительная улыбка придавала лицу Матта мальчишечье выражение и располагала к себе. Элиот не мог не восхититься немного распущенной и наглой, но в то же время очаровательной манерой Матта привлекать к себе внимание.

— Чем ты тут занимаешься? — спросил он, подходя к другу.

— Ю шуд би дэнсин! — пропел молодой француз, беря Элиота за плечо.

Он попытался растормошить друга, но Элиот был не в настроении прикалываться.

— Ты что, напился? — спросил доктор, принохаясь. От Матта пахло спиртным.

— Дай мне одну минутку, я попрощаюсь с публикой, а потом все тебе объясню.

Элиот нахмурился и сел в машину.

— Спасибо за внимание, милые дамы! — восклицал Матт, раскланиваясь перед зрителями.

Очарованные молодым артистом, медсестры дружно поаплодировали, а затем разошлись.

Матт лихо запрыгнул в машину, опьяненный успехом.

— А теперь пристегивайся — и погнали, — обратился он к Элиоту.

— Что ты тут из себя разыгрываешь?

Не отвечая на вопрос, Матт включил заднюю передачу и развернул машину.

— Я заехал к тебе домой и собрал вещи, — пояснил он, указывая на чемодан, втиснутый между сиденьями. — Кстати, твоя бутылка виски уже пуста...

— Что это значит?

— Как это что? Самолет вылетает в девять утра!

— Боже, какой самолет?

Колеса пронзительно взвизгнули, и машина вылетела со стоянки. Через несколько минут мужчины выехали на трассу. Стрелка спидометра быстро перевалила за сто километров в час.

— Э-э-э... ты в курсе, что есть ограничения скорости? — поинтересовался Элиот, судорожно цепляясь за сиденье.

— Очень сожалею, что нарушаю правила, но мы немного опаздываем...

— Может, хотя бы объяснишь, куда мы торопимся?

— Я-то никуда, — спокойно ответил Матт. — А вот ты собираешься лететь к Илене во Флориду.

— Что?

— Ты миришься с ней. Вы женитесь и рожаете парочку малышей.

— Ты что, с ума сошел?

— Мне кажется, что на сегодняшний день именно с твоей головой не все в порядке. Ты что, забыл историю с гостем из будущего?

— Нет. Но это вовсе не больная фантазия! Это правда, понимаешь?

Матт решил не спорить на эту тему.

— Поговори с Иленой, сделай себя и ее счастливой, и ты увидишь, все опять будет хорошо.

— Но я не могу уехать так просто, ни с того ни с сего. На этой неделе у меня запланировано несколько операций...

— Ты врач, а не бог, — прервал его Матт. — Не волнуйся, тебе найдут замену.

Элиоту вдруг очень захотелось увидеть Илену. Он чувствовал, что это необходимо. Но в то же время молодой человек не мог позволить себе, чтобы его нежные чувства к женщине возобладали над профессиональным

чувством долга. Тем более на работе наступили нелегкие времена: его начальник, доктор Амендоза, которого боялись все сотрудники, не слишком одобрял методы молодого доктора и иногда делал ему замечания.

— Послушай, Матт, спасибо за помощь, но я не думаю, что это хорошая идея. Я работаю в этой больнице всего несколько месяцев, и мне необходимо закрепиться. Знаешь, мой начальник точно не будет в восторге от того, что я уехал. Он потом припомнит этот промах и не включит меня в штат врачей.

Матт пожал плечами.

— Я поговорил с твоим Амендозой, и он согласился отпустить тебя до следующего понедельника.

— Ты шутишь? Ты что, правда поговорил с доктором Амендозой?!

— Конечно.

— Конечно «ты шутишь» или конечно «поговорил»?

Матт тряхнул головой.

— Твой страшный доктор тоже заметил, что ты не в себе последние дни. И кстати, прими к сведению: он считает тебя многообещающим врачом.

— Нет, ты шутишь...

— Это я узнал от медсестер. Амендоза всем в больнице говорит, что ты классный хирург!

— Всем, кроме меня, — вздохнул Элиот.

— Ну вот для того я и сижу здесь, чтобы помочь своему другу обрести почву под ногами.

На горизонте сквозь тучи пробивался розоватый свет, что предвещало хороший день. Матт порылся во внутреннем кармане пиджака и достал билет на самолет.

— Доверься мне, я знаю, что тебе сейчас необходимо.

Элиот почувствовал, что сдается, но все же выдвинул последний аргумент.

— А как же Растакуэр? — спросил он.

— Не волнуйся за своего питомца. Я каждый день буду приезжать и кормить его.

Наконец Элиот взял протянутый Маттом билет, радуясь про себя, что у него такой хороший друг. В голове промелькнуло воспоминание о том, как десять лет назад они встретились во время трагических обстоятельств, о которых он никогда никому не говорил. Элиоту хотелось сказать другу что-нибудь особенное, чтобы поблагодарить его за трогательную заботу, но он не нашел слов. Матт первым прервал молчание.

— Если бы я тебя не встретил, знаешь, где бы я был сейчас? — Поскольку Элиот ничего не ответил, а только пожал плечами, француз продолжил: — Я бы уже давно не жил.

— Прекрати, а?

— Но это правда. Согласись...

Элиот искоса разглядывал товарища. Помятая одежда и красные глаза говорили о том, что этой ночью Матт не спал. Элиота также беспокоила непонятно откуда возникшая опасная манера вождения друга, да еще и в пьяном состоянии, эти мысли о прошлом и о смерти...

Наконец врач догадался: у Матта, похоже, тоже не лучшие времена. Смех и хорошее настроение друга скрывали горечь и боль, которые порой отражались в его в глазах.

— Хочешь, расскажу одну вещь... — разоткровенничался француз. — Просыпаясь каждое утро, я смотрю на небо и на море и говорю себе, что я вижу все это только благодаря тебе.

— Ты пьян, Матт!

— Да, я пьян, — согласился он. — Ты спасаешь людей, а я пью. Потому что я не умею ничего другого, как кадрить девушек и жить в свое удовольствие...

Он помолчал немного и добавил:

— А знаешь, возможно, это моя миссия: беречь тебя и заботиться о тебе, насколько это возможно.

Чтобы не выказать своего волнения и избежать тягостного молчания, Элиот решил перевести разговор на что-нибудь более простое и непринужденное.

— Неплохое у тебя оборудование, — присвистнул он, указывая на аудиопроигрыватель последней модели.

— Да, две колонки по пять ватт, — мгновенно отозвался Матт, который тоже был не прочь сменить тему разговора.

— Ты купил последнюю кассету Боба Дилана?^[24]

Матт усмехнулся.

— Дилан уже в прошлом, старина. Будущее вот за этим, — сказал он, роясь в бардачке и доставая оттуда кассету в красивой черно-белой обложке.

— Брюс Спрингстин? — прочитал Элиот. — Первый раз слышу.

Матт рассказал ему все, что знал о молодом рокере, который пел о жизни обычных работающих парней в Нью-Джерси и популярность которого быстро росла.

— Вот увидишь, — предупредил он, вставляя кассету в

проигрыватель, — эта музыка совершит настоящий переворот.

Первые звуки «Born To Run»^[25] совпали с моментом, когда солнце позолотило верхушки деревьев. До конца дороги друзья молча слушали музыку, думая каждый о своем.

Наконец на горизонте показался аэропорт. Мэтт подъехал к залу вылета и сделал красивый вираж перед входом в здание.

— Ну, давай бегом, не опаздывай.

Элиот схватил чемодан и помчался к стеклянным дверям. Он пробежал несколько метров, как вдруг обернулся и крикнул Мэтту:

— Если мой самолет разобьется и я первым попаду на небеса, занять тебе там место?

— Да уж, будь так добр, займи мне какое-нибудь тепленькое местечко рядом с Мэрилин Монро... и так, чтобы недалеко от тебя.

Не любовь связывает двоих людей, а секс.

Тарун Тейпал, «Далеко от Шандигара», с. 11

Не секс связывает двоих людей, а любовь.

Тарун Тейпал, «Далеко от Шандигара», с. 670

1976 год

Элиоту 30 лет

«Дамы и господа, наш самолет начинает посадку в аэропорту Орландо. Просим вас занять свои места и пристегнуть ремни безопасности».

Элиот отвернулся от иллюминатора и посмотрел на центральный проход в самолете. Пассажиров было не много. Мэтт мог разыгрывать скептика сколько угодно, но доктор знал: то, что с ним произошло совсем недавно, — чистая правда, и потому тщательно разглядывал пассажиров, каждую минуту ожидая встречи с двойником. С тех пор как отпечатки пальцев подтвердили, что он и гость из будущего — это одно и то же лицо, Элиот ждал двойника с нетерпением и тревогой.

Самолет мягко приземлился в Орландо. Не теряя времени, доктор взял чемодан, арендовал машину и поехал по направлению к дельфинарию. После ночи дежурства и шестичасового перелета, во время которого он так и не смог сомкнуть глаз, Элиот чувствовал себя уставшим и сонным. Он опустил стекло «Форда Мустанга» и вдохнул морской воздух. Во Флориде климат был намного мягче, чем в Сан-Франциско. И осень здесь еще не началась. Элиот проехал мимо улицы Интернейшнл-драйв с ее красивыми газонами и только что построенными современными отелями. Город всегда выглядел празднично, оживленно. Все это казалось немного искусственным, но Элиоту было сейчас не до архитектуры.

Припарковавшись на огромной стоянке «Мира океана», Элиот собрался сначала позвонить Илене, чтобы предупредить ее о своем приезде, но потом передумал. Доктор решил сделать любимой женщине сюрприз и появиться незаметно, как простой турист.

Парк был построен как отдельный маленький городок,

простирающийся на шестьдесят гектаров. Работало в нем несколько сотен человек. Элиот часто бывал здесь, поэтому хорошо ориентировался в огромном пространстве. Прекрасно зная, где сейчас может находиться Илена, он пересек холмистый сад с розовыми фламинго, окруженный тропическим аквариумом, прошел по небольшому искусственному пляжу, у которого жили огромные черепахи, а затем, миновав огороженный водоем, где плавали несколько ленивых аллигаторов, подошел к бассейну с китами.

Шесть касаток «Мира океана» жили в бассейне глубиной двенадцать метров в сорока пяти миллионах литров морской воды. Сейчас был объявлен перерыв между спектаклями, и ступеньки амфитеатра опустели. Элиот устроился на одном из сидений и стал искать глазами Илену. Он довольно быстро заметил ее. Одетая в костюм для погружений, Илена, как заправский дантист, лечила зуб одному из китов, а тот терпеливо ждал с открытой пастью. Элиот вздрогнул при виде столь опасного зрелища и подумал о цирковых укротителях, которые засовывают голову в пасть льва. Он прекрасно знал, что Илене не понравилось бы такое сравнение.

Стройная и гибкая, она была прекрасна, как русалка, и сияла, словно бриллиант среди стекляшек. Часто, когда они вместе заходили в ресторан или магазин, он пропускал ее вперед, и в эти секунды люди думали, кому же посчастливилось стать возлюбленным такой красавицы. И когда он входил вслед за ней, то порой замечал на лицах выражение легкого разочарования.

Два работника вертелись вокруг Илены, стараясь привлечь ее внимание. Она смеялась над их шутками, но твердо держала дистанцию.

Был ли он достоин такой женщины? Сделал ли он ее счастливой?

Долгое время Элиот жил только сегодняшним днем, но сейчас он чувствовал, что пришло время серьезно задуматься.

Часто Элиот размышлял о том, какой была бы его жизнь, если бы он не встретил Илену десять лет назад. Благодаря ей он стал гораздо увереннее в себе. Он понял много важных вещей, в том числе и свое жизненное призвание. А для нее? Что он сделал для нее? Может быть, однажды она проснется и поймет, что впустую тратила с ним время?

«Расстаться с тобой...» — прошептал он, как будто она могла его услышать.

В одном доктор был уверен твердо: он сделает все возможное, чтобы этот день никогда не настал. Однако Элиот не знал, сумеет ли он бросить работу и дом в Сан-Франциско, чтобы жить вместе с Иленой в Орlando. Ему было тяжело принять такое решение, но он чувствовал себя готовым отдать за нее жизнь, а это не так уж мало.

С такими мыслями он поднялся, решив, что пришла пора поставить на место молодых парней, которые крутились вокруг Илены.

— Эй, мальчик! — позвал он подростка, который продавал воздушные шарики, надутые гелием.

— Да, месье.

— Сколько стоят шарики?

— Один доллар две штуки.

Элиот отдал двадцать долларов и взял всю связку. Скрывшись за шариками, он тихонько подошел к бассейну.

— Посетителям сюда нельзя, — преградил ему дорогу один из сотрудников.

Элиот был знаком с некоторыми людьми, работавшими здесь, но этого видел впервые. Он посмотрел на окликнувшего его мужчину и понял, что тот настроен весьма агрессивно.

«Ну что ж, посмотрим, кто кого, — сказал про себя Элиот, продолжая свой путь, словно ничего не слышал. — Не испортит же этот придурок мне весь сюрприз».

Но тот, видимо, думал по-другому.

— Вы что, оглохли? — крикнул он, толкая Элиота.

Молодой врач чуть не споткнулся и, чтобы удержать равновесие, случайно выпустил шарики.

— Идиот! — раздосадованно крикнул он мужчине.

Рабочий со сжатыми кулаками преградил доктору дорогу.

— Что тут происходит? — спросила Илена, подходя к ним.

— Да вот, этот тип разгуливает здесь, как у себя дома, — пояснил задира, указывая на Элиота.

— Не волнуйся, Джимми, это ко мне, — сказала она, придя в себя после секундной паузы.

Рабочий с сожалением отошел от Элиота, бросив в сторону:

— Мерзавец!

— Придурок! — ответил ему доктор.

Элиот и Илена смотрели друг на друга.

— Я был тут по делам и решил заехать...

— Не придумывай. Лучше признайся, что не можешь жить без меня.

— А ты можешь?

— Я тут всегда окружена мужским вниманием. Тебе следовало бы проявить хоть немного беспокойства по этому поводу...

— Я волнуюсь, потому и приехал.

Она задорно посмотрела на возлюбленного.

— Прости мне перепалку с Джимми, — сказал Элиот.
— Не волнуйся, мне нравится, когда ты из-за меня дерешься...
Он посмотрел вверх.
— Я купил их для тебя.
Илена тоже подняла глаза и увидела улетающие в небо шарики.
— Если это была твоя любовь, то она улетела, как видишь.
Он покачал головой.
— Любовь так вдруг не исчезает.
— Ее надо беречь, она очень хрупка...
— Я тебя люблю, — просто сказал он ей.
Она бросилась к нему в объятия, и он закружил ее в воздухе, как если бы им было по двадцать лет.
Солнце уже садилось за пальмы.

* * *

— Я тут кое о чем подумал, — сказал Купер, опуская Илену на землю.
— О чем же? — спросила она, не отрываясь от его губ.
— Может, нам с тобой все-таки зачать ребенка?
— Прямо здесь и сейчас? Перед касатками и дельфинами? —
поинтересовалась она, припоминая его слова, прозвучавшие несколько
дней назад в аэропорту.
— А почему бы и нет?

* * *

Илена припарковала «тандерберд» в конце аллеи, откуда был виден симпатичный домик из розового кирпича с белыми пилястрами и застекленной террасой. Уже несколько месяцев она снимала второй этаж у мисс Эбботт, сварливой старухи, наследницы богатой бостонской семьи, которая проводила большую часть времени во Флориде, так как теплый климат был на пользу ее ревматизму. Мисс Эбботт была довольно консервативных взглядов и хотела, чтобы ее постояльцы были людьми из «хорошего общества». Несколько раз она напоминала Илене о строжайшем запрете водить в дом мужчин: у нее тут якобы «не постоянный двор».

Илена прижала палец к губам, призывая Элиота к осторожности. Мисс Эбботт была глуховата, но все же шуметь не стоило. Они вышли из

машины, постаравшись не хлопать дверцами, и стали тихо подниматься друг за дружкой по узкой пожарной лестнице, которая вела на второй этаж, минуя главный вход.

Элиот шел, недовольно ворча себе под нос, не ощущая никакой радости от того, что ведет себя словно школьник, сбежавший с уроков. Илена тихонько над ним подсмеивалась, как вдруг...

— Илена, это вы?

Входная дверь открылась, и на крыльце появилась хозяйка дома.

— Здравствуйте, мисс Эбботт. Какой сегодня замечательный денек, не правда ли? — сказала Илена, стараясь скрыть замешательство.

— Что это вы там делаете? — спросила пожилая леди, хмуря брови.

Заподозрив неладное, она осмотрела лестницу, ведущую на второй этаж. Но, к счастью, Элиот уже успел зайти в квартиру.

— Я думала, вы спите, и не хотела вас беспокоить, — объяснила Илена.

Старушка недоуменно пожала плечами и, смягчившись, спросила:

— Не хотите ли выпить со мной чашечку чая?

— Э-э-э... хорошо...

— Я испекла печенье. Вам понравится. Горячее, только что из духовки...

— Но я...

— Это старинный рецепт, который мне передала моя бабушка. Я могу дать его вам, если хотите.

— Мне бы не хотелось вас стеснять.

— Да нет же, деточка, — заверила старушка, увлекая девушку в гостиную. — Мне будет очень приятно с вами побеседовать.

По тону хозяйки Илена поняла, что та, возможно, и не была такой недогадливой, какой казалась с первого взгляда.

* * *

Сидя в маленькой квартирке, Элиот начал беспокоиться, куда запропастилась Илена. Он на цыпочках вышел из комнаты и заглянул на первый этаж. С огорчением увидел, что Илена сидит в кресле-качалке и пьет чай, не имея возможности сбежать от назойливой хозяйки, рассказывавшей ей рецепт знаменитого печенья.

Понимая, что любимая застряла надолго, Элиот вернулся в комнату и стал разбирать чемодан. Квартирка была уютной: повсюду были

расставлены разноцветные свечи и индийские статуэтки, на диване и креслах разместились разноцветные подушки. В углу стояла гитара, рядом — барабан, на котором лежала тетрадь с партитурой песен Джоан Баэз и Леонарда Коэна. На дальней стене висела афиша французского фильма «Жюль и Джим», которую привез Мэтт из своей последней поездки в Париж. На ночном столике среди книг по психологии животных лежали последний роман Агаты Кристи и роман Стивена Кинга — незнакомое Элиоту автора, — украшенный яркой обложкой. Молодой врач взял книгу в руки и пробежал глазами краткое содержание.

«Еще один писатель, которого через пять лет все забудут», — подумал он, кладя роман на место.

Продолжая исследовать комнату, Элиот обнаружил в коробке из дерева коа странный прибор, подсоединенный к телевизору. Илена купила его прошлым летом в магазине «Байт Шоп» в Сан-Франциско за кругленькую сумму — около шестисот баксов. У молодой женщины был научный склад ума. Ее особенно интересовали последние новинки в области технологий, в частности изобретение, о котором «трубили» повсюду, — компьютер. Сам Элиот не особенно разбирался в таких вещах. Илена предсказывала ему, что в недалеком будущем компьютеры появятся в доме чуть ли не каждой семьи, как холодильник или стиральная машина. Вспомнив об этом, Элиот лишь насмешливо пожал плечами.

Но он решил все же пробежать глазами техническую инструкцию. Хотя эта машина и считалась простой в употреблении благодаря клавиатуре и дисководу, Элиот решительно ничего не понял из прочитанного. Он даже представить не мог, для чего нужен этот прибор. Единственное, что он запомнил, — это название фирмы: «Эпл Компьютер».

«Такое имя вряд ли поспособствует популярности», — подумал Элиот, так и не решившись включить прибор.

Илена все еще задерживалась, и Купер решил полистать книжку Стивена Кинга. Через полчаса он с удивлением заметил, что прочел уже сто страниц.

«А этот автор интересно пишет», — нехотя согласился молодой врач. В это время дверь в комнату открылась.

Деревья за окном были окрашены в осенние цвета и отбрасывали в комнату блики.

Илена смотрела на Элиота улыбаясь. На ней были выцветшие джинсы клеш, светлая рубашка, кожаные сандалии и браслет из бирюзы.

— Надеюсь, ты принесла мне хоть немного печенья, — пошутил он, — я уже проголодался.

— А я надеюсь, ты хорошо тут отдохнул, — ответила она, расстегивая верхние пуговицы рубашки.

— С чего это?

— Скоро тебе понадобятся все твои силы...

* * *

Илена захлопнула ногой дверь и задернула шторы. Купер схватил ее и попытался затащить на кровать. Сначала она ему сопротивлялась, но лишь для того, чтобы потом крепче к нему прижаться.

Он обхватил руками любимое лицо. Волосы Илены были все еще влажными и восхитительно пахли морем. Она расстегнула его ремень, сняла джинсы. Он стянул с нее рубашку, не обращая внимания на пуговицы. Обхватив его руками за шею, она тонула в теплоте и нежности его поцелуев. Илена обвила любимого ногами, а он поднял ее выше.

Сняв с нее лифчик, он принялся ласкать ее упругие груди, потом спустился ниже, к обнаженному животу, потом еще ниже... Она вздрогнула... Ты и я... Мы... Его имя прошепестело в воздухе... Холодные руки гладили его спину, плечи...

Опрокинув кресло, они упали на ковер. Неистово любя друг друга, они катались по полу...

На улице поднялся ветер. В открытом окне завывал ураган, с грохотом хлопая форточкой. Упала и разбилась ваза. Вдалеке залаяла собака, что-то кричал человек.

Но им было все равно.

Они вместе, а все остальное не имеет значения. Только это пьянящее счастье, желание раствориться друг в друге...

Она вдыхала его запах, гладила волосы, целовала губы. Сердце ее билось так часто, что становилось больно дышать. Но она не хотела, чтобы это кончалось.

А потом взрыв, странное чувство небытия, словно тело парит в воздухе.

Словно она не здесь, а далеко-далеко отсюда.

Где-то там.

Там...

* * *

Они лежали в темноте, крепко обнявшись. Сплетение тел, сплетение рук... Уже наступил вечер, стало прохладно, но они не замерзали, согреваемые теплом друг друга.

Возлюбленные уже погружались в сон, как вдруг зазвонил телефон. Илена быстро вскочила, стряхнув с себя сонливость, и подняла трубку.

— Хорошо, я сейчас приеду. — Она положила трубку и повернулась к Элиоту: — Прости, малыш...

— Только не говори, что тебе надо куда-то бежать.

— Экстренный случай...

— Это тебе дельфин или касатка звонили, чтобы ты спела им колыбельную?

— Не хватает одного человека для проведения представления, и кроме меня больше некому его заменить.

Она легла рядом с Элиотом. А он, массируя ей плечи, спросил:

— Какой спектакль? Уже семь часов вечера!

— Ты забыл про вечерние спектакли.

— Сезон уже закончился. На дворе октябрь!

— Не надейся, милый. Ты во Флориде, а здесь жара стоит долго.

Она поцеловала его и поднялась.

— Оставайся здесь. А насчет мисс Эбботт не волнуйся: она ложится рано, и вообще, по-моему, она все поняла.

— Я пойду с тобой, — не колеблясь ответил он.

— Боишься, что в меня кто-нибудь влюбится?

— Нет. Просто я заметил симпатичную продавщицу в лавке сувениров. Пока ты будешь выступать, я составлю ей компанию.

— Если ты будешь такое говорить, я тебя убью, — пообещала она, кидая в него подушкой.

Илена быстро оделась и причесалась.

— Такие радикальные решения, — заметил Элиот, натягивая рубашку.

— Вот так. И не думай, что я твоя. Все может случиться. Кто знает, а вдруг мы спали вместе в последний раз.

— Ну, в любом случае мне понравилось.

— А вот это нехорошо.

— Что именно?

— То, что ты только что сказал.

— Я не имею права сказать, что мне очень понравился наш секс?

— Нет, это рассеивает волшебное очарование нашей любви.

Ну-у-у, женщины...

— Я помню все наши встречи и иногда прокручиваю их в голове, как

кадры фильма.

— Очень мило, — заметила она, закрывая за собой дверь.

Элиот спустился по пожарной лестнице, чтобы не столкнуться с мисс Эбботт. Пока Илена его не слышала, он тихонько прошептал:

— Кадры фильма, которые я буду прокручивать в своей голове, если однажды, будучи старым и немощным, я попаду в дом престарелых. Чтобы напомнить себе, как счастливы мы были вдвоем.

Элиот даже понятия не имел тогда, насколько он был прав, говоря эти слова...

11 Третья встреча

Вчера мне было двадцать, и я был счастлив...

Шарль Азнавур

Вчера любовь казалась просто игрой...

Джон Леннон и Пол Маккартни

1976 год

Элиоту 30 лет

Панорамная зала кафе обеспечивала посетителям прекрасный вид на бассейн с касатками, который простирался несколькими метрами ниже. Через четверть часа начиналось шоу с красивыми акробатическими и хореографическими элементами.

Сидя за столиком, Элиот видел, как постепенно заполняются ступеньки амфитеатра. Официант принес бутылку «Будвайзера», которую заказал молодой врач.

В баре стояла приятная прохлада. У стойки гитарист и певица исполняли известные песни Кэрол Кинг, Нила Янга, группы «Саймон и Гарфанкел»...

Витая в мечтах под звуки гитары и вспоминая вечер, проведенный с Иленой, Элиот не заметил, как новый посетитель сел за соседний столик.

Доктор глотнул пива и машинально закурил.

— Значит, это ты забрал мою зажигалку.

Вздвогнув, Элиот повернулся к незнакомцу. На соседней скамейке сидел двойник и весело смотрел на него.

Элиот не удивился их новой встрече: он ждал ее с нетерпением. К тому же она доказывала, что он не придумал всю эту историю с путешествиями во времени.

— Я все знаю, — сказал молодой врач дрогнувшим голосом.

— Что ты знаешь? — поинтересовался собеседник.

— Я знаю, что все это чистая правда и что вы — это я.

Мужчина поднялся со скамейки, снял куртку и сел за столик напротив него.

— Неплохая идея с татуировкой, — одобрительно сказал он, поднимая рукав рубашки и указывая на надпись на плече.

— Я знал, что вы оцените.

Официант, заметив нового посетителя, подошел к столику.

— Что желаете? — спросил он у старшего из мужчин.

— То же, что и мой друг, — ответил тот, указывая на бутылку пива. — У нас одинаковые вкусы.

Оба не смогли сдержать улыбки, и впервые в этом уютном кафе между ними проскочила искра взаимопонимания. Каждый в молчании осознал это новое чувство единения и доверия. Странное ощущение, как будто ты после долгих лет разлуки встретился с кем-то из родственников.

Наконец Элиот прервал молчание:

— Расскажите, как вам это удается?

— Перемещение во времени? Веришь, точно так же, как и ты, я не имею понятия.

— Да ну?

— Ну да...

Элиот затаился сигаретным дымом. В голове у него все перемешалось.

— А как там, в будущем?

— Ты имеешь в виду в две тысячи шестом году?

— Да...

— Что тебе интересно узнать?

У Элиота было множество вопросов. Например, вот этот:

— Как обстоят дела в мире?

— Не лучше, чем сейчас.

— Холодная война...

— Уже давно закончилась.

— Кто победил: мы или русские?

— Если бы все было так просто...

— Не было третьей мировой войны? Ядерной войны?

— Нет, но зато есть куча других проблем: окружающая среда, терроризм, последствия одиннадцатого сентября...

— Какого одиннадцатого сентября?

— Одиннадцатого сентября в Мировом торговом центре Нью-Йорка произошло нечто непредвиденное.

— Что именно?

— Послушай, я не думаю, что стоит все это тебе рассказывать...

Сгорая от нетерпения, Элиот, не задумываясь, стал задавать другие

вопросы:

— А как я поживаю?

— Потихоньку.

— Я стал хорошим врачом?

— Ты уже хороший врач, Элиот.

— Нет, я хотел спросить... стал ли я солиднее? Привык ли к тому, что многие пациенты умирают? Научился ли принимать это не так близко к сердцу?

— Нет, к смерти пациентов не привыкают. И ты остался хорошим врачом именно потому, что принимаешь чужие страдания близко к сердцу.

Несколько секунд Элиот чувствовал себя настолько взволнованным, что не мог говорить. По его спине пробежали мурашки.

— У меня есть дети? — Голос Купера дрогнул.

— Дочь.

— А... — протянул он, не зная еще, радоваться ему или нет. — И как, я хороший отец?

— Думаю, да.

— А Илена? Как она?

— Ты задаешь слишком много вопросов.

— Вам-то просто сказать. Вы же знаете все ответы!

— Если бы я знал...

Он глотнул пива и вынул из кармана пачку «Мальборо».

— Я возвращаю вашу зажигалку, — сказал Элиот, поднося старому врачу огонь.

— Можешь оставить себе. В любом случае рано или поздно она станет твоей.

В глубине зала музыканты играли «Yesterday» «Битлз». Хороший момент, чтобы спросить о чем-то не столь сложном:

— А какую музыку слушают в будущем?

— Не лучше, чем эта, — заверил его собеседник, отбивая ногой такт.

— Они опять объединились?

— Кто? Битлы? Нет, и вряд ли смогут это сделать: Леннона убили, а Харрисон умер два-три года назад.

— А Маккартни?

— Этот жив и здоров.

Голоса вокруг стихли: начиналось представление. Оба мужчины одновременно повернулись к бассейну с касатками.

— Это она? Это Илена? — спросил старший двойник, внимательно глядя в фигуры дрессировщиков.

— Да, она заменяет одного из мужчин.

— Послушай, я не смогу пробыть здесь долго и через несколько минут опять исчезну. Поэтому ты уж не обижайся, но в оставшееся время мне бы хотелось посмотреть на нее.

Не понимая, что именно имел в виду двойник, Элиот проследил глазами, как тот вышел из кафе и пошел вниз по ступенькам.

* * *

Элиоту 60 лет

Элиот спустился по проходу до первого ряда. Огромный бассейн был разделен на три секции — главную и две дополнительных (одну для кормления китов, а другую для тренировок).

Зрелище было впечатляющим. С поразительной грацией шесть касаток, по несколько тонн каждая, с легкостью совершали прыжки, повороты и всевозможные трюки. Но Элиот смотрел только на Илену, которая управляла движением этих огромных морских существ.

Увидеть ее после стольких лет было для Купера настоящим шоком. Она поразила его своей неземной красотой, словно ангел, спустившийся с небес. В течение тридцати лет он мог лишь рассматривать ее фотографии, да и их было не так уж много. Но фотографии — это бумажки. Элиот был ослеплен очарованием ее живой улыбки, блеском глаз, гибкостью движений.

И тут под влиянием эмоций все вернулось с новой силой: и раскаяние, что недостаточно сильно любил ее, что не смог ее понять, уберечь, и это чувство бессилия и ярости перед необходимостью подчиниться судьбе и времени, которое все разрушает...

* * *

Элиоту 30 лет

Все еще находясь под впечатлением от разговора, Элиот сидел не двигаясь, в то время как его старший двойник смотрел спектакль с первого ряда амфитеатра.

Эта встреча только разожгла его любопытство.

Увидев, что гость из будущего забыл на спинке стула куртку, Элиот решил порыться в карманах. К своему удивлению, он не чувствовал ни стеснения, ни стыда: чрезвычайные обстоятельства — чрезвычайные меры. В процессе поиска он наткнулся на кошелек и две маленькие коробочки.

В кошельке не было ничего интересного, за исключением фотографии молоденькой девушки двадцати лет.

«Моя дочь?» — подумал молодой врач. Он попытался найти сходство с Иленой, но не смог. Девушка была очень хороша собой, но красота ее была другой. Взволнованный результатом сравнения, он положил фотографию на место и принялся рассматривать два других предмета:

Первый имел форму коробочки с маленьким экраном и кнопками, на которых были написаны цифры. Над экраном стояла надпись «NOKIA», но это ему ни о чем не говорило. Наверное, название фирмы, которая производила эти аппараты. Молодой врач крутил ее и так и эдак, не понимая, как такая штука может действовать, как вдруг она зазвонила. Немало удивившись, Элиот положил предмет на стол перед собой, не зная, как его отключить.

По мере того как звук усиливался, посетители кафе стали оборачиваться и шикать на молодого человека. И тогда Элиота осенило: это был самый обычный телефон, и даже если этот звонок был предназначен не ему, он должен взять трубку, чтобы выключить звук. Он нажал на зеленую кнопку.

— Алло? — сказал он, поднося к уху маленькую трубку.

— Ну и долго же ты, старина, отвечаешь...

Этот голос, такой знакомый и далекий...

— Матт!!! Это ты, Матт?

— Ну да...

— Матт, ты где?

— На участке, а где же еще? Кто же будет следить за нашим предприятием?

— Мы что, уже купили винодельное производство? Да?

— Э-э-э... тридцать лет назад, старина... Скажи, тебе, я вижу, не стало лучше?

— Матт?

— Да?

— Тебе сколько лет?

— Ладно тебе, я знаю, что уже не двадцать. Не повторяй мне это каждый день!

— Ну скажи, сколько тебе?

— Столько же, сколько и тебе: шестьдесят...

Элиот на несколько секунд замолчал, осознавая всю необычность разговора.

— Спорим, ты даже не догадываешься, что со мной?

— О, от тебя я жду любых сюрпризов. А ты вообще где?

— В семьдесят шестом... и мне тридцать лет.

— Ну вот... Короче, мне пора. Тут проблемы. Кстати, ящики с вином не смогут прибыть во Францию вовремя. У них там опять забастовка, — проворчал он, перед тем как повесить трубку.

Элиот улыбнулся, узнавая своего друга, который ничем не отличался от себя тридцатилетнего.

Но это был еще не конец сюрпризам. Он взял второй предмет. Это была коробочка, обернутая тонким проводом. Размотав провод, Элиот заметил на его конце два маленьких наушника, на которых было написано «правый» и «левый».

Он засунул наушники в уши и принялся более внимательно рассматривать сам прибор. Коробочка, толщиной не более монетки, имела экран и подвижный кружок посередине. Молодой врач надавил на него, и на экране появилось:

iPod

Произведено в Калифорнии компанией «Apple»

Собрано в Китае

Элиот двигал джойстик, а на экране появлялись неизвестные имена исполнителей, о которых он никогда не слышал: «U2», «R.E.M.», «Coldplay», «Radiohead»...

В итоге он все же обнаружил кое-что знакомое — «Роллинг стоунз».

Доктор довольно улыбнулся. Увеличив громкость до максимума, Элиот нажал кнопку Play и...

Первые аккорды композиции прозвучали таким грохотом в его ушах, как будто в голове пролетел самолет. Элиот взревел, бросил аппарат и выдернул из ушей наушники. Молодой человек быстро положил все на место: телефон, кошелек и плеер.

Да уж, будущее обещало быть не слишком простым и безоблачным...

* * *

Элиоту 60 лет

Спектакль приближался к концу. По центру бассейна с огромной скоростью неслись две касатки. Доплыв до бортика, они синхронно развернулись, сделали прыжок и плашмя опустились в воду, осыпав первые ряды волной брызг.

Несколько капель соленой воды попало Элиоту на лицо, но он не обратил на это внимания, зачарованно следя за Иленой.

В финале выступления молодая женщина забралась на вышку и зажала в зубах рыбу. Публика затаила дыхание, видя, как Аннушка, главная касатка, прыгнула из воды и аккуратно взяла рыбу у Илены изо рта.

Под гром аплодисментов женщина обернулась к публике, поклонилась и встретила взгляд старого мужчины, который ей кого-то напомнил.

Эта странная схожесть...

Она инстинктивно почувствовала, что должна улыбнуться мужчине. Сделав это, она посмотрела на него с теплотой. На мгновение Элиот почувствовал себя вне времени. Он растворился в этой счастливой улыбке, адресованной только ему. Вот о чем он будет вспоминать, когда вернется.

Ну что ж, наконец он получил то, что просил у старого камбоджийца. Он вновь увидел любимую женщину. Его желание было удовлетворено.

Вдруг он почувствовал, как к горлу прилила кровь, а во рту пересохло. Он задыхался, его сотрясала дрожь, как каждый раз перед возвращением назад в будущее. Он быстро поднялся и пошел в кафе.

Подойдя к столику, пожилой доктор успел предупредить двойника:

— На этот раз наша встреча была последней, Элиот. Забудь все, что я тебе говорил, и все, что ты видел. Продолжай жить так, как будто я никогда не встречался тебе на пути.

— Вы больше не вернетесь?

— Нет.

— Но почему?

— Я хочу, чтобы твоя жизнь текла своим чередом. Кроме того, я уже получил то, что искал.

Он начинал все сильнее дрожать. Молодой Элиот помог ему надеть куртку и проводил до туалета.

— А что вы здесь искали?

— Я хотел увидеть Илену.

— Почему?

— Ты достал меня своими вопросами!

Но молодой врач не собирался отступить. Он схватил гостя из

будущего за воротник, не давая ему уйти.

— Почему вы хотели снова увидеть Илену? — прокричал он, прижимая его к стенке туалета.

— Потому что она умрет, — вынужден был сказать старший Элиот.

— Как это умрет? Когда?

— Скоро.

— Ей всего двадцать девять лет. Так рано не умирают!

— Прекрати! Ты врач и прекрасно понимаешь, что это может произойти когда угодно.

— Но почему она умрет?

Со слезами на глазах старый врач хранил молчание. А потом, перед тем как исчезнуть, нехотя произнес:

— Ты ее убьешь...

Мы всегда ищем одного-единственного человека, который даст нам все, чего нам в жизни не хватает. А если мы не можем его найти, то надеемся только на то, что он сам нас найдет.

Отчаянные домохозяйки

Флорида

1976 год

Элиоту 30 лет

Они выехали на рассвете.

В сторону юга дул сильный ветер, и поэтому небо было чистым, без единого облачка. По асфальту кружились первые осенние листья. Элиот вел «Тандерберд» по направлению к Майами, а Илена сладко спала на соседнем сиденье.

Она с трудом, но все же смогла получить двухдневный отпуск, и влюбленные решили провести выходные в Ки-Уэст, где жил дядя Илены. Они уже давно планировали совершить поездку, но все как-то откладывали. Казалось, впереди еще столько времени, которое будет принадлежать только им...

В десятый раз за последние пять минут Элиот посмотрел на спящую Илену, убеждаясь, что с ней все хорошо. Она была для него хрупким цветком, который надо было оберегать и нежно любить. Молодая женщина дышала спокойно и глубоко, но это не могло успокоить волнение и тоску, которые царили у него в душе.

Надо было наслаждаться этими прекрасными днями: они были вместе, они любили друг друга. Но Элиот не мог расслабиться, он все время думал о леденящих душу словах двойника: «Илена скоро умрет... Ты ее убьешь». Это было похоже на кошмарный бред, но все, что говорил ему гость из будущего, в итоге оказывалось чистой правдой.

Элиот размышлял над этим всю ночь. Его беспокоило одно: почему двойник, зная, что Илена умрет, не сообщил, как ее спасти, и почему он сказал, что больше не вернется никогда?

— Смотри на дорогу, любимый, а не на меня, — сказала Илена,

потягиваясь.

— Ты намного красивее, чем дорога...

Когда она наклонилась его поцеловать, у него возникло желание все рассказать ей. Но как это прозвучит? «Послушай, я тут встретил человека из будущего, и он сказал, что ты скоро умрешь. И этот кто-то был я, только на тридцать лет старше».

Элиот открыл уже было рот, но так и не произнес ни слова. Он не мог рассказать ей всего, она бы не поверила, как и Матт. Эта история переходила все границы возможного, поэтому бороться с обстоятельствами он должен в одиночку. Ни лучший друг, ни любимая женщина не могут ему помочь. Элиот не чувствовал уверенности в своих силах. Он был морально уничтожен тем, что узнал, и вновь засомневался в своем психическом здоровье. А вдруг все это действительно кошмарный сон?

Один на один с неизвестностью... Но как бы там ни было, у него был союзник — его двойник! Главное, надо было заставить врача вернуться, чтобы он подсказал Элиоту правильный путь. Несколько дней назад молодой человек смог это сделать с помощью татуировки. На этот раз надо было придумать что-то новое.

Но что именно?

* * *

Сан-Франциско

2006 год

Элиоту 60 лет

После двух суток непрерывного дождя в Сан-Франциско опять было солнечно.

Элиот и Энжи решили провести день вместе. Они взяли напрокат велосипеды и поехали через Голден Гейт в пригород Марин-Каунти. Они ни разу больше не заговорили о болезни Элиота. Отец и дочь торопились наслаждаться жизнью, осознав всю ее ценность лишь тогда, когда время уже катастрофически поджимало.

В полдень они сделали привал в Сосалито и расстелили покрывало прямо на пляже. Говорили мало. Просто радовались тому, что проводят время вместе. Любимый человек рядом, и больше ничто не имеет значения.

Перекусив, они отправились дальше вдоль живописного берега в маленький городок Тибурон, покататься на скутерах. Энжи очень хотелось

самой сесть за руль, но она отчаянно боялась. Элиоту понадобилась вся сила убеждения, чтобы девушка наконец решилась.

Наблюдая за дочерью, медленно удаляющейся от берега, доктор погрузился в мысли о вчерашних событиях.

Благодаря третьей пилюле он смог увидеть Илену за несколько недель до ее смерти. Раньше Элиот твердо знал, чего хочет: он возвращался в прошлое, чтобы увидеть любимую женщину. Однако легче ему не стало. Цель была достигнута, но он не чувствовал себя счастливым. Открылись старые раны, опять появилось чувство вины и яростного бессилия. Элиот сердился на себя за то, что слишком много рассказал своему младшему двойнику. Он не должен был говорить о смерти Илены! А теперь ему страстно хотелось спасти ее. Всего одна таблетка, и она не умрет. Но разве он имеет право менять ход событий?

Прошлое нельзя изменить безнаказанно! Он был в этом уверен. До этих пор он вел себя как простой зритель, ничего не меняя в жизни других. Если он все же решится повлиять на историю, последствия могут быть ужасными. Каждый знает, что такое «эффект бабочки» или теория хаоса: одно маленькое незначительное событие может повлечь за собой страшные разрушения. Бабочка взмахнула крыльями в Японии, а во Флориде началась буря...

Осталось еще семь пилюль. Элиот пообещал себе не использовать их.

Если бы Илена не умерла, они жили бы вместе, купили дом, родили детей. Но тогда Элиот не встретился бы с матерью Энжи, а это значило, что его любимой дочери вообще не было бы на свете.

Доктор осмысливал проблему и так и этак, но не находил выхода. Жизнь Илены могла быть спасена только ценой смерти Энжи.

А этого он не хотел.

* * *

Элиоту 30 лет

Солнце уже поднялось высоко, когда они выехали на Оверсиз Хайвэй, ровную, с прекрасным видом на море дорогу, которая простиралась от южного мыса Сан-Франциско до Кубы.

Казалось, что они приехали на самый край света. В пределах двухсот километров виднелись лишь многочисленные острова, рассыпанные в прозрачной бирюзовой воде. Элиот и Илена наслаждались прекрасным

видом, наблюдая за пеликанами, летавшими рядом с ними, и у влюбленных возникало чувство, что они странствуют на огромном океанском лайнере.

Дорога проходила прямо над морем и состояла из десятков мостов, протянувшихся с одного острова на другой. Доктор откинул верх машины и нашел радиостанцию, на которой крутили хорошие старые песни. Машина неслась на полной скорости, и Элиот с Иленой отдавались ощущению безмятежного счастья.

В Ки-Ларго они остановились в рыбацкой хижине, переделанной в ресторанчик. Влюбленные заказали креветок, крабов и устриц.

Перед отъездом Элиот обратился к Илене:

— Зайду на почту, позвоню Матту, скажу, чтобы он не забыл покормить собаку.

— Хорошо, красавчик, а я куплю крем от загара.

Элиот вошел в здание, украшенное изнутри морскими картами, рыболовными сетями и макетами кораблей. После долгих раздумий он все-таки нашел способ отправить послание в будущее. Молодой человек подошел к кассе и сказал, что хочет отправить две телеграммы в Сан-Франциско.

Первая начиналась так:

Матт, спасибо за все, но мне опять нужна твоя помощь.
Пожалуйста, не пытайся понять то, о чем я тебя попрошу.
Однажды я все тебе объясню. А пока доверься мне.

* * *

Сан-Франциско

1976 год

Матту 30 лет

Сквозь льняные шторы пробивалось заходящее солнце. Матт играл на гитаре балладу, сочиненную им специально для Тиффани. На самом деле он всего лишь вставил в песню имя своей новой любовницы, а аккорды и слова француз позаимствовал у Элтона Джона.

— Это что, должно произвести на меня впечатление? — спросила Тиффани, прекрасно понимая, что Матт сочинил песню не сам.

Томно возлежав на диване и потягивая коктейль, она весело на него посмотрела.

Положив гитару, он подошел к ней.

— Не совсем гениально получилось, я согласен.

Тиффани задорно улыбнулась.

«Несмотря на все промахи, этот тип дьявольски привлекателен», — подумала она, поднимаясь.

Матт сел рядом с женщиной, любуясь ее стройными ногами и откровенным декольте.

«Эта девчонка, помимо того что сногшибательно красива, еще и довольно умна, хоть и прикидывается дурочкой», — подумал он.

Матт быстро прогнал эти мысли, он всегда боялся оказаться глупее избранной им девушки. В свое время он не получил высшего образования, и теперь его мучили кое-какие комплексы.

Он наклонился и поцеловал Тиффани в губы.

Не думай ни о чем лишнем, Матт, дружище, сейчас важно одно — секс.

Он с таким трудом добился второго свидания с Тиффани, что не собирался упускать шанс. Наслаждаясь совершенными формами подруги, Матт положил руку ей на бедро. И тут...

— ЕСТЬ КТО ДОМА?!

Матт вскочил одним прыжком. Так у него точно ничего не получится!

— Это телеграфист! — прокричал кто-то за дверью. — У меня две телеграммы для Матта Делюка.

Пока Тиффани поправляла платье, Матт открыл дверь, недовольно ворча. Взял телеграммы и протянул чаевые телеграфисту.

— Они пронумерованы. Читайте их по очереди.

Матт нервно разорвал первый конверт. Для него телеграммы ассоциировались с плохими новостями: чьей-то смертью, болезнью, несчастными случаями...

Он развернул листок.

Матт быстро пробежал текст глазами. Две фразы удержали его внимание: «Доверься мне» и «Приезжай ко мне как можно быстрее».

— Извини, но мне надо ехать, — с отчаянием в голосе сообщил он Тиффани.

Как будто ожидая этого, молодая женщина поднялась с дивана и встала перед Маттом.

— Если ты выйдешь из этой двери, ты никогда со мной не перепишешь...

Он пристально посмотрел на нее. В лучах заходящего солнца ее платье казалось прозрачным, и прекрасные волнующие формы угадывались под

легкой материей.

— Это очень важно, — попытался оправдаться Матт.

— А я что, не так важна? — поинтересовалась Тиффани.

Матт был заправским донжуаном, но он ей нравился. И она не хотела рвать с ним отношения. Но второго раза она ему точно не простит.

— Ты будешь об этом сильно сожалеть, — произнесла женщина и как бы случайно расстегнула верхнюю пуговицу платья.

— Это точно, — вздохнул Матт.

Тиффани собрала вещи.

— Бедный мальчик, — сказала она, хлопая дверью.

* * *

Флорида

1976 год

Элиоту 30 лет

Элиот и Илена приехали в Ки-Уэст к закату солнца. Они находились в самой южной точке США — там, где кончается и начинается Америка...

Узкие улочки, тропические сады, колониальные домики — все казалось волшебным. Влюбленные припарковали машину на берегу моря и немного прогулялись по пляжу, нарушая единоличное царство пеликанов и цапель. В небольшом кафе неподалеку отсюда они договорились встретиться с дядей Илены Роберто Крузом, старейшим жителем острова. Он был верным поклонником Хемингуэя и свидетелем того, как знаменитый литератор посещал эти места в тридцатые годы. Когда был создан музей великого писателя, Роберто устроился работать охранником. Одетый в гавайскую рубашку, с седой бородой, он и сам походил на Хемингуэя. Жил Роберто в маленьком домике рядом с виллой писателя. Он настоял на том, чтобы Илена и Элиот остановились у него, а не в отеле. Молодые люди с удовольствием согласились.

— Добро пожаловать в дом Хемингуэя, — сказал он, открывая резные железные ворота, за которыми разворачивался прекрасный вид на здание, построенное в колониальном испанском стиле.

Входя в сад, Элиот подумал, получил ли Матт его телеграмму.

* * *

Сан-Франциско
1976 год
Матту 30 лет

— Привет, Растакуэр! — сказал француз, открывая дверь в дом Элиота.

Маленький лабрадор, радостно виляя хвостом, подбежал к гостю. Матт почесал собаку за ушами и насыпал в миску корма. Выйдя в сад и прислонившись к дереву, француз еще раз обдумал телеграмму, полученную от друга.

Матт волновался. Уже несколько дней Элиот вел себя странно, и француз ругал себя за то, что не смог заставить его выбросить из головы историю с гостем из будущего. Матт надеялся, что достаточно отправить доктора к любимой, чтобы тот забыл обо всем на свете. Но не тут-то было. Чем дальше, тем больше француз казался, что у друга возникли довольно серьезные проблемы.

Матт не видел логики в словах Элиота, но точно выполнил все, о чем друг просил в своем послании. Возможно, у доктора и поехала крыша, но француз собирался остаться верным лучшему товарищу, единственному близкому для него человеку в этом мире.

Матт был сиротой. Провел детство и отрочество в Париже, переходя из семьи в семью. В пятнадцать лет бросил школу и стал подрабатывать кем придется. Участвовал в не совсем законных делах и провел несколько дней в комиссариате. Став нарушителем в своей стране, решил попытаться счастья в Америке. Продал все свое имущество, чтобы добраться до Нового Света. Многие бы на его месте уже сдались, но он был пробивным парнем. В Нью-Йорке, а потом и в Калифорнии молодой человек почувствовал себя своим среди своих, поскольку здесь не придавали большого значения диплому и социальному положению.

Как и было написано в телеграмме, Матт нашел в библиотеке большой атлас. Старая книга была полна иллюстраций. Между 66 и 67 страницами он положил вторую телеграмму. После этого поставил книгу обратно на полку.

Затем Матт спустился в гараж и, порывшись в инструментах, нашел паяльник. Вернувшись в дом, он включил аппарат в кабинете Элиота и принялся выводить раскаленным концом надпись на деревянном рабочем столе друга.

*Сан-Франциско
2006 год Элиоту
60 лет*

Ночь уже давно опустилась на город, когда Элиот приехал домой. Он только что вернулся из аэропорта. Доктор провожал Энжи, которая улетела вечерним рейсом в Нью-Йорк. Открывая дверь, Элиот чувствовал себя уставшим и одиноким. Думая о своем, он прошел в кабинет и невидящим взором уставился на огни порта. Дом был грустным и холодным, как и сам хозяин. Дрожая от холода, доктор потер плечи, пытаясь согреться. На пути к ванне он вдруг остановился как вкопанный. На столе красовалась надпись, выжженная паяльником:

Большой атлас
Страница 66

Ее точно не было утром, однако она выглядела выцветшей от времени. Какой хулиган так пошутил?..

Но Элиот быстро нашел ответ. После идеи с татуировкой его молодой двойник придумал другой способ отправить ему послание. Что же он имел в виду?

Большой атлас... Доктор на миг задумался. Единственный атлас, который у него был, — это подарок матери, купленный ею незадолго до смерти. Он свято хранил эту книгу у себя в библиотеке, никогда не открывая. Он подошел к полкам, встал на стул и достал атлас.

Страница 66?

Он быстро пролистал книгу.

Можно ли, чтобы через столько лет...

Голубой конвертик выпал на пол.

Телеграмма?

Он не видел телеграмм уже давным-давно.

Элиот поднял ее и быстро разорвал конверт.

На листочке было напечатано послание его двойника из прошлого, которое ждало его тридцать лет.

Ну как, удивлены?

Вы считаете себя всемогущим, не правда ли? Из-за того, что вы обладаете возможностью перемещаться во времени, вам кажется, будто вы можете безнаказанно портить чужую жизнь и исчезать, ничего не объяснив?

Нет, так дело не пойдет...

Ведь если подумать, вы всего лишь знаете мое будущее, зато я в свою очередь имею власть над вашим прошлым. Вы ничего не можете мне сделать, зато мои поступки напрямую влияют на вашу жизнь.

Мы поменялись ролями. Теперь начинается моя игра...

Я хочу от вас объяснений, и немедленно.

Я вас жду.

Сегодня вечером.

В ужасе от прочитанного, Элиот положил телеграмму на стол. Он открыл ящик Пандоры, и теперь его худшие опасения становились реальностью... Подумав несколько секунд, он решительно взял пузырек с волшебными таблетками и проглотил одну из них.

На улице сверкнула молния, послышались раскаты грома. В зеркале на Элиота смотрел его самый опасный враг — он сам.

13 Четвертая встреча

Мы живем с завязанными глазами... И только потом, когда с наших глаз спадает повязка, мы оглядываемся на свое прошлое и понимаем, как и зачем мы жили.

Милан Кундера

*Ки-Уэст, Флорида
1976 год. 2 часа ночи
Элиоту 30 лет*

В Ки-Уэст бушевала гроза, оставив без электричества весь остров. Элиот не мог заснуть. Тихонько, чтобы не разбудить спящую рядом Илену, Купер зажег керосиновую лампу и отправился исследовать давнее жилище Хемингуэя.

В свете молний казалось, что дом раскачивается от ветра и дождя, как корабль в бурю. Элиот подходил к центральной лестнице, когда раздался оглушительный удар грома. Послышался звон разбитых стекол, доктор вздрогнул и подумал, не вернуться ли ему в постель, но потом пожал плечами.

Чего ему бояться?..

Поднявшись наверх, Элиот прошел по скрипящему паркету в кабинет писателя. Стал медленно открывать дверь, как вдруг кто-то с шипением бросился ему в лицо.

Кошка!

Купер читал где-то, что Хемингуэй любил кошек. В его доме их было около пятидесяти. Элиот поднес руку к лицу: он почувствовал, что на щеке остались следы когтей.

«Ну да, я и животные...»

Доктор прошелся по кабинету, осматривая предметы, принадлежавшие великому писателю: старая печатная машинка, с которой тот ездил в Испанию во время гражданской войны; керамика, подаренная Пикассо; коллекция перьевых ручек; африканская маска с угрожающей мимикой; несколько вырезок из газет, фотографии...

В комнате царила таинственная атмосфера. Во время своего

пребывания в Ки-Уэст Хемингуэй не только рыбачил и отдыхал, но и написал несколько значимых произведений: «Прощай, оружие!», «Снега Килиманджаро».

Зажегся свет, и Элиот затушил керосиновую лампу. Подойдя к проигрывателю, осторожно поставил лежавшую сверху пластинку. Джаз тридцатых годов. Пространство комнаты наполнилось звуками саксофона.

Но вдруг пластинка замолкла, послышался треск лампочек. Комната вновь погрузилась во мрак.

«Ну вот, зачем же я погасил керосиновую лампу?» — подумал Элиот.

Он решил было зажечь ее снова, но оказалось, что забыл в комнате зажигалку.

Доктор несколько мгновений неподвижно простоял в кромешной темноте, все еще надеясь, что свет опять включится.

И тут он почувствовал, что кто-то еще находится в комнате.

— Кто здесь? — спросил Купер дрогнувшим голосом.

Вместо ответа в нескольких метрах от него появился огонек зажигалки. В неверном тусклом свете Элиот увидел своего двойника из будущего.

— Ты хочешь, чтобы я тебе что-то пояснил, малыш? Хорошо, слушай меня...

* * *

Старый врач зажег керосиновую лампу и устроился в кожаном кресле, повернувшись так, чтобы видеть Элиота.

— Скажите, что случится с Иленой! — воскликнул молодой человек со всем пылом любви и молодости.

— Сядь и не кричи.

Горя нетерпением, Элиот все же послушался и сел по другую сторону стола. Его собеседник порылся в кармане и вытащил фотографию.

— Ее зовут Энжи, — пояснил он, протягивая снимок. — Ей двадцать лет. Это самый дорогой мне человек.

Элиот внимательно изучил фотографию.

— А ее мать...

— Нет, ее мать не Илена, — прервал его старый врач.

— Почему?

— Потому что к моменту рождения моей дочери Илена уже десять лет была мертва.

— Почему я должен вам верить?

— Потому что у меня нет причин тебе врать.

— Предположим, это правда. Но почему вы говорите, что я ее убью?

После недолгого молчания старый Элиот ответил, тщательно взвешивая слова:

— Ты убил Илену тем, что плохо ее любил.

— Я уже вдоволь наслушался подобных глупостей! — взорвался Элиот и встал.

— Ты любишь ее так, будто перед вами целая жизнь. А любить надо совсем иначе.

Элиот воспринял ответ с пониманием. Но в данный момент его интересовало другое: он хотел выяснить все о смерти любимой женщины.

— Как умрет Илена?

— В результате несчастного случая.

— Какого несчастного случая? Когда?

— Не надейся, что я тебе все расскажу.

— Почему нет?

— Потому что я не хочу, чтобы ты ее спасал...

* * *

В течение нескольких секунд Элиот хранил молчание, пытаясь понять собеседника. Было слышно только, как дождь стучит по стеклу. Доктор чувствовал, что от него что-то ускользает.

— Но это же единственная возможность! Вы нашли способ вернуться в прошлое и теперь позвольте любимой женщине умереть?

— Не думай, что мне не хочется спасти ее! — Старый врач стукнул по столу кулаком. — Я только об этом и думаю последние тридцать лет.

— Ну так и не мечтайте об этом, а сделайте то, чего так долго хотели!

— Нет!

— Почему?

— Потому что, если Илена останется жить, ты будешь с ней.

— И?..

— И тогда не родится Энжи!

Элиот не понял логики.

— В чем проблема? У меня будут другие дети...

— Другие? Но мне не надо других! Я не хочу потерять свою дочь! Я не хочу жить в мире, где ее не будет!

— А я не дам Илене умереть, — решительно ответил Элиот.

Горя гневом, мужчины встали со своих мест и яростно посмотрели друг на друга, готовые на любые меры, чтобы доказать свою правоту.

— Ты думаешь, что все в твоих руках, потому что ты моложе. Но без меня ты не сможешь ее спасти.

— В любом случае, если Илена умрет, не надейтесь, что у меня будет ваша Энжи!

— Когда ты станешь отцом, Элиот, ты поймешь, что отказаться от своего ребенка невозможно, даже ради спасения любимой женщины.

Долгое время они стояли так, лицом к лицу. И ни один не хотел уступать. Единство и дружба, которые объединяли их во время последней встречи, превратились в открытое противостояние.

Видя, что разговор зашел в тупик, старый врач спросил Элиота:

— Насколько далеко ты готов зайти, чтобы спасти Илену?

— Насколько потребуется, — решительно ответил молодой человек.

— От чего ты готов отказаться ради нее?

— От всего.

— Тогда у меня есть идея...

* * *

Дождь за окном по-прежнему лил как из ведра.

Мужчины сели рядом на ореховую скамейку возле стола. За их спинами в окне регулярно мелькал свет маяка, отбрасывая длинные тени на темный паркет.

— Ты хочешь спасти Илену, и я тебя понимаю. Но ты должен будешь выполнить три условия.

— Какие?

— Первое: ты никому не расскажешь о том, что происходит, — ни Илене, ни даже Матту.

— Но я полностью доверяю своему другу, — возразил Элиот.

— Это не вопрос доверия. Необходимо соблюдать осторожность. Послушай, я уверен, что мы совершаем большую ошибку, пытаюсь идти против судьбы, и что позже нам придется за это дорого заплатить. Я готов пойти на риск вместе с тобой, но только в том случае, если об этом больше никто не узнает.

— Второе условие?

— Если мы спасем Илену, тебе придется с ней расстаться...

— Расстаться? — произнес Элиот с ноткой недоверия в голосе.

— Да, расстаться и больше никогда не видаться. Она будет жить, но для тебя она станет все равно что мертвой.

Элиот замер, осознавая всю жестокость этого условия. Он открыл рот, но не смог произнести ни слова.

— Я прекрасно понимаю, что ты сейчас чувствуешь! — сказал старый врач.

— А третье условие? — тихо спросил Элиот.

— Через девять лет, шестого апреля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, во время медицинского конгресса в Милане ты встретишь женщину, которая проявит к тебе интерес. Ты обратишь на нее внимание, и вы проведете вместе выходные, в которые и будет зачата моя дочь. Это единственный способ спасти и Илену, и Энжи.

В возникшей тишине снова раздались раскаты грома.

Элиот молчал, и старый врач произнес:

— Такова цена за то, что мы попытаемся изменить ход событий. Но ты можешь отказаться.

Гость из будущего поднялся и застегнул куртку, собираясь выйти на улицу, под дождь.

Элиот понял: у него нет иного выбора, как только принять все условия. В течение одного мгновения перед ним пронеслись счастливые годы, проведенные вместе с Иленой. Это счастье скоро закончится, и Элиот навсегда расстанется с любимой женщиной.

Старый врач уже собирался выходить из комнаты, когда молодой человек схватил его за рукав.

— Я согласен! — крикнул он.

Но тот лишь ответил, не оборачиваясь:

— Я скоро вернусь.

Дверь закрылась за ним.

14 Пятая встреча

Все, что должно произойти, обязательно произойдет, как бы вы ни старались этого избежать.

Все, что не должно случиться, не случится, как бы вам этого ни хотелось.

Рамана Махарши

Я заметил, что даже те люди, которые говорят, будто в нашей жизни все предопределено и мы ничего не можем в ней изменить, смотрят по сторонам перед тем, как перейти дорогу.

Стефан Хавкин

Сан-Франциско

1976 год

Элиоту 30 лет

Октябрь.

Ноябрь.

Декабрь.

За три месяца ни единой весточки из будущего!

В целом жизнь шла своим чередом. Элиот работал в больнице, Илена занималась касатками, Мэтт больше не виделся с Тиффани, но зато активно занимался предприятием по разведению винограда, которое они с Элиотом купили.

Купер старался жить как ни в чем не бывало, однако постоянно пребывал в тревоге, волнуясь за Илену, и постоянно ожидал возвращения старшего двойника.

Но тот и не думал появляться.

Элиот пытался убедить себя, что вся эта история была лишь кошмарным сном. Он начал даже подумывать, что стал жертвой стресса: перенапряжение на работе привело к депрессии и потере ощущения реальности. Возможно, это всего лишь болезнь и он скоро излечится, а кошмар превратится в страшное воспоминание.

Ему так хотелось в это верить...

* * *

Зима царила в Сан-Франциско, одевая город в холодные серые оковы, которые спадают только под новогодними огнями.

Утром 24 декабря Элиот дежурил в больнице. Он пребывал в хорошем настроении: вечером должна была приехать Илена, и завтра они вместе улетят в Гонолулу, где несколько дней будут валяться на пляже под кокосовыми пальмами.

Еще не рассвело, когда машина скорой помощи приехала на парковку перед больницей. На носилках вынесли сильно обожженную женщину.

Полчаса назад в одном из зданий района Хейт-Эшбери начался пожар. Это был старый, полуразрушенный дом, в котором ночевали бездомные наркоманы. В пять часов утра в состоянии аффекта после принятия большой дозы героина молодая женщина облила себя бензином и чиркнула спичкой.

Ее звали Эмили Дункан. Женщине было двадцать лет, и жить ей оставалось несколько часов.

* * *

Срочно понадобился хирург. Вызвали Элиота. Наклонившись над пациенткой, он испытал шок от количества ран на теле женщины.

Сильнейшие ожоги третьей степени покрывали все ее тело. Волосы сгорели, под коркой ран не было видно лица. На груди — огромный ожог, затруднявший дыхание.

Чтобы облегчить процесс поступления воздуха в легкие, Элиот решил сделать два боковых надреза, но, когда он подносил хирургический нож к телу пациентки, рука его дрогнула. Молодой врач на секунду закрыл глаза и постарался взять себя в руки. Заглушив в себе эмоции, он начал операцию.

Все утро медицинские работники занимались Эмили, пытаясь облегчить ее страдания.

Но вскоре стало ясно: чуда не случится. Ран было слишком много, дыхание затруднено, почки совсем отказали. Оставалось только ждать.

В полдень Купер зашел в палату Эмили. Подошел к кровати и посмотрел на молодую женщину. Тело пациентки было покрыто повязками. В комнате царила мертвая тишина, нарушаемая лишь работой аппаратов.

Доктор убедился, что действие героина закончилось и Эмили пришла в себя.

Пришла в себя, чтобы понять: она обречена...

Он взял табурет и сел рядом с девушкой, для которой больше ничего не мог сделать. Он знал, что у нее нет родственников и никто не придет проводить ее в последний путь. Элиот хотел бы оказаться сейчас совсем в другом месте, но он не стал избегать отчаянного взгляда Эмили. В этом взгляде был ужас, а еще вопросы, много вопросов, на которые Элиот не смог бы ответить.

Девушка попыталась что-то сказать. Он наклонился к ней, поднял кислородную маску и услышал что-то вроде «мне больно». Элиот решил повысить дозу морфия, чтобы облегчить состояние несчастной. Он собирался сказать об этом девушке, но неожиданно понял, что она произнесла не «мне больно», а «мне страшно»...

Что он мог сделать? Объяснить, что ему тоже страшно? Что он сожалеет о своем бессилии? Что в такие дни жизнь теряет для него смысл?

Он хотел обнять эту бедную девушку, но в то же время и хорошенько отчитать ее. К чему была вся эта бездумная агрессия к собственной жизни? При каком стечении обстоятельств человек вдруг оказывается в пустующем доме и накачивает себя наркотиками? Какая боль оправдывает такое отношение к себе? Как может двадцатилетний человек решить покончить с собой?

Он хотел бы прокричать ей все это. Но доктору не полагалось так себя вести.

Тогда он решил просто посидеть с ней рядом, окружая Эмили сочувствием и заботой. В канун Рождества больница была полупустой, да и система такого не предусматривала: лечить — да, но не провожать в последний путь...

Эмили дышала все тяжелее, тело ее сотрясала мелкая дрожь.

Несмотря на большую дозу морфия, она сильно страдала. Элиот знал, что никогда не забудет эти безумные, полные отчаяния глаза, которые цеплялись за него, умоляя не уходить.

Доктор видел уже достаточно смертей и страданий, но каждый раз

переживал с новой силой. Казалось бы, худшее уже позади, но это не так: оно только и делает, что поджидает тебя где-то там, за поворотом. И всегда бывает еще страшнее, чем прежде.

* * *

Прошел час или два. В 15:00 дежурство Элиота заканчивалось. Он тихонько поднялся и пообещал Эмили:

— Я скоро вернусь.

Доктор вышел в коридор и вызвал лифт. Надо было позвонить Илене и сказать, что он не сможет встретить ее в аэропорту и вернется домой только ночью.

В холле Элиот зашел в телефонную кабинку и набрал номер дельфинария «Мир океана», надеясь, что Илена еще не уехала с работы. Попросил, чтобы его соединили с ветеринарным отделом.

— Алло? — слышался в трубке голос Илены.

— Привет... — начал было Элиот, но вдруг понял, что кто-то нажал на рычаг.

Он повернулся.

Перед ним стоял двойник.

— Сегодня, — прошептал старый врач.

— Что сегодня?

— Сегодня Илена должна умереть.

* * *

Мужчины вместе поднялись на террасу, расположенную на крыше больницы. Каждый из них частенько приходил сюда покурить, чтобы не видеть неодобрительных взглядов коллег. Оба знали, что здесь им не помешают.

Элиот горел желанием узнать все и готов был выплеснуть на двойника поток мучивших его вопросов. Тот положил руку ему на плечо, как бы успокаивая.

— Ты не должен звонить.

— Почему?

— Потому что Илена не поймет.

— Что не поймет?

— Что ты не хочешь ее встретить из-за пациентки. Твое дежурство закончилось. Вы не виделись три недели, и она надеется, что ты приехал за ней в аэропорт и что вы проведете этот вечер вместе.

Элиот попытался оправдаться:

— Но эта девушка... у нее никого нет, чтобы ее поддержать...

— Знаю, — вздохнул собеседник. — Тридцать лет назад я просидел возле нее целую ночь и никогда этого не забуду. — Голос его дрогнул, но он продолжил: — Утром, когда я выходил из больницы, меня ждала ужасная весть: женщина, которую я любил, погибла.

Элиот непонимающе смотрел на старого врача.

— Не вижу связи между смертью Илены и этой пациенткой.

— Я все тебе расскажу. Но прежде дай мне знать, что ты все еще не отказываешься от моих трех условий.

— Я сдержу слово, — твердо ответил Элиот.

— Тогда слушай, что произойдет, если ты позвонишь Илене.

Старый врач начал свой долгий рассказ. Было видно, что он переживает события заново и это дается ему нелегко.

Элиот закрыл глаза, чтобы лучше представить, как все было. И перед ним, словно кадры из фильма, начали прокручиваться картинки.

* * *

Илена: Алло?

Элиот: Привет, это я.

Илена: Сегодня вечером ты получишь сюрприз.

Элиот: Послушай, дорогая, у меня тут возникла проблема...

Илена: Что такое?

Элиот: Я не смогу встретить тебя в аэропорту.

Илена: Я думала, ты освобождаешься в три часа.

Элиот: Ну да, мое дежурство закончилось.

Илена: Но?

Элиот: Но я должен остаться с одной пациенткой, девушкой, которая хотела наложить на себя руки и чуть не сгорела заживо... Она умирает.

Илена: Наркоманка?

Элиот: А что это меняет?

Илена: Если я правильно поняла, ты заявляешь мне, что проведешь рождественский вечер в больнице с наркоманкой, которую знаешь всего несколько часов?

Элиот: Это моя работа.

Илена: Работа? Думаешь, ты один работаешь? Почему-то другие находят время для своей семьи!

Элиот: Послушай...

Илена: Я устала ждать тебя, Элиот.

Элиот: Почему ты так говоришь?

Илена: Потому что я жду тебя уже десять лет, а ты даже не замечаешь этого!

Элиот: Давай поговорим об этом завтра утром...

Илена: Нет, Элиот. Я больше не приеду в Сан-Франциско. И звони мне только тогда, когда точно решишь, что хочешь связать со мной жизнь.

Элиот несколько минут не отходил от телефона. Трижды он брал трубку в руки с намерением перезвонить Илене, извиниться, попытаться сгладить конфликт. Но так и не позвонил. Он не смог покинуть девушку, которая умирала в одиночестве двумя этажами выше.

Илена прождала около получаса, надеясь, что Элиот все-таки позвонит. Но телефон молчал. Негодуя, Илена разорвала билет на самолет и выкинула в мусорную корзину вместе с подарком, который приготовила, — дорогие часы со своими инициалами.

Укрывшись в саду, женщина горько разрыдалась, не чувствуя в себе ни желаний, ни сил.

Немного придя в себя, Илена приняла твердое решение: отменить отпуск и взяться за работу. Оставшийся день она посвятила осмотру питомцев и вела себя как ни в чем не бывало. Было уже темно, когда женщина закончила работу и подошла к любимой касатке.

— Привет, Аннушка! Что, и у тебя нет настроения?

Уже несколько дней хищница пребывала в странном состоянии: не ела, отказывалась участвовать в выступлениях. Ее безразличие и пассивность вскоре обратились в агрессию по отношению к людям и животным. Илена знала, что причиной такого поведения Аннушки стала разлука с восьмилетней дочерью Эрикой. Молодую касатку на самолете перевезли в Европу для участия в программе размножения китообразных. Двадцатичасовой перелет в железной коробке без единого человека, который бы мог за ней присмотреть, успокоить, ободрить!

Ужас!

Илена сделала все возможное, чтобы донести до начальства, насколько губительными могут оказаться последствия расставания матери и дочери. Она объясняла, что в естественных условиях члены одного сообщества

никогда не покидают друг друга. Из-за всевозможных проблем финансового характера к словам Илены не прислушались.

— Ну, детка!

Илена приблизилась к бортику бассейна и наклонилась над водой, подзывая касатку. Но Аннушка не обращала внимания на молодую женщину. Она потерянно кружила по бассейну, издавая жалобные звуки.

Илена боялась, что у животного может ослабнуть иммунная система, а это, в свою очередь, приведет к болезням. Почечные и легочные инфекции — самые распространенные заболевания у касаток. Шесть месяцев назад крупный самец в бассейне Жоаким подхватил сепсис. Вот такая судьба у этих гигантов: их убивают те, кто намного мельче их.

В последнее время Илена активно выступала против того, чтобы держать китообразных в бассейнах, где вода обрабатывалась химическими средствами. Касаток и дельфинов в больших количествах пичкали витаминами и антибиотиками. Жизнь у них была вовсе не столь прекрасна, как рассказывали посетителям. Что же касается выступлений, то животные, конечно, впечатляли публику артистизмом и ловкостью. Но Илене казалось, что дрессура во имя улаживания публики оскорбительна для касаток, обладающих высоким уровнем интеллекта.

Неожиданно Аннушка принялась биться головой о металлический край бассейна.

— Не делай этого! — приказала Илена и попыталась помешать хищнице шестом.

Молодая женщина уже видела касаток-самоубийц, которые специально наносили себе раны.

Обеспокоенная происходящим, Илена бросила в бассейн немного рыбы, надеясь отвлечь питомицу от суицидных намерений.

— Тихо, тихо, красавица.

Постепенно удары ослабевали, Аннушка успокоилась.

— Ну, молодец, дорогая, — похвалила обрадованная Илена.

Но тут она заметила, что поверхность бассейна окрашивается в кровавый цвет.

— О нет!

Касатка все-таки поранилась.

Илена наклонилась над водой, пытаясь разглядеть рану. Ей показалось, что пострадала челюсть животного.

Женщина должна была соблюсти главные правила ветеринара, заботящегося о касатках: никогда не общаться с питомцем, когда тот агрессивен, и не погружаться в воду, когда нет уверенности в его

вменяемости и добродушном настрое.

Илена должна была включить кнопку тревоги.

Она должна была предупредить коллег.

Она должна была...

Но все еще находясь под впечатлением от ссоры с Элиотом, Илена забыла об осторожности.

И прыгнула в бассейн, в котором Аннушка вновь принялась отчаянно метаться из стороны в сторону.

Увидев женщину в воде, хищница открыла пасть, как будто собиралась проглотить добычу, и увлекла ее на дно.

Илена отчаянно сопротивлялась, но касатка была сильнее. Каждый раз, когда женщина оказывалась на поверхности, касатка стремительно увлекала ее назад в глубину.

Илена была замечательным пловцом и могла находиться под водой достаточно долго.

Но невозможно бесконечно бороться с шестиметровым чудовищем весом в четыре тонны.

В какой-то момент Илене удалось выплыть на поверхность, перевести дыхание и начать бешено грести по направлению к бортику. Женщина почти успела доплыть, как вдруг...

Она обернулась.

За секунду Илена успела пережить невероятный ужас, наблюдая, как огромный хвостовой плавник касатки опускается на нее с невероятной силой.

Страшная боль пронзила все ее тело, и Илена на несколько секунд потеряла сознание. Касатка увлекла ее на дно, и молодая женщина уже не могла противиться. В последние секунды жизни, чувствуя, как ее легкие наполняются соленой водой, Илена подумала: жизнь взаперти может свести с ума кого угодно...

А еще Илена подумала о человеке, которого любила. Она всегда мечтала, что они состарятся вместе... Но вот она уходила из жизни первая, всего в двадцать девять лет.

Судьбу не выбирают. Все было давно предрешено.

Погрузившись в темноту, Илена чувствовала, как жизнь уходит от нее. Она успела пожалеть лишь о том, что они с Элиотом расстались в ссоре и он будет всегда вспоминать ее такой, обиженной и недовольной.

На крыше больницы поднялся ледяной ветер.

Элиот открыл глаза в тот момент, когда старый врач закончил свой страшный рассказ. Холодный пот покрывал его тело.

Оба молчали. Один находился под сильным впечатлением от услышанного, другой заново ощущал невыносимую боль потери любимой женщины.

Элиот тряхнул головой и уже собрался усомниться в правдивости рассказанной истории, как вдруг старый доктор вынул из кармана пожелтевший листок.

— Если ты мне не веришь... — начал он.

Элиот вырвал бумажку из рук мужчины. Это была статья, вырезанная из «Майами геральд».

Листочек был выцветший и пожелтевший. Но, как ни странно, на нем стояло завтрашнее число: 25 декабря 1976 года.

Элиот впился глазами в статью с большой фотографией Илены. А затем прочитал текст.

Молодая женщина-ветеринар убита касаткой.

Страшное событие произошло прошлой ночью в дельфинарии «Мир океана». Кит-убийца набросился на женщину, которая ухаживала за ним в течение нескольких лет.

Касатке понадобилось всего несколько минут, чтобы утопить женщину, которая пыталась ее спасти. Илена Круз, работавшая в парке ветеринаром, по неподтвержденным сведениям, пренебрегла правилами безопасности. Начальство дельфинария отказалось от каких бы то ни было комментариев по поводу происшедшего.

Элиот дочитал статью. В его глазах стояли слезы.

— Пришло твое время действовать! — глухим голосом произнес двойник и исчез в тумане.

Еще некоторое время Элиот оставался на крыше: он не мог прийти в себя. Недоверие и нерешительность сковывали его тело. Но нужно было перебороть себя. Сейчас не время задавать вопросы и сомневаться! Надо действовать!

Он сбегал вниз в поисках телефонной кабинки.

Какая разница, что будет завтра.

Не важно, какой ценой, но он спасет любимую.

И ничто больше не имеет значения.

* * *

Купер выбежал в холл, растолкал толпившихся в помещении коллег, схватил трубку и набрал номер Илены.

Длинные гудки. Секунды превратились в минуты. И наконец долгожданный голос.

Илена: Алло?

Элиот: Привет, это я.

Илена: Не надейся, я не расскажу, что за подарок тебе приготовила. Вечером увидишь сам.

Элиот: Послушай, любимая...

Илена: Что с тобой?

Элиот: Ничего... Я встречу тебя в аэропорту, как и договаривались.

Илена: Я очень по тебе соскучилась...

Элиот: И я.

Илена: У тебя странный голос. С тобой точно все в порядке?

Элиот: Теперь да.

* * *

Повесив трубку, Элиот так и не решился зайти в палату к Эмили — он не мог выдержать ее умоляющего взгляда. Купер попросил одну из медсестер почаще наведываться в палату к умирающей девушке. Надел пальто и вышел на улицу.

Смог ли он изменить будущее Илены? Правда ли, что порой достаточно вместо одной фразы произнести другую и жизнь человека станет иной?

Элиот машинально закурил и засунул руки в карманы, чтобы согреться. В одном из них Купер нащупал вырезку из газеты. И вдруг подумал, что если он смог изменить будущее и Илена останется жить, значит, эта статья так и не будет написана!

Молодой человек достал листочек и внимательно посмотрел на него. И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, вместо статьи об Илене появилась другая заметка:

«Мир океана»: смерть одной из касаток.

Аннушка, старшая касатка дельфинария, погибла вчера ночью от потери крови, произошедшей в результате повреждений в области челюсти. Животное нанесло себе множество ран, ударяясь головой о металлический бортик бассейна.

Руководство дельфинария заявило, что такое поведение животного объясняется ее переживаниями и депрессией, вызванными разлукой с детенышем. Дочь Аннушки на днях была переправлена в другой парк. Возможно, это событие и послужило причиной суицидных настроений касатки.

Несмотря на трагедию, «Мир океана» будет работать сегодня в обычном режиме.

Ни один сотрудник не пострадал.

15 Шестая встреча

Он был моим севером, югом, востоком и западом...

Уистан Хью Оден

Сан-Франциско

1976 год

Элиоту 30 лет

Рождество.

Утром 25 декабря погода обещала быть суровой. Казалось, скоро пойдет снег. Сан-Франциско стал похож на Нью-Йорк зимой.

В доме было тихо, уютную спальню освещал лишь бледный свет восходящего солнца. Уткнувшись носом в плечо Элиота, Илена сладко спала. Элиот всю ночь не сводил с нее глаз.

Он нежно поцеловал Илену, стараясь не нарушить ее сон, и закрыл глаза, уткнувшись в волосы любимой женщины. Он понимал, что это последние минуты, которые они проводят вместе. Последний раз он вдыхает ароматный запах ее волос, целует ее нежную бархатистую кожу, слушает, как бьется ее сердце.

Купер почувствовал, что больше не может сдерживать слез. Тогда он надел свитер и джинсы и тихонько вышел из комнаты.

Он никак не мог представить, что действительно сможет покинуть любимую женщину. Да, Элиот заключил договор со своим двойником, но теперь, когда Илена спасена, что может помешать ему остаться рядом с ней? Что может сделать гость из будущего, если Элиот нарушит условия договора?

Раздавленный горем, молодой человек ходил из комнаты в комнату в надежде встретить двойника, чтобы сказать ему, как больно разрывать свою душу, предложить ему поискать другой выход из ситуации. Но старый доктор не появлялся. Он выполнил то, что обещал, и теперь пришла очередь Элиота сдержать слово.

Доктор вышел на кухню и тяжело опустился на стул. У выхода стояли сумки, собранные для поездки на Гавайи, которую ни он, ни она никогда не совершат. Элиот понимал, что у него больше нет выбора.

Он чувствовал, как им управляет какая-то неведомая сила, заставляя

поступать с любимой женщиной так жестоко. Сердце его разрывалось от боли при мысли о том, что он скажет Илене. В стекле стола он видел отражение своего лица, неузнаваемо изменившегося, помятого, серого. Элиот чувствовал себя опустошенным, бессильным, как будто он утратил всю веру в себя и потерялся в дебрях этого жестокого мира.

С первого дня встречи со своим двойником Элиоту стало казаться, что он живет в странном мире, в котором нет ни законов, ни правил. Страшась неизвестности, он не мог больше спать и есть, в голове рождались бесчисленные вопросы. Почему все это произошло именно с ним? Ему повезло или он проклят Богом? В своем ли он уме? Элиот не мог больше находиться в одиночестве, ему нужен был кто-то, с кем можно поделиться своим горем.

Послышался шум, скрипнул паркет, на кухню вошла Илена. На ней были трусики и рубашка, завязанная на талии.

Она весело улыбнулась ему, а он знал, что в последний раз видит ее счастливой. Она была ангельски красива, и он любил ее как никогда. Но было поздно.

Через несколько секунд их счастьем придет конец.

* * *

Илена подошла к Элиоту и обняла его за шею. Но сразу же почувствовала неладное.

— Что случилось?

— Нам надо поговорить. Я не могу больше разыгрывать комедию.

— Какую комедию?

— Мы...

— О чем ты?

— Я встретил другую.

Всего две секунды, и любви, которая длилась десять лет, был нанесен чудовищный удар. Всего двух секунд оказалось достаточно, чтобы разделить две половинки одного целого.

Илена потеряла глаза и села перед Элиотом, все еще надеясь, что это неудачная шутка или дурной сон...

— Ты шутишь?

— А что, похоже?

Илена посмотрела на Купера. У него были красные глаза, уставшее выражение лица. Она и раньше замечала, что в последние месяцы он стал

каким-то нервным, беспокойным. Она все-таки решилась спросить:

— Кто эта женщина?

— Ты ее не знаешь. Медсестра, которая работает со мной в «Фри Клиник».

Илене не верилось, что все происходящее — правда. Ей казалось, что это страшный сон, она сейчас проснется и... Ей уже не раз снились подобные кошмары...

На всякий случай она спросила:

— Давно вы встречаетесь?

— Несколько месяцев.

Илена не могла произнести ни слова. Отношения, которые она так старательно строила десять лет, разрушились в одно мгновение.

А Элиот продолжал разбивать их любовь, хотя сердце у него еле билось, осознавая, как страдает единственная в его жизни женщина.

— Наши отношения уже давно исчерпали себя.

— Ты мне никогда ничего не говорил.

— Я не знал, как тебе сказать. Я думал, ты постепенно сама все поймешь.

Илена хотела бы заткнуть уши, чтобы не слышать этих страшных слов. Она все еще надеялась, что Элиот попросит прощения, скажет, что посмеялся над ней, и они останутся вместе.

Но молодой человек поступил иначе.

— Нам надо расстаться, — произнес он.

Она ответила бы, но не могла. В горле появился комок, из глаз побежали слезы.

— Мы не женаты, у нас нет детей, — продолжил Элиот.

Ей очень хотелось, чтобы он замолчал. Его слова резали ее словно ножом по сердцу. Она больше не могла слышать его голос. И тогда, забыв гордость, она горячо прошептала:

— Но ты все для меня, Элиот: мой любимый, мой друг, моя семья...

Она подошла к нему, протягивая руки. Но он отстранился от нее.

Илена смотрела на Купера глазами, полными слез. Он не мог выдержать этого молящего взгляда. Сколько мук причинял Элиот любимому человеку! Сделав над собой усилие, он сказал то, что отрезало все пути к отступлению:

— Ты не понимаешь, Илена? Я тебя больше не люблю.

Рождество. Раннее утро.

Сан-Франциско с трудом просыпается после праздника. Улицы пусты, магазины закрыты.

Во многих домах царит праздничная атмосфера. Дети просыпаются и бегут открывать подарки. Улыбаются пожилые люди. Играет музыка, слышны радостные крики. Но для некоторых это тяжелый день, когда особенно остро ощущается одиночество. На Юнион-сквер бомжи ютятся на деревянных лавочках. В больнице «Ленокс» девушка двадцати лет умерла от ожогов. А где-то недалеко от моря расстались два любящих человека.

К дому Элиота подъехало такси и повезло Илену в аэропорт.

Молодой врач тоже покинул дом. Он ездил по дорогам куда глаза глядят, несколько раз чуть не попал в аварию. В китайском квартале открылись магазины. Элиот зашел в первое попавшееся кафе и сразу прошел в туалет.

Его вырвало. Он умыл лицо и вдруг, вытирая руки полотенцем, почувствовал, что рядом кто-то есть. Страдания обострили чувства Элиота. Он научился мгновенно определять присутствие гостя из будущего — того, кто принес ему столько страданий.

Молодой человек обернулся и резко ударил двойника кулаком в челюсть. Тот упал на кафельный пол, не ожидая нападения.

— Это все из-за вас!

Старый врач с трудом поднялся на ноги.

— Вы виноваты в том, что она уехала! — кричал Элиот.

Не желая терпеть оскорбления, старый доктор схватил двойника за волосы и дал ему коленом в живот. Элиот скорчился от боли.

Обменявшись ударами, оба стояли друг напротив друга, тяжело дыша.

Элиот первый прервал молчание и произнес с болью в голосе:

— Она была всем для меня...

— Я знаю, поэтому ты ее и спас.

Старый врач положил Элиоту руку на плечо, пытаясь успокоить:

— Если бы не ты, она бы умерла.

Элиот поднял голову и посмотрел на собеседника. Странно, но он все еще воспринимал его как чужака. Молодой человек прожил лишь половину жизни. А его двойник на тридцать лет старше, и у него гораздо больше опыта, знаний.

Но может быть, и больше угрызений совести, сожалений?

Элиот почувствовал, что его собеседник собирается уходить: начались судороги и пошла носом кровь — характерные признаки того, что старому

врачу пора возвращаться в будущее.

Мужчина схватил салфетку и попытался остановить кровь. На этот раз ему хотелось остаться с молодым Элиотом подольше, он знал, что тому предстоят долгие годы одиночества и страданий. Доктор не мог найти слов утешения для своего двойника, да это было и не важно: словами не облегчить такого горя.

Больше всего старший Элиот сожалел, что они так и не поняли друг друга и расстаются во взаимной вражде и недоверии.

Он не хотел уходить, не протянув руку помощи молодому Элиоту. Уверенный в том, что они видятся в последний раз, и помня свое состояние в те годы, старый врач утешительно произнес:

— Ты хотя бы будешь знать, что Илена жива и здорова, а я жил все эти тридцать лет с осознанием ее смерти. Поверь мне, это большая разница.

— Да иди ты!

«Хм... не так-то просто общаться с самим собой», — подумал старый врач, исчезая.

Последнее, что он запомнил, был образ его двойника с немым укором в грустных глазах.

У людей больше нет ни на что времени. Они покупают в магазинах уже готовые продукты у продавцов. Но поскольку не существует магазинов, где продают друзей, то у людей их больше нет.

Антуан де Сент-Экзюпери

Сан-Франциско

1976 год

Элиоту 30 лет

Элиот вышел из туалета. Он еле держался на ногах от гнева и бессилия.

Что он сделал, чем провинился, чтобы заслужить такое наказание?

Доктор все еще не мог забыть взгляд Илены, когда он произнес, что больше не любит ее. Сколько было в ее лице отчаяния, горя, неразделенной любви!

Конечно, он поступил так бесчеловечно, чтобы спасти ее, но она никогда об этом не узнает и всю оставшуюся жизнь будет ненавидеть его.

Да он и сам себя сейчас ненавидел.

Мрачный и уставший, Элиот сел за барную стойку и заказал стакан рисовой водки. Выпив залпом, он заказал следующий, а затем еще один.

Ну вот, сейчас он напьется, как напивался его отец, — до полного беспамятства.

Вообще Элиот пил мало и только чтобы сделать приятное Матту, знатоку хороших напитков, который частенько просил друга оценить тот или другой сорт вина. Элиот, живя в семье пьяницы, еще в детстве испытал на себе все последствия чрезмерного употребления алкоголя и не собирался уподобляться своему папочке.

Но сегодня именно это ему было и надо: он хотел забыться, потерять контроль над своими мыслями. Элиот заказал еще один стакан водки. Официант подозрительно посмотрел на него и замешкался, прекрасно понимая, что клиент собирается напиться до неменяемого состояния.

— Дай сюда, — взревел Элиот, выхватывая из рук ошолобленного официанта бутылку и кидая десятидолларовую бумажку на барную стойку.

Он вышел на улицу, прижимая к груди бутылку. Дойдя до машины, сел, завел мотор и заорал:

— Смотри, папа, я как ты! Я весь в тебя!

И машина понеслась по улицам города.

* * *

Найти наркотик в Сан-Франциско не так уж сложно.

Наркоманы часто бывали пациентами Элиота, и доктор хорошо знал, какие места они посещают.

Мужчина направился в Тендерлойн, квартал, пользующийся дурной репутацией. Здесь легко можно было достать любые наркотики. Десять минут он ездил по узким грязным улицам в поисках знакомого наркодилера. Наконец увидел его. Это был негр Ямда, с которым Элиот не раз имел дело. Чернокожий преступник пытался продавать свой товар на территории «Фри Клиник» людям, лечащимся от передозировки. Элиот пару раз разбирался с ним лично, и однажды дело дошло до рукоприкладства.

Конечно, молодой врач мог бы найти другого человека, распространявшего наркотики (а их в квартале достаточно), но у него было острое желание унижить себя в собственных глазах.

Увидев доктора, наркоторговец хотел было спрятаться в переулке, но, оценив его внешний вид, быстро понял, что сегодня Элиот пришел к нему в качестве клиента.

— Что, док? Хреново?

— Что у тебя есть?

— Сколько дашь?

Элиот достал кошелек. Насчитал семьдесят долларов — сумма, достаточная для большого количества травы.

— Выбирай, что сердцу угодно, — предложил Ямда с ликованием в голосе. — Есть гашиш, ЛСД, героин...

* * *

В периоды затишья кажется, что мы их победили.

Что наконец смогли их изгнать.

Что они больше не вернуться.

Никогда.
Но это не так.
Наши демоны всегда с нами.
Прячутся в тени, ждут своего часа.
Ждут, что мы потеряем бдительность.
И когда уходит любовь...

* * *

Приехав домой, Элиот с трудом поднялся по лестнице и сразу направился в ванную. Маленький лабрадор, услышав, что вернулся хозяин, выбежал ему навстречу и проводил до двери, весело помахивая хвостом.

— Отвяжись! — крикнул Элиот щенку и попытался его пнуть, но промахнулся.

Растакуэр обиженно взвизгнул и попытался вновь привлечь внимание хозяина. Но Элиот схватил его за шкурку и безжалостно выкинул в холл.

Оставшись один, доктор заперся в ванной, достал из аптечки шприц и иглу. Вынул из кармана пакетик героина, который продал ему Ямда.

Нужно было как можно быстрее что-то с собой сделать, лишь бы забыть сегодняшний кошмар, забыть глаза Илены, забыть слова двойника из будущего и отключиться. Элиот не хотел, как хиппи, испытать кайф или освободить сознание. Он надеялся, что в голове станет пусто и сердце перестанет так сильно болеть.

Разведя героин водой и профильтровав, Элиот вприснул наркотик в вену на руке.

Горячая волна накрыла его с головой, и он почувствовал, что уплывает куда-то далеко-далеко, в темноту...

* * *

*Сан-Франциско
1976 год. Несколькими часами позже...
Матту 30 лет*

В это рождественское утро Матта охватила полная хандра. Последние недели француз работал не покладая рук на только что купленном небольшом винном заводе и смог достаточно быстро наладить процесс.

Сегодня жизнь показалась ему пустой и никчемной. Заглушив в себе чувство гордости, он взял телефон и набрал номер Тиффани. Он уже давно собирался извиниться за свое поведение. Телефон долго не отвечал. Возможно, девушка уехала из города, не предупредив его.

Вот что случается, когда откладываешь дела на потом.

В полдень француз решил поехать к морю. Элиот должен был улететь на Гавайи, а Матту полагалось зайти покормить Растакуэра и прогуляться с ним по пляжу.

Подъехав к дому Купера, француз увидел машину друга, брошенную посреди дороги.

Странно.

Он вышел из автомобиля, поднялся на крыльцо, позвонил в дверь и немного подождал.

Никто не ответил.

Матт достал ключ от дома, который Элиот дал ему перед отъездом, вставил в замочную скважину и понял, что дверь не заперта.

— Эй, есть кто-нибудь? — крикнул он, входя.

Тишина. Матт осознал: что-то случилось.

— Ты тут один, Растакуэр? — обратился француз к собаке.

Лабрадор посмотрел на него грустными глазами и залаял на лестницу, по которой нетвердой походкой спускался Элиот.

— Что ты тут делаешь? — спросил Матт удивленно. — Ты не уехал на Гавайи?

— А ты что тут делаешь?

— Да-а-а... ну и видок у тебя, — заметил Матт, пропуская замечание Элиота мимо ушей. — Что произошло?

— Тебе не понять, — ответил Элиот, спускаясь на несколько ступеней.

— Почему это? Я что, слишком тупой?

— Может быть.

Матт с трудом сдержался, чтобы не ответить на оскорбление. Это было непохоже на Элиота. Доктор редко бывал агрессивен и груб.

— Где Илена?

— Нет больше Илены! Все кончено!

— Ты что, в своем уме?

— Я ее бросил.

Матт оторопел от удивления. Он ожидал от Элиота чего угодно, но только не этого.

Купер упал на диван. Действие наркотика еще не кончилось. У него кружилась голова, тошнило. Голова раскалывалась.

— Подожди, Элиот, ты не мог бросить Илену!
— Еще как мог.
— Но эта женщина — вся твоя жизнь. Это лучшее, что у тебя есть.
— Заткнись! Перестань философствовать!
— Ты сам это говорил! И говорил, что только благодаря ей нашел свое место в жизни.

— И это — чистая правда.
— Если ты дашь ей уйти, ты будешь всю жизнь страдать и сожалеть об этом!

— Отстань, слышишь!
— Вы что, поссорились?
— Не твое дело, не лезь.
— Это мое дело, я твой друг, и я не дам тебе испортить свою жизнь.
— Послушай, Матт, оставь меня в покое!

Элиот закрыл глаза. Он не хотел оскорблять лучшего друга. Надо было все ему рассказать — все, что произошло за последние дни.

Но он не имел права. Это было одним из условий договора: никому ничего не рассказывать.

Слова Элиота глубоко оскорбили Матта, но француз все же произнес примирительным тоном:

— Не знаю, что с тобой случилось, Элиот, но вижу, что ты несчастлив и поэтому говоришь все эти страшные слова. Мне кажется, одному тебе в своих проблемах не разобраться.

Больше всего в жизни Элиот дорожил любовью Илены и дружбой Матта. В течение десяти лет все трое помогали и поддерживали друг друга. Но сейчас Элиот находился как раз в такой ситуации, когда никто не мог ему помочь. Не чувствуя в себе сил обманывать друга, он принял решение вычеркнуть его из своей жизни, так же как и Илену.

— Можешь оказать мне услугу?
— Да.
— Убирайся из моей жизни!

Матт ничего не ответил, надеясь, что неправильно понял слова друга. Но выражение лица Элиота свидетельствовало о другом. Это не шутка!

Кровь ударила французам в голову, и он холодно произнес:
— Как хочешь.

Матт опустил голову и отправился к выходу. На пороге обернулся, надеясь, что не все еще потеряно.

Но Элиот лишь бросил на прощание:

— Оставляю свою долю в нашем предприятии. Но не хочу, чтобы мы

больше виделись. Никогда.

*Читая книги, жизни не узнаешь.
Ее можно познать, только получая жестокие
удары судьбы.*

Свами Прананпад

*Сан-Франциско
2006 год
Элиоту 60 лет*

Элиот открыл глаза. Он чувствовал — поднялась температура, тело ломало, как при гриппе. Однако виной недомогания были рак и последнее путешествие во времени. Доктор с трудом встал с кровати и поплелся в ванную, его вырвало. Он чувствовал, что сил остается все меньше и меньше, в запасе оставалось всего лишь несколько дней. Элиот проверил пузырек с таблетками: оставалось четыре пилюли. Несколько раз он обещал себе, что не примет ни одной. Но сегодня решил окончательно: больше он не вернется в прошлое.

Доктор принял душ, стало легче. Несколькими минутами раньше он был рядом со своим двойником в туалете китайского ресторана. Элиот все еще злился на себя, что так и не смог найти слов, чтобы его утешить. Он быстро оделся.

«Я надеюсь, что ты не будешь делать глупостей», — подумал он, глядя в зеркало и мысленно обращаясь к своему двойнику.

Доктор посмотрел в окно. Группа людей бегала вдоль пляжа. Девочка играла с собакой. Жизнь шла своим чередом.

Доктор сел в машину и, несмотря на утреннюю прохладу, открыл окна, радуясь свежему воздуху и новому дню жизни. С тех пор как Элиот узнал, что смерть уже близко, он ощущал странное чувство радости, смешанное с отчаянием. Он был близок к смерти, но также был близок и к истине. Впервые ему удавалось дышать полной грудью и наслаждаться каждой прожитой секундой.

Пересекая Норт-Бич, Элиот направился к башне Койт-Тауэр. Он договорился с Маттом встретиться там, чтобы совершить прогулку на корабле, спокойную прогулку, во время которой доктор решил рассказать

другу о своей болезни.

«Вот тебе и рождественский подарок...» — подумал он.

По правде говоря, Элиот не знал, как Матт отреагирует на это сообщение. Они дружили уже сорок лет, начиная с того рокового события, которое перевернуло жизнь обоих.

Направляясь к месту встречи, Элиот вспомнил тот памятный день 1965 года, когда он впервые встретил Матта, Илену.

* * *

Нью-Йорк

1965 год

Элиоту 19 лет

Стояла середина зимы. Неожиданный ливень вдруг обрушился на Манхэттен.

Будний день. Час пик. По лестнице метро спускался молодой человек в промокшей одежде. Его звали Элиот Купер. Ему было девятнадцать лет, и он еще не знал, зачем живет. Два месяца назад он бросил учебу, чтобы отправиться в путешествие по Америке. Он мечтал узнать что-то новое, обдумать свою будущую жизнь и не видеть больше отца, который остался в Калифорнии.

В это же время Илена Круз, восемнадцатилетняя бразильянка, возвращалась из зоопарка, расположенного в Бронксе. Только что воплотилась ее мечта: летом она сможет там работать. Девушка перешла улицу и тоже спустилась в метро. У нее было хорошее настроение, и легкая улыбка порхала на губах.

В переходе метро Элиот остановился перед чернокожим музыкантом, игравшим на гитаре песни Отгиса Реддинга. Элиот обожал музыку. Она служила ему прекрасным средством, чтобы укрыться от реальности и отдалиться от всех. Почему он никому не доверял? Почему у него не было настоящих друзей? Почему он чувствовал себя ненужным в этой жизни? Элиот не знал этого, но через пять минут он поймет, что некоторые события в корне меняют все.

Красивая и изящная, как бабочка, Илена легким и стремительным

шагом шла по переходу. Дождь слегка намочил ее волосы, а влажная майка на тонких бретельках липла к телу. Прохожие останавливались, любуясь ее хрупкой фигуркой. Своим открытым лицом и бездонными зелеными глазами она привлекала внимание людей и внушала им доверие.

В 17:11 подъехал поезд. Элиот пробирався по платформе к первому вагону, как вдруг увидел ее.

Проходя мимо, она случайно коснулась его рукой и улыбнулась, извиняясь. Мир покачнулся у него под ногами. Откуда это головокружение и странное чувство нереальности происходящего? Элиоту казалось, что никто никогда так на него не смотрел.

Илене было приятно, что на нее обратил внимание симпатичный парень. Но вдруг она почувствовала: происходит что-то необычное. Она поправила бретельку и отвернулась от парня, стараясь избежать его взгляда. Атмосфера накалилась.

Элиот зашел во второй вагон, Илена выбрала третий. Поколебавшись, молодой человек перебежал в третий вагон как раз перед тем, как захлопнулись двери.

Он все-таки успел.

Вот от чего порой зависит судьба: от одного взгляда, от взмаха ресниц, от спущенной ляпочки...

Поезд тронулся. Девушка села на единственное свободное место и, пробежав глазами по лицам людей, увидела в другом конце вагона симпатичного парня с платформы. Сердце у нее сильно забилося.

Он не спускал с нее взгляда, а затем попытался пробраться через толпу. Элиот не знал, как обратиться к красавице. Рассказать что-нибудь прикольное? Или просто спросить, как ее зовут? Нет, у него не получится. Он никогда не был силен в этом деле. И потом, настолько восхитительная девушка не может заинтересоваться таким олухом, как он.

«Перестань строить иллюзии, Элиот. Она слишком хороша для тебя. Поезд остановился. Выйди из вагона, дурак. Ты все равно не сможешь подойти к ней...» Купер колебался. Поезд остановился на следующей станции, потом еще на одной. И вот она встала. Слишком поздно. Она выходит на следующей. Хотя... еще есть немного времени. «Давай, Элиот! Сейчас или никогда», — приказал себе Купер.

Он сделал пару шагов и подошел к ней. Ноги стали ватными, в голове

ни одной мысли. Девушка была всего лишь в нескольких сантиметрах от него. Он видел красивые очертания ее губ.

Он наклонился к ней и сказал:

— ...

Нет, он ничего не успел ей сказать, потому что в этот момент в переднем вагоне, всего в нескольких метрах от них, произошел взрыв. Ударная волна отбросила людей на пол. Уши заложило от страшного скрежета металла. Через мгновение люди осознали, что произошло. И стали кричать.

Всего секунду назад был обычный вечер, конец рабочего дня. И вдруг вагон сошел с рельсов прямо в середине туннеля. Свет погас.

Секунду назад парень хотел познакомиться с девушкой.

И вдруг случилось нечто страшное...

Элиот и Илена с трудом поднялись. Вагон наполнился пылью: она мешала дышать и щипала глаза. Большая часть крыши обрушилась в вагон, не позволяя людям выбраться. Кто-то был ранен. Какая-то женщина в панике кричала: «Помогите! Господи, да помогите же!» Люди толкали друг друга, пытаясь найти выход. Илена старалась сохранять спокойствие и утешала маленькую девочку, всхлипывающую рядом с ней.

В волосах у Элиота были осколки стекла, кровь стекала на рубашку, он тоже был ранен, но старался об этом не думать. Он помогал другим мужчинам вытаскивать пострадавших из-под обломков крыши. Но многих было уже не спасти. Тела были изувечены взрывом.

— Надо выходить отсюда!

Фраза прозвучала как приказ. Никто, впрочем, ни о чем другом и не думал. Все желали лишь одного: поскорее выбраться из этого ада. Но автоматические двери заклинило, и оставался только один выход — через окна.

Элиот осмотрелся. Из-за пламени, полыхающего в вагоне, почти ничего не было видно. На лбу выступили капельки пота. Дым заполнял вагон, и дышать становилось все труднее. Поднимался ужасный запах. Запах смерти, который молодой человек запомнил на всю жизнь.

Надо было уходить. Но имел ли Элиот на это право? Ведь в вагоне оставалось много раненых. Чтобы было легче дышать, юноша встал на колени и пополз к задней части вагона. Повсюду валялись человеческие останки. Он заплакал от страха и ужаса.

— Пошли! — крикнула ему Илена, которая уже вылезала в окно.

Элиот обернулся и собрался было последовать за ней, как вдруг увидел

лежащего без сознания молодого человека, придавленного обломками крыши. Он наклонился к нему и почувствовал, что тот еще жив. Куперу показалось, что у парня все еще билось сердце, но он не был в этом уверен. Однако Элиот все-таки попытался вытащить его из-под обломков. Но безуспешно. Огромная металлическая балка придавила парню грудь.

— Пошли! — настаивала Илена.

Она была права: слишком много дыма, слишком жарко.

Но Элиот в отчаянии попытался еще раз приподнять балку.

— Не умирай! — крикнул он раненому. Потом всю жизнь он спрашивал себя, как же ему удалось вытащить парня из-под обломков? Но он это сделал! Взвалив раненого на плечо, Элиот с трудом выбрался из вагона.

Изо всех сил он побежал за Иленой к выходу из туннеля. Перед ними с трудом шел человек с оторванной рукой. Элиот почувствовал, как ему на лицо стекает что-то теплое. Парень терял много крови, и Элиот не знал, как ее остановить. Он разорвал рубашку, смял ее в комок и попытался заткнуть ею рану.

В голове все перемешалось. Элиоту казалось, что парень, которого он нес, весит целую тонну, но он старался не думать о напряжении и боли. Чтобы успокоиться, он решил сконцентрироваться на чем-то приятном.

Тогда Элиот принялся смотреть на девушку, которая бежала перед ним. Они не обменялись и словом, но уже были тесно связаны друг с другом. Он шел за ней, зная, что они выживут. Если бы не девушка, Элиот поехал бы в том вагоне, в котором произошел взрыв.

И вот наконец показался свет. Они добежали до станции. Оставшиеся несколько метров дались Элиоту с огромным трудом. Он больше ничего не слышал и чувствовал, что сейчас упадет. К нему подбежал пожарник и помог уложить раненого на носилки.

Элиот повернулся к Илене и потерял сознание.

А в это время в темноте туннеля догорали взорванные вагоны, постепенно превращаясь в груды железа.

На сиденье, искореженном пламенем, лежала книга. Огонь уже добрался до нее, но на открытой странице все еще можно было прочесть одну-единственную фразу:

Единственное убежище — это мы сами, и другого не дано.
Вы не можете спасти никого, кроме самого себя.

Открыв глаза, Элиот понял, что лежит в больничной палате. Светало. На плече у него была повязка. Шея затекла. Рядом тихо сидела девушка, с которой он встретился в метро.

— Ты как? — спросила она, наклоняясь к юноше.

Он попытался приподняться на локте, но боль в плече не давала пошевелиться.

— Не двигайся, сейчас я все устрою.

Илена нажала на кнопку, и верхняя часть кровати медленно поднялась.

В углу стоял маленький черно-белый телевизор. Показывали события, произошедшие в Манхэттене. Ведущий новостей равнодушно рассказывал:

В Нью-Йорке только что произошли серьезные перебои в энергоснабжении. 9 ноября 1965 года в 17:16 провинция Онтарио и Восточное побережье США остались без электричества, и неполадки смогли устранить только через десять часов. Основная версия происшедшего — саботаж. Хотя существуют и другие, например: перебои в работе гидроэлектростанции на Ниагарском водопаде...

Но вот на экране показали фотографии катастрофы в метро, диктор комментировал, что причиной ее, по мнению телекомпании, стало отключение электричества. Ни слова не говорилось о теракте или взорванной бомбе. Страна переживала тяжелый период в истории: два года назад был убит президент Кеннеди, прошлым летом в Лос-Анджелесе произошли расовые конфликты, погибли десятки человек. В это же время Америка регулярно отправляла войска во Вьетнам, что вызывало недовольство среди молодежи, массовые беспорядки.

Илена выключила телевизор.

— Он умер? — прервал молчание Элиот.

— Кто?

— Тот парень, которого я пытался спасти?

— Кажется, его сейчас оперируют. Насколько я поняла, он в очень тяжелом состоянии.

Элиот поник головой. Наступило молчание. Все еще находясь под впечатлением от происшедшего, каждый погрузился в себя, прокручивая в голове страшные события.

Девушка первая прервала молчание:

— Ты хотел мне что-то сказать?

Элиот непонимающе нахмурился.

— Ну помнишь, до взрыва? Ты тогда еще наклонился ко мне, как будто хотел что-то сказать.

— Ну... — пробормотал Элиот.

Первые лучи солнца заполнили комнату мягким светом. И на несколько секунд обоим показалось, что вчерашней катастрофы не было вовсе. И что есть только смущенный парень и симпатичная девушка, и они оба друг другу нравятся.

— Я... хотел пригласить тебя выпить со мной чашечку кофе.

— А, — тихо сказала она.

Из замешательства их вывел звонкий голос вошедшего врача.

— Здравствуйте, меня зовут доктор Дойл, — представился он, подходя к больному.

Пока врач осматривал его, Элиот с сожалением заметил, как девушка выскользнула в коридор. Он едва слышал, что говорил ему доктор. Элиот уловил лишь, что повредил грудную клетку и вывихнул шейные позвонки. Наконец врач закончил осмотр, наложил на раны противовоспалительную мазь и надел Элиоту на шею повязку, предназначенную для удержания головы.

Перед уходом доктора Элиот спросил о самочувствии спасенного парня. Врач ответил: операция закончилась, но, чтобы сделать долговременные прогнозы, необходимо дождаться пробуждения пациента.

Это была фраза, которую Элиот произнесет еще не раз, став врачом...

Элиот остался один в комнате. Прошло много времени, но вот дверь открылась и показалось милое личико его новой знакомой.

— Я согласна, — сказала она.

— На что?

— На твоё предложение по поводу чашечки кофе, — хихикнула Илена, показывая Элиоту два стаканчика с горячим ароматным напитком.

Широко улыбаясь, молодой человек взял свою порцию.

— Кстати, меня зовут Элиот.

— А меня Илена.

До поздней ночи на шестом этаже больницы, в самом сердце Манхэттена, двое молодых людей, которых случайно соединила судьба, увлеченно болтали обо всем на свете.

Они увиделись и на следующий день, а потом опять. Илена и Элиот с удовольствием прогуливались по улицам, устраивали пикник в Центральном парке и посещали музеи. И каждый вечер обязательно наведывались в больницу, чтобы узнать о самочувствии раненого, который

все еще находился в коме.

А потом как-то раз, выходя из кафе «Амстердам», они поцеловались.

И этот поцелуй изменил жизнь обоих.

Потому что Элиот никогда не чувствовал себя таким счастливым, как с этой милой смешной девчонкой, которая хотела переделать мир, жуя пиццу.

А Илена никогда не чувствовала себя более привлекательной и желанной, чем с этим добрым и заботливым парнем, который так странно и неожиданно появился в ее судьбе.

Во второй половине дня они обычно сидели и болтали в огромном парке, который простирался среди небоскребов.

Там они много узнали друг о друге.

Она рассказывала ему о своей учебе в медицинском институте, о своей давней мечте стать ветеринаром. А он — о занятиях математикой и естественными науками. Ей было интересно, почему он перестал учиться, несмотря на серьезные успехи. Он ответил, что не видит в этом смысла.

Когда Илена спросила Элиота о планах на будущее, он не смог ей ничего ответить, и она поняла, что ему не хватает уверенности в себе и упорства.

Однажды, словно случайно, она спросила его: «Почему бы тебе не стать врачом?»

Сначала он сделал вид, что не расслышал, но когда девушка стала настаивать, пожал плечами.

Однако эта идея все-таки запала Элиоту в душу и не оставляла его до того памятного вечера, когда в больнице ему сказали, что спасенный им парень вышел из комы и хочет его видеть.

Элиот зашел в палату и подошел к кровати больного. Парень оказался французом. Несмотря на то что он провел десять дней в коме, вид у него был довольный, глаза блестели.

— Значит, это ты меня спас, — произнес он с легким акцентом.

— Похоже на то, — ответил Элиот.

Не успели они обменяться и парой слов, как почувствовали дружеское расположение друг к другу.

— Теперь я твой должник, и ты вряд ли когда-нибудь от меня избавишься, — с улыбкой заявил француз.

— Ты серьезно?

— Да, до тех пор, пока я когда-нибудь сам не спасу тебе жизнь...

Элиот улыбнулся. Француз понравился ему своей жизнерадостностью. Чувствуя в нем человека близкого по духу, он протянул ему руку и

представился:

— Меня зовут Элиот Купер.

— А меня Матт Делюка.

Позднее не раз, мысленно возвращаясь к трагедии в метро, Элиот осознавал, как изменилась в тот день его жизнь.

В то утро он вошел в вагон вслед за понравившейся девушкой.

И это спасло ему жизнь.

К тому же он обрел и любовь, и дружбу, и будущую профессию.

Всего за несколько дней он почувствовал, что стал уверенным в себе мужчиной.

* * *

Сан-Франциско

2006 год

Элиоту 60 лет

Погруженный в воспоминания о прошлом, Элиот припарковал машину на вершине Телеграфного холма. Спустившись по каменной лестнице, увидел современный элегантный домик. Доктор открыл калитку, вошел в сад и крикнул в открытое окно:

— Это я, Матт! Я тебя жду.

Француз довольно быстро открыл дверь и вытаращил на Элиота глаза.

— Элиот?

— Поторапливайся, старина! Нам надо еще успеть заехать купить сэндвичей. Если ты будешь копать, нам не останется фруктовых корзиночек и всю дорогу ты будешь ныть, что нечего есть.

— Что ты тут делаешь?

— Мы что, разве не договаривались покататься сегодня на корабле?

— Каком корабле?

— Папы Римского!

— Я не понимаю, в чем дело?

— Ты оставил вчера сообщение на моем автоответчике, предлагая... — терпеливо начал Элиот.

Матт прервал его на полуслове:

— Прекрати, Купер! Я не оставлял и не мог оставить тебе никаких сообщений по одной простой причине: мы с тобой не виделись уже тридцать лет!

На этот раз была очередь Элиота удивляться.

Он посмотрел французу в глаза и понял, что тот не шутит.

— Послушай, — продолжил Матт, — Я не знаю, что ты имеешь в виду, но у меня нет времени. Так что извини...

— Эй, Матт, подожди! Ты же мой друг! Мы почти каждый день говорим по телефону и видимся по нескольку раз в неделю...

Француз сощурился, как будто пытался вспомнить некие давно забытые события.

— Да, мы были друзьями, но с тех пор прошла целая вечность.

Он уже собирался закрыть дверь, когда Элиот окликнул его:

— Но что же с нами случилось? Мы поссорились?

— Ты что, прикалываешься? Не делай вид, будто все забыл!

— Напомни мне, что произошло.

Поколебавшись, Матт сказал:

— Это случилось тридцать лет назад. Все было хорошо, как вдруг у тебя что-то произошло с головой.

— Как это?

— Ты принялся рассказывать странные истории о каком-то типе, который нашел средство путешествовать во времени, что он на самом деле был тобой, только на тридцать лет старше... Короче, ты стал неменяемым. Я попытался вытащить тебя из этого состояния, но однажды ты перегнул палку.

— Когда это случилось? Когда точно?

— В Рождество, — вдруг вспомнил француз, удивленный совпадением. — Я точно это помню, потому что в тот день ты порвал с Иленой.

Ровно тридцать лет назад день в день.

— Много раз я пытался сделать так, чтобы мы помирились, но ты всячески противился этому, ограждаясь от меня стеной. А после того, что случилось с Иленой, жизнь уже не могла вернуться в свое нормальное русло.

— Что случилось с Иленой?

Глаза Матта наполнились слезами, и он твердо сказал:

— Уходи, Элиот!

И хлопнул дверью.

Элиот с трудом пришел в себя. Обескураженный, он медленно направился к машине. Похоже, молодой двойник поссорился с Маттом и теперь доктору приходится за это расплачиваться.

Но чем объяснить то, что он помнил всю свою жизнь до того, как она изменилась? Почему прошлое было новым, а он сам прежним? Ведь не мог же доктор помнить придуманную жизнь, а настоящую забыть?

Элиот сел в машину и обхватил голову руками. А вдруг существовало несколько параллельных миров? Он слышал об этой гипотезе, которая долгое время волновала умы ученых. По мнению некоторых физиков, каждая вещь, которая могла реализоваться, реализовывалась, но только в определенной Вселенной. Если подбросить монетку в воздух, то в одной Вселенной она упадет на решку, а в другой на орел. И когда играешь в лото, в одном мире выигрываешь, а в миллионе других проигрываешь. Следовательно, наша жизненная параллель — всего лишь одна из бесконечного множества других параллелей. Существует Вселенная, в которой не было трагедии 11 сентября, в которой Джордж Буш — не президент США, а Берлинская стена все еще стоит.

Есть мир, в котором они с Маттом поссорились тридцать лет назад, а есть и другой, в котором они все еще друзья.

Проблема в том, что, возвращаясь в прошлое, он попадал в мир, события которого не соответствовали его воспоминаниям.

К сожалению, сейчас он не мог ничего изменить.

Элиот решил вернуться в больницу. Ему не давали покоя слова, сказанные Маттом: «После того, что случилось с Иленой...»

Надо было срочно узнать, что же произошло в тот день, 25 декабря 1976 года.

*То, что считается смыслом жизни, может стать
замечательным предложением умереть.*

Альбер Камю

*Сан-Франциско
25 декабря 1976 года. 16:48
Илене 30 лет*

Высоко в небе, среди тумана и ветра, серебристая птица летела над Сан-Франциско. Она пронеслась над Алькатрасом и Островом сокровищ, села на одну из башен моста Голден Гейт. Огромный элегантный двухкилометровый мост протянулся над бухтой. Его массивные опоры выдерживали волны Тихого океана и подводные течения. Сквозь толстый слой тумана мост величественно сиял металлическим блеском.

Сидя на вершине опоры, птица рассматривала, как двумястами метрами ниже ходили люди, а по шести полосам мчались машины.

Среди других людей на пешеходной дорожке моста показалась женщина. Тоненькая и хрупкая, она неуверенно двигалась вперед. Казалось, что вот-вот упадет.

Илена не знала, зачем пришла сюда. У нее не было сил сесть в самолет и вернуться во Флориду. Уже в аэропорту женщина попросила таксиста отвезти ее обратно в город. Выйдя из машины, она пошла куда глаза глядят и почему-то оказалась здесь.

Сердце Илены разрывалось от такой боли, какой она еще никогда не испытывала. Все считали ее сильной, уверенной, но это был лишь образ — и не более того. А правда заключалась в том, что она чувствовала себя уязвимой, несчастной и беззащитной, словно маленькая девочка, заблудившаяся в лесу. Илена потеряла смысл жизни, она чувствовала, как земля в один миг ушла у нее из-под ног. А все из-за одной короткой фразы: «Я больше тебя не люблю!»

Женщина подошла к перилам, чтобы посмотреть на океан. Ветер завывал у нее в ушах. Волны внизу разбивались с неистовой силой, а море грозно бурлило. Элиот был всем для нее. Так зачем же теперь жить без него?

Илену заполнило отчаяние, которое невозможно было выносить. Ей показалось, что лучше умереть, чем жить в страдании. Женщина поняла, почему оказалась здесь.

Она должна броситься в эту головокружительную бездну.

* * *

Падение с моста Голден Гейт длится четыре секунды.
Четыре секунды последнего путешествия в этой жизни.
Четыре секунды — это целая пропасть между жизнью и смертью.
Четыре секунды — и жизнь окончена...
...Но смерть еще не пришла.
Четыре секунды пустоты.

Проявление ума или глупости?
Силы или слабости?
Свободы или трусости?

...Так страшно, когда врезаешься в воду со скоростью 120 километров в час.

И умираешь...

* * *

Сан-Франциско
25 декабря 1976 года. 17:31
Элиоту 30 лет

Зимой темнеет рано.

В городе один за другим зажигались огни, а в небе появилась луна.

Элиот открыл окна машины и ехал вдоль моря, по широкой авеню Эмбаркадеро. После разрыва с двумя самыми дорогими ему людьми он боялся оставаться дома один, боялся, что сойдет с ума, боялся что-нибудь с собой сделать...

Доктор мчался к деловому кварталу города, где сверкал только что построенный небоскреб Трансамерика-Пирамид. Он думал об Илене, которая должна была сейчас лететь самолетом во Флориду. Как восприняла

она их разрыв? Он надеялся, что она страдала не так сильно, как он. Купер от всей души желал, чтобы она нашла другого мужчину, который сможет полюбить ее сильнее, чем он. Но в то же время мысль об этом была невыносима.

Дорога сама привела его к больнице. Он потерял любовь, дружбу. Оставалась только работа.

Конечно, и речи быть не могло о том, чтобы оперировать сегодня: все еще сказывались последствия наркотика и алкоголя. Но ему необходимо было оказаться в знакомой обстановке, в месте, где бы он чувствовал, что кому-то нужен.

Доктор припарковал машину и вышел. И в этот момент на стоянку въехала машина скорой помощи. По привычке Элиот подбежал помочь Мартинесу и Пику из 21-го отделения, с которыми он не раз вместе работал. Лица медицинских работников были бледны.

— Что случилось, Мартинес?

— Полчаса назад женщина тридцати лет бросилась с Голден Гейт. Сейчас находится в коме.

— Состояние тяжелое?

— Думаю, продержится недолго.

Пострадавшую уже подключили к аппарату искусственного жизнеобеспечения и надели повязку для удержания головы, закрыв большую часть лица. Элиот помог коллегам вынести женщину из машины.

Он наклонился к раненой.

И сразу же узнал ее.

* * *

Сан — Франциско

2006 год

Элиоту 60 лет

Все еще находясь под впечатлением от странного разговора с Маттом, Элиот кружил на машине по городу. Что имел в виду его друг, говоря такие странные слова об Илене? Купер попытался привести мысли в порядок. Утром 25 декабря 1976 года доктор переместился в прошлое. Вместе с Элиотом-младшим он спас Илену от несчастного случая. Значит, она должна быть жива.

Почему же тогда Матту так тяжело говорить? Доктор резко затормозил

и припарковал машину возле Вашингтон-парка. Вбежав в первое попавшееся интернет-кафе, он заказал капучино и сел за один из компьютеров.

В поисковой строке телефонной книги он быстро набрал «Илена Круз».

Чтобы сузить поиск, указал город — Сан-Франциско.

Имя не обнаружено.

Тогда он стал искать в Калифорнии. Потом в США.

Имя не обнаружено.

Скорее всего, номер Илены не был зарегистрирован в телефонной книге. Или она уехала из страны. Или поменяла имя...

Элиот решил попробовать другой способ: он набрал «Илена Круз» в поисковой строке «Google».

Одна ссылка. На университетском сайте об операциях, проведенных морским животным. В статье говорилось, что в 1973 году Илена Круз впервые в истории сделала анестезию ламантину. Там же была ссылка на ее годы жизни.

Дрожащей рукой Элиот кликнул мышкой и увидел даты рождения и смерти Илены: 1947–1976!

И больше ничего. Купер пытался понять, как это могло случиться.

Ведь если Илена осталась жива 25 декабря, значит, смерть должна была наступить в последние шесть дней 1976 года! Но когда именно? И как? И почему?

Он выбежал из интернет-кафе и направился к машине.

Надо просмотреть газеты того времени.

Купер судорожно завел мотор и, не обращая внимания на встречное движение, развернулся, чтобы поехать к Сити-холлу, где разместилась редакция газеты «Сан-Франциско кроникл».

Двадцать минут доктор безуспешно пытался найти место для парковки, но, как и подозревал, свободные места в час пик отсутствовали. Элиот бросил машину посреди дороги, понимая, что, когда вернется, ее уже эвакуируют. Запыхавшись, он вбежал в застекленное здание и потребовал архивы 1976 года. Молодая женщина дала ему бланк для заполнения и скучным голосом заявила, что его просьба может быть выполнена только через несколько дней.

— Несколько дней! — прокричал Элиот.

Она обосновала это «выходными днями» и «недостатком персонала».

Доктор достал стодолларовую купюру, но женщина недовольно сморщила лицо. Тогда он добавил еще две и услышал: «Сейчас посмотрим,

что мы можем для вас сделать». Через пятнадцать минут он уже пролистывал страницы «Сан-Франциско кроникл» последних дней 1976 года. В газете от 26 декабря Купер нашел то, что искал. Ему пришлось перечитать заметку несколько раз, прежде чем он смог осознать смысл.

Новая попытка самоубийства на Голден Гейт.

Вчера во второй половине дня молодая женщина бросилась с моста Голден Гейт. Это была Илена Круз, ветеринар из Флориды. Как утверждают очевидцы происшествия, она падала ногами вниз.

Страдающая от многочисленных переломов и внутренних кровотечений женщина была срочно доставлена в больницу «Ленокс», где ее состояние определили как крайне тяжелое.

Элиот судорожно вздохнул, уничтоженный новым ударом судьбы. Он просмотрел газету следующего дня, уже точно зная, что в ней будет.

Чуда не случилось.

В больнице «Ленокс» не смогли спасти Илену Круз, женщину, которая позавчера прыгнула с моста Голден Гейт. Она умерла в тот же вечер от многочисленных внутренних кровотечений.

Эта новая смерть возобновила разговоры о том, что на мосту следует установить специальную сетку, — мера, на которую долго не соглашался Совет Голден Гейт.

Убитый горем, Элиот вышел из здания. Прошел час, а его машина так и не была эвакуирована. Но это уже не интересовало Элиота. Он сел за руль и направился к больнице «Ленокс».

Надо было проверить еще одну вещь.

* * *

*Сан-Франциско
25 декабря 1976 года. 20:23
Элиоту 30 лет*

Элиот с нетерпением ждал, когда хирург выйдет из операционной.

Врачи поставили страшный диагноз: переломы ног и ступней, повреждения грудной клетки, вывихи бедра и плеча. Удар был настолько сильным, что треснула тазовая кость, повредив внутренние органы. У врачей имелось подозрение и на перелом позвоночника и серьезные повреждения селезенки и кишечника.

Элиот не мог сидеть на месте. Он ходил по кругу, беспрестанно всматриваясь в стеклянные двери, за которыми была видна операционная. Он уже имел дело с подобными случаями и знал, что шансы выжить ничтожны.

К тому же в подобных случаях часто возникали повреждения спинного мозга, что вызывало параплегию.^[26]

Перед глазами врача возникла страшная картина: Илена, полностью парализованная, сидит в инвалидном кресле. Это никак не совпадало с образом женщины, которая еще вчера ныряла и плавала с китами и дельфинами.

И все из-за него! Элиот был уверен, что спас Илену, но единственное, что ему удалось, — это отсрочить ее смерть на несколько часов. Вместо того чтобы быть убитой касаткой, женщина бросилась с моста. Элиот попытался обмануть судьбу, но та оказалась сильнее.

* * *

*Сан-Франциско
25 декабря 2006 года. 22:59
Элиоту 60 лет*

В окно стучал дождь.

При свете неоновой лампы Элиот рылся в архивах тридцатилетней давности, пытаясь найти историю болезни Илены.

Комната была заставлена многочисленными металлическими полками, на которых в беспорядке валялись папки. Все это, скорее, напоминало свалку, чем архив. Месяцы, годы, номера отделений — все было перепутано. Судорожно открывая папку за папкой, Элиот искал имя Илены.

Купер не сомневался, что сможет изменить судьбу любимой женщины, но теперь он вынужден был признать, что все его надежды оказались иллюзией. Правда в том, что судьба каждого человека давно predetermined and бороться с ней бесполезно. Час смерти изменить нельзя. В общих чертах дорога каждого из нас прочерчена в момент рождения. И

прошедшее, и настоящее, и будущее — все подчиняется року.

Но если все уже predetermined, то кем? Высшей силой? Богом? И с какой целью?

Прекрасно понимая, что сейчас не время философствовать, Элиот сконцентрировался на поисках нужной ему бумаги и через час нашел то, что искал.

И вот перед ним лежала история болезни Илены. Элиот с трудом разобрал быстрый нечеткий почерк врачей, к тому же часто буквы на листах расплылись, а некоторые страницы склеились из-за плохих условий хранения.

Раны Илены оказались еще страшнее, чем он предполагал. Однако женщина умерла не от повреждений внутренних органов. Смерть наступила от операции по удалению гематомы мозга.

Он посмотрел, кто оперировал. Доктор Митчелл. Купер помнил его: компетентный хирург, но...

«Почему операцию проводил не я?»

Элиот удивился и тому, что в папке не было рентгеновского снимка. По записи врача он смог лишь примерно восстановить последовательность действий. Около четырех часов утра медсестра зарегистрировала у больной разницу в размерах зрачков — верный признак гематомы. Илену срочно прооперировали, но безуспешно.

Гематома была глубоко и неудобно расположена. Добраться до нее мешала венозная впадина, которую невозможно было найти, предварительно не сделав рентгеновского снимка.

Даже лучший хирург не смог бы ее спасти. Если бы можно было отменить операцию!

Илена умерла утром, в 4:26.

Элиот взглянул на часы. Еще не было полуночи.

* * *

Сан-Франциско

26 декабря 1976 года. 00:23

Элиоту 30 лет

— Я удалил селезенку и зашил часть кишечника, — объяснил доктор Роджер Митчелл своему молодому коллеге.

Впервые Элиот находился на месте родственников пациента.

— Как шейные позвонки? — спросил он.

— Нормально. Но меня беспокоит дыхательная система: сломано несколько ребер.

Элиот знал, что это означало. В любую минуту легкие могли перестать функционировать.

— Много спинных повреждений?

— Об этом рано говорить. Возможны повреждения в нижней части позвоночника. Но ты знаешь, это может быть и не так страшно...

— А может привести к полному параличу, — закончил за него Элиот.

— Теперь надо ждать. Больше ничего сделать нельзя.

— Ты собираешься сделать рентген?

— Нет, у нас проблема с аппаратом: программа зависает с самого утра.

— Черт! — воскликнул Элиот, яростно ударяя кулаком в дверь.

— Успокойся. Медсестра будет заходить к ней каждые пятнадцать минут и в любом случае...

Он хотел что-то сказать, но замялся.

— Что в любом случае? — уточнил Элиот.

— Единственное, что мы можем сейчас, — это молиться.

* * *

Сан-Франциско

26 декабря 2006 года. 01:33

Элиоту 60 лет

Элиот поднялся в кабинет, прижимая к груди папку с историей болезни Илены. Он не оперировал два месяца, но все еще оставался лечащим врачом и сохранил за собой кабинет. Когда доктор открыл дверь, автоматически включился свет. Элиот замер, глядя, как капли дождя сбегают по стеклу.

Купер не знал, сможет ли он что-нибудь сделать, чтобы вновь спасти жизнь Илены. Он еще раз пробежал глазами историю болезни и положил бумаги рядом с мраморными шахматами, стоявшими на столе. В задумчивости взял две фигурки: одну коническую, другую цилиндрическую. Конус и цилиндр...

Элиот вспомнил опыт, который проводил в годы учебы. Купер положил плашмя на стол конус и толкнул его. Фигурка стала крутиться вокруг своей оси. Сделав то же самое с цилиндром, он увидел, как тот

покатился по столу и упал на пол.

Простой физический опыт еще раз доказывал: к фигуркам была приложена одинаковая сила, однако они повели себя различно. Так и люди: на один и тот же удар судьбы они реагируют по-разному. «Даже если я смогу избежать удара судьбы, именно я буду решать, где и когда мне отражать следующий удар», — решил доктор.

Поглощенный этой мыслью, Элиот достал из кармана пузырек с волшебными пилюлями.

День начался ужасно, но он еще не закончился. К своему удивлению, Элиот был абсолютно спокоен.

Как человек, который ведет свой последний бой.

19 Седьмая и восьмая встречи

*Если бы молодость знала,
Если бы старость могла...*

*Сан-Франциско
26 декабря 1976 года. 2:01
Элиоту 30 лет*

В больнице было тихо. Только дождь стучал в окно. Илена лежала с закрытыми глазами в темноте палаты. Над ней тянулись трубки и проводки.

Элиот поправил простыню, прикрывавшую безвольное тело женщины, как будто боялся, что любимая замерзнет. Дрожащей рукой он коснулся ее лица. Сердце Купера разрывала нестерпимая боль.

Лицо ее опухло, губы посинели, но он чувствовал, что Илена еще борется со смертью.

Жизнь ее висела на волоске.

И волосок этот готов был вот-вот оборваться.

* * *

Дверь комнаты тихонько открылась. Элиот обернулся, уверенный, что в палату вошла медсестра. Но это был тот, кого он меньше всего ожидал увидеть.

— Илену надо срочно оперировать! — сказал двойник голосом, не терпящим возражений.

Элиот вскочил как ошпаренный.

— Зачем оперировать?

— Надо удалить гематому в мозге.

В ужасе молодой врач приподнял веки женщины, но не заметил разницы в размере ее зрачков.

— Откуда вы знаете?

— Из истории болезни. Если бы сделали рентген, ты бы сам в этом убедился.

— Не ворчите, — резко произнес Элиот. — Мы всего лишь в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. Аппараты ломаются, программы виснут.

Разве вы этого не знаете?

Старый доктор не стал отвечать на вопрос двойника. Все его внимание было поглощено изучением электрокардиограммы.

— Скажи, чтобы готовили к операции! И побыстрее! — поторопил он, указывая на телефон.

— Подождите, у Илены серьезные повреждения грудной клетки, и если мы начнем операцию сейчас, она может умереть!

— Да, но если мы этого не сделаем, то она однозначно умрет.

Элиот молча согласился с двойником, но предупредил:

— Митчелл не будет оперировать на основе неточных данных.

Но тот только пожал плечами.

— Ты думаешь, что я доверю Илену Митчеллу?

— Ну а кто же будет проводить операцию?

— Я.

Элиот вынужден был согласиться, но оставалась одна проблема.

— Мы не можем проводить операцию вдвоем. Нужны по крайней мере анестезиолог и медсестра.

— Чья сейчас смена?

— Саманты Райен, по-моему.

Старый врач поднял голову и посмотрел на часы.

— Встретимся в операционной через десять минут, — сказал он, выбегая из комнаты. — За это время ты подготовишь Илену к операции, а я займусь Райен.

* * *

Шестидесятилетний Элиот выбежал в пустой коридор, казалось навсегда пропахший эфиром. Чтобы не привлекать к себе внимания, надел белый халат. Он знал больницу как свои пять пальцев и быстро нашел комнату отдыха, где находилась Саманта.

— Привет, Сам! — сказал он, зажигая свет.

Молодая женщина давно привыкла к ночным сменам, она быстро вскочила и поднесла руку к глазам, чтобы защититься от яркого света. Хотя человек, стоявший перед ней, и казался ей знакомым, она не могла вспомнить его имени.

Элиот протянул медсестре стаканчик кофе. Поправляя растрепавшиеся волосы, она благосклонно приняла его из рук врача.

Ей было тридцать, и в ней странным образом сочетались

несовместимые наклонности: она была лесбиянкой и одновременно рьяной католичкой.

В больнице женщина работала уже два года, решительно порвав со своей семьей, которая осталась в Нью-Йорке.

Позже, через несколько лет, Элиот подружится с ней, но в то время Саманта еще была скрытной, одинокой и не уверенной в себе женщиной. У нее не было друзей, и коллеги считали ее замкнутой и нелюдимой.

— Вы мне нужны для операции, Саманта.

— Прямо сейчас?

— Да, сейчас. Надо удалить гематому.

— Той женщине, которая прыгнула с моста? — спросила она, делая большой глоток кофе.

— Да.

— Она не выживет, — спокойно сказала Саманта.

— Время покажет, — возразил Элиот.

Саманта раскрыла пачку печенья и поинтересовалась:

— Кто оперирует?

— Я.

— А кто вы?

— Человек, который очень хорошо вас знает.

Их взгляды пересеклись, и на миг у женщины возникло впечатление, что доктор читает ее мысли.

— Пора идти, — поторопил Элиот.

Саманта отрицательно покачала головой:

— Сегодня дежурство Митчелла. Я не буду принимать участия в непонятной операции: я не хочу, чтобы меня выгнали с работы.

— Я понимаю вас... Но вы все равно мне поможете...

— Почему это? Я вам ничего не должна, — возразила она, пожимая плечами.

— Мне — нет, но вы кое-что должны Саре Ливес.

Еще не закончив фразы, он увидел испуганный взгляд Саманты. Сара Ливес была жалкой проституткой, которая попала в больницу два года назад из-за многочисленных ударов ножом. Ее срочно прооперировали, но она не выжила.

— Вы тогда только начинали работать в больнице, и в тот день была ваша смена, — напомнил Элиот. — Вы хороший анестезиолог, Сам, таких мало, но в тот вечер вы совершили серьезную ошибку.

Саманта на мгновение закрыла глаза и в сотый раз прокрутила в голове тот случай: два лекарства, которые она случайно перепутала,

небольшая ошибка начинающего врача, но та бедная женщина больше никогда не проснулась.

— Вы тогда умело скрыли свой промах, — заметил Элиот. — Надо признать, что смерть проститутки никого особо не волновала.

Да, эту ошибку Саманта совершила, потому что мысли ее были далеко. Она думала об отце, который обзывал ее низкими словами, о матери, которая постоянно ругала ее за то, что она опозорила семью, и о братьях, которые настаивали на том, чтобы она уехала из Нью-Йорка.

Саманта в ужасе посмотрела на Элиота:

— Откуда вы знаете?

— Вы сами мне рассказали.

Она непонимающе тряхнула головой. В последние два года стала часто ходить в церковь и много молиться, чтобы искупить грех. Больше всего ей хотелось вернуться в прошлое и исправить ту глупую ошибку. Сколько раз она просила у Неба искупления... Но она никогда никому не рассказывала об этом случае, даже на исповеди.

— Спасти жизнь одного человека, чтобы искупить смерть другого, — задумчиво сказал Элиот, угадывая ход ее мыслей.

Немного поколебавшись, Саманта застегнула халат и просто сказала:

— Пойдемте в операционную.

Элиот хотел уже было идти за ней, но вдруг почувствовал, что у него начинаются судороги.

Уже!

Он укрылся в туалете, где, к счастью, никого не было. Доктор был в панике. Он понимал, что сейчас исчезнет. Наклонившись над умывальником, Элиот умылся холодной водой. В отличие от Саманты Райен, он не верил в Бога, но это не помешало ему попросить у того помощи: «Господи, дай мне время сделать эту операцию, пожалуйста! Позволь мне остаться здесь еще немного!»

Но Бог, которого он молил, не внял его просьбам, и Элиот растворился во временном межпространстве.

* * *

Он проснулся в 2006 году в кресле своего кабинета. Часы показывали 02:23.

У него еще была возможность спасти Илену, но при условии, что он тут же отправится в прошлое. Доктор судорожно проглотил еще одну

пилюлю, но ничего не произошло. Волшебные таблетки действовали только во сне, а он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Он выбежал в коридор и спустился в лифте на первый этаж, где находилась аптека. Купил пачку снотворного, которое давали пациентам перед анестезией. Вернувшись в кабинет, схватил шприц и впрыснул лекарство в вену. Сон не заставил себя долго ждать.

* * *

В то же время, в 1976 году, тридцатилетний Элиот готовил Илену к операции. Он выбрил ей голову и отключил искусственное дыхание. Чтобы обеспечить женщине возможность дышать при транспортировке, надел ей кислородную маску и как можно аккуратнее повез в операционную.

Саманта Райен уже ждала его. А вот двойника нигде не было видно. Неожиданно молодой Элиот услышал, как кто-то стучит в стеклянную дверь. Это был старый доктор. Хирурги натерли руки антисептическим средством, после чего надели халаты, маски и резиновые перчатки.

* * *

Они вошли друг за другом в операционную.

Элиот стоял на подхвате, предоставляя двойнику возможность руководить операцией. Старый врач чувствовал себя спокойным и сосредоточенным. Илену осторожно перенесли на операционный стол. Доктор знал, что у нее поврежден позвоночник, и не хотел ухудшить ситуацию неосторожным движением.

Операция началась.

Старый Элиот ощущал необычайное волнение. Уже два месяца он не оперировал. Хирург и не ожидал, что еще когда-нибудь в своей жизни возьмет в руки скальпель. Движения его были точными, руки не дрожали. Он знал, где надо делать надрез. И тут...

— Кто дал вам разрешение на операцию?

Появившийся вдруг Митчелл стоял в дверях красный от гнева. Он грозно смотрел по очереди на Саманту, Элиота и его двойника.

— А это еще кто? — спросил он, указывая на старого хирурга.

Тот же спокойно заметил:

— Вам надо продезинфицироваться, доктор Митчелл, и вы, кстати,

упустили гематому у пациентки.

Вне себя Митчелл пообещал:

— Так просто это вам с рук не сойдет.

— Вам пора, доктор, — повторил Элиот, заставив рассерженного врача уйти в соседнюю комнату.

Операция проходила в тишине, в то время как на улице бушевала гроза и дождь с силой стучал в окна. Тридцатилетний Элиот с восхищением смотрел на своего двойника. Тот был полностью сосредоточен на работе. Он знал: если операция и пройдет удачно, гематома настолько велика, что у Илены почти нет шансов выжить.

Теоретически у Илены было пять шансов против ста.

И один против тысячи, что не будет тяжелых последствий.

Но за время своей долгой практики старый врач не раз убеждался: в медицине цифры относительны. Пациенты, которым врачи не прочили и двух месяцев, жили по десять лет. И наоборот: иногда обычные простейшие операции заканчивались смертью больного.

И тут в лицо ему брызнула кровь. Этого он и боялся. Венозная впадина перекрывала гематому. Кровотечение было сильным, но он успел предупредить Элиота и Саманту, и они осторожно промокали кровь из раны. Старый врач старался не волноваться и полностью сконцентрироваться на операции, не думая о том, что под его ножом лежит любимая женщина. Он знал, что, если будет думать о ней, руки его начнут дрожать и он не сможет закончить работу.

Все шло хорошо до тех пор, пока вновь не появился Митчелл в сопровождении охранника. Мужчины не стали заходить в операционную, а остались ждать врачей в коридоре, чтобы составить протокол о нарушении правил.

Чувствуя, что скоро исчезнет, старший Элиот повернулся к молодому:

— Твоя очередь.

Доктор снял халат, перчатки, испачканные кровью, и посмотрел на свои руки: они верно послужили ему, и даже дольше, чем он ожидал.

— Спасибо, — прошептал он, не понимая сам, к кому обращается.

Это была его последняя операция, самая важная в жизни.

Исчезая, Купер подумал, что завершил свою миссию на Земле.

И после этого уже не страшно умереть.

20 Последняя встреча

В 20 лет мы в центре жизни. В 30 — ходим в пределах жизненного круга. В 50 — по ее периметру, избегая оглядываться назад и смотреть вперед. А потом мы исчезаем навсегда.

Кристиан Бобен

Сан-Франциско

2006 год

Элиоту 60 лет

Когда Элиот открыл глаза, он увидел, что лежит на холодном кафельном полу своего кабинета. Он тяжело поднялся и поднес руку к носу, из которого фонтаном хлестала кровь. Его организм с трудом перенес последнее путешествие во времени, и понадобилось несколько ватных тампонов, чтобы остановить кровотечение.

Солнце уже встало. Элиота мучил лишь один вопрос: удалось ли ему спасти Илену?

Он включил компьютер и, как вчера, ввел в поисковик телефонного справочника слова «Илена Круз». Он расширил поиск на всю Калифорнию. Компьютер выдал адрес. Вефервилль, поселок, расположенный на севере штата.

Ложный след?

Есть только один способ узнать это.

Элиот вышел из кабинета, спустился вниз и, купив чашку кофе, отправился на стоянку к машине. Он рассчитывал, что доберется до Вефервилля через шесть часов. Его «жук» был уже не новым, но доктор надеялся, что в столь важный момент автомобиль его не подведет.

Было еще раннее утро. Вчерашний дождь выкрасил небо в темно-серый цвет. Элиот выехал из Сан-Франциско по шоссе 101 и быстро преодолел первые двести километров.

После Леггета съехал с трассы на узкую дорогу, извивающуюся вдоль побережья и огибавшую мыс Мендосино. Мимо проплывали крутые прибрежные скалы, дорога становилась все более извилистой, но вскоре Элиот выехал на шоссе 299, пересекающее горы с востока на запад.

Пять часов пути, и вот он в Вефервилле — маленькой горной деревушке. Припарковав машину на главной улице, Купер вошел в аптеку, чтобы спросить адрес Илены Круз. Ему указали на лесную дорожку, ведущую из деревни. Двадцать минут быстрой ходьбы, и доктор увидел маленький деревянный домик. Слышался шум водопада. Элиот замедлил шаг и спрятался за старой секвойей. Сощурился глазами, он искал силуэт женщины...

Она сидела на скамейке перед домом и смотрела вдаль на прекрасные заснеженные горы.

Элиот видел женщину со спины, но ни секунды не сомневался: это была Илена.

Тридцать лет они не виделись. А сейчас их разделяло всего лишь тридцать метров.

На мгновение у Купера возникло острое желание подойти к Илене, рассказать свою историю, сжать в своих объятиях и хотя бы на секунду почувствовать запах ее волос.

Но было слишком поздно: перемещения во времени и переживания последних дней отняли у него слишком много сил. Купер чувствовал, что жизнь уходит от него.

Присев на ствол поваленного дерева, Элиот любовался Иленой издали.

Было тихо и хорошо в этом спокойном, отдаленном от цивилизации месте, и он впервые почувствовал себя освобожденным от бремени страданий.

Первый раз за последние тридцать лет у него было спокойно на душе.

* * *

*Сан-Франциско
1976 год. 9 часов утра
Элиоту 30 лет*

Два дня прошло после операции Илены. Она вышла из комы немного раньше, чем ожидалось. Но было еще неясно, выживет ли она.

Обстоятельства, при которых происходила операция, вызвали недоверие и толки среди медицинских работников. Несколько часов начальство решало, как повести себя в данной ситуации. Следовало ли заявить об инциденте, рискуя подорвать престиж клиники «Ленокс»?

Директор больницы и заведующий отделом хирургии слишком дорожили репутацией, чтобы жаловаться в полицию на то, что операцию проводил «явившийся ниоткуда мужчина, который затем исчез у всех на глазах». Было принято соломоново решение — на два месяца отстранить от работы Элиота и Саманту.

Купер уже собирался уходить из больницы, когда его окликнула медсестра.

— Вам звонят, доктор, — сказала она, протягивая ему трубку.

— Алло?

— Я тут недалеко, — прозвучал голос двойника. — Подойди, поговорим.

— Где именно?

— В кафе «У Гарри». Тебе что-нибудь заказать?

Элиот повесил трубку и вышел на улицу.

Из-за густого тумана почти ничего не было видно. Кафе, оформленное в стиле 50-х, находилось напротив больницы. Элиот толкнул дверь и увидел несколько знакомых врачей и медсестер, которые на скорую руку завтракали перед работой.

В глубине зала сквозь дым сигарет он заметил старшего двойника. Тот спокойно пил кофе.

— Ну? — спросил Элиот, садясь за столик рядом с ним.

— Она выжила!

— Ты видел Илену в будущем?

Купер кивнул. Элиот недоверчиво посмотрел на него, а потом спросил:

— А последствия?

Двойник проигнорировал вопрос.

— Послушай, малыш, она жива! Мы спасли ее!

Несколько минут оба молча смотрели друг на друга, испытывая ликование от того, что все получилось.

У обоих были уставшие лица и синие круги под глазами. Оба были изнурены нехваткой сна и сильным нервным напряжением последних дней. Они бросили все свои силы на то, чтобы побороть судьбу, и вышли из сражения победителями.

Элиот не выдержал, и слезы усталости и облегчения показались у него на глазах. Он потер веки и отвернулся к окну. На улице сквозь туман не было видно ни тротуаров, ни людей, ни проезжающих машин.

— Все будет хорошо, держись...

— Нет, хорошо уже не будет. Я потерял всех, кого любил: Матта, Илену... И все это из-за вас!

— Может, и так. Но ты должен был выполнить свои обещания так же, как сделал это я.

— Вам легко говорить!

— Мы уже толковали об этом. Послушай, я не знаю, каким чудом нам удалось спасти Илену, так что не пытайся все испортить. Живи, как обещал, потому что в одном я уверен точно: чудеса не случаются дважды.

— Слишком тяжело так жить...

— Да, в последующем придется трудновато, — грустно признал Элиот. — Но потом станет проще. Ты сможешь это вынести, но ты должен справиться с этим один.

Элиот посмотрел на двойника, недовольно хмурясь.

Собеседник пояснил:

— Сегодня мы видимся в последний раз.

Элиот пожал плечами:

— Я уже это слышал.

— Но на этот раз это правда, я не смогу вернуться, даже если захочу.

В нескольких словах старший Купер рассказал двойнику историю с пилюлями: обстоятельства, при которых он их получил; неожиданный эффект от употребления лекарства...

Старый доктор еще не закончил своего рассказа, а Элиот уже горел желанием засыпать его вопросами. Но времени на это уже не было...

В эту минуту, стоя перед двойником, он вдруг почувствовал, как тот ему дорог. Две ночи назад, во время операции, старший двойник поразил его своей выдержкой и умением, и теперь Элиот сожалел, что у него нет времени познакомиться с ним поближе. Старый врач застегнул пальто, готовясь уходить.

— Не хотелось бы мне испариться посреди кафе.

— Да уж, это вызовет ненужные толки.

Перед тем как выйти из кафе, старший Купер обернулся и ободряюще кивнул молодому доктору. Их взгляды встретились, и старый врач заметил печаль в глаза Элиота.

И, вместо того чтобы уйти, он вернулся к столику. Он должен был сказать молодому человеку одну важную вещь. Фразу, которую сам хотел бы от кого-нибудь услышать. Несколько слов, которые сняли бы тяжесть с его души.

— Ты ни в чем не виноват...

Сначала Элиот не понял, о чем говорит двойник. Но тот повторил:

— Ты ни в чем не виноват...

— О чем вы?

— О гибели матери, об оплеухах, которые ты получал от отца...

Доктор ненадолго замолчал, восстанавливая дыхание, и повторил:

— Ты... ни в чем... не виноват.

— Я знаю, — соврал Элиот, ошеломленный словами старого врача.

— Нет, ты не знаешь, — мягко сказал тот. — Ты еще этого не понял.

Между мужчинами проскочила искра доверия и симпатии, но старого врача уже начинали бить судороги, знаменовавшие время возвращения.

— Прощай, друг! — крикнул он, быстро удаляясь. — Теперь твоя очередь!

Элиот сел за столик. В окно он увидел, как двойник исчез в тумане.

Исчез навсегда.

21 Жизнь без тебя...

*Мы похожи на большие старые замки, открытые
всем ветрам.*

Луи Арагон

1977 год

Элиоту 31 год

Летняя ночь в Сан-Франциско.

Глядя в пустоту, Элиот курил сигарету на крыше больницы. Внизу простирался город, но доктор не обращал внимания на прекрасный вид. Он не видел Илену с тех пор, как ее перевезли в Майами, и сильно скучал без нее.

Налетевший порыв ветра поднял на крыше пыль. Молодой хирург посмотрел на часы и затушил окурочок. Через пять минут ему предстояла операция, шестая за этот день.

Он жил словно призрак, заваливая себя работой и соглашаясь на все ночные дежурства, лишь бы не оставаться одному дома.

Чтобы не думать о ней.

* * *

Когда Илена открыла глаза, в Майами светало. Уже полгода она была прикована к постели, чувствуя себя разбитой и никчемной. Ей сделали четыре операции, но это был еще не предел.

В голове бродили мрачные мысли. Зачем ее спасли? Что будет дальше? Как ей жить в таком состоянии?

Женщина мало говорила. Она отказалась принимать посетителей: Матта, коллег по работе...

Она чувствовала себя такой уязвимой и беспомощной.

Как найти силы, чтобы превозмочь в себе боль и стыд?

* * *

Убрав верх машины, Матт несся по дороге в Сиэтл. Разрыв с Элиотом выбил землю из-под его ног. Он чувствовал себя одиноким и несчастным, и все его мысли были заняты удивительной девушкой, которую он имел глупость упустить из своей жизни. Он готов был сделать все, чтобы найти Тиффани. Вот уже несколько месяцев каждые выходные он без усталости колесил по ближайшим городам. Единственное, что он о ней знал, — это имя и номер телефона, по которому никто не отвечал.

Почему именно она?

Матт не задумывался над этим. Но был уверен, что должен найти эту женщину, мысли о которой преследовали его повсюду. Она могла стать для него всем.

Его гаванью, его семьей, его смыслом жизни.

1978 год

Илене 32 года

В центре реабилитации инвалидов во Флориде играла музыка Шопена. Был январь. Впервые за последние сто лет в Майами шел снег. Молодая женщина в кресле-каталке смотрела в окно на белые хлопья, кружащиеся в небе.

«Если бы только я могла умереть...» — грустно думала Илена.

* * *

Техас. Конец августа. Официантка в баре смотрела на себя в зеркало.

Три дня назад она отметила свой день рождения. «Не праздник, а похороны...» — вздохнув, подумала Тиффани и поправила фартук.

Уже несколько недель, как она вернулась на родину и теперь разносит пиво грубиянам, которых интересует только ее фигура.

В семнадцать лет она попыталась найти свое счастье в Калифорнии. Тогда Тиффани была настоящей красавицей, умела танцевать, петь, разыгрывать из себя глупышку, но это не помогло ей пробиться ни в Сан-Франциско, ни в Голливуде. И вот она вновь в этом мерзком заведении.

— Эй, красавица, принеси-ка мне еще одну! — потребовал толстяк, размахивая кружкой.

Тиффани вздохнула: вот и пришел конец ее мечтам о славе. Несмотря на открытые окна, в баре было нестерпимо жарко. Послышался скрип дверей, и в помещение вошел новый клиент.

Тиффани не верила своим глазам. Это был Матт.

Тиффани не забыла его. И часто сожалела, что бросила француза еще до начала серьезных отношений. Он быстро осмотрел зал и вдруг увидел ее.

И Тиффани поняла, что он пришел за ней и что иногда, когда мы этого совсем не ждем, жизнь преподносит нам чудесные подарки.

Матт смущенно подошел к официантке:

— Я тебя везде искал.

Тиффани лишь прошептала в ответ:

— Забери меня отсюда...

1979 год

Элиоту 33 года

Элиот отдыхал на Сицилии, когда в Южной Италии произошло землетрясение. Доктор одним из первых вызвался оказать помощь потерпевшим. С командой Красного Креста он отправился в Санта-Сиену.

Оползень, вызванный землетрясением, полностью уничтожил маленькую деревушку, ютившуюся на склоне горы. Под проливным дождем спасатели разгребали обломки. Освободить из-под завалов удалось лишь несколько человек.

Уже наступил вечер, когда мужчины услышали крики ребенка, упавшего на дно старого колодца. Спустив на веревке фонарик, они увидели, что шахта очень глубока и в любой момент подгнившие доски могут рухнуть. Шестилетний малыш, напуганный до смерти, стоял по грудь в грязи. Врачи попытались поднять его на веревке, но ребенок не смог удержаться. Рискуя показаться бесшабашным, Элиот обвязал вокруг себя веревку и спустился на дно колодца.

Он знал, что умрет не сегодня и что перед ним еще долгие двадцать семь лет одинокой жизни.

1980 год

Илене 34 года

Зима. Пустынный пляж, по которому гуляет ветер.

Опираясь на палку, Илена прошла несколько метров и села на мокрый песок.

Врачи говорили ей, что она еще молода, у нее железная воля и однажды она сможет ходить, как обычные люди. А пока, несмотря на то что

ее кололи анальгетиками, боль не проходила. Болело не только тело, но и истерзанная страданиями душа.

* * *

Восьмого декабря в больнице «Ленокс» в перерыве между операциями доктор Купер лежал на диване в комнате отдыха. Свободные от операций коллеги обсуждали последние новости: президентскую кампанию Рейгана, новую песню Стиви Уандера...^[27]

Кто-то включил телевизор, и Элиот услышал:

Прошлой ночью в Нью-Йорке у здания «Дакота» был убит Джон Леннон. На бывшего «битла» напал неуравновешенный фанат Марк Чапмен. Несмотря на то что Леннон тут же был перевезен в больницу, врачи не смогли его спасти...

1981 год

Солнечный день в долине Напа-Вэлли.

Держась за руки, Мэтт и Тиффани прогуливались среди виноградных плантаций. Вот уже три года они жили в полной гармонии, счастливые, что нашли друг друга.

Много ли на Земле людей, которые живут счастливо? И может ли любовь длиться всю жизнь?

Квартира в Лоуэр Хейт

1982 год. 2 часа ночи

Элиот тихонько встал с кровати, стараясь не разбудить спящую рядом женщину. Они познакомились несколько часов назад в баре. Мужчина надел трусы, джинсы и рубашку и уже был готов удалиться, когда женщина пошевелилась и спросила:

— Ты уже уходишь?

— Да, не вставай, я закрою за собой дверь.

— К твоему сведению, меня зовут Лиза, — проворчала она, накрываясь с головой одеялом.

— Я знаю.

— Тогда почему ты назвал меня Иленой?

1983 год

Матт и Тиффани лежали, обнявшись, на кровати.

По щеке женщины бежала слеза.

Уже пять лет они безуспешно пытались зачать ребенка.

Ей недавно исполнилось сорок.

1984 год

Шли дни, недели, годы.

Илена снова обрела смысл жизни.

И научилась ходить! Прихрамывая и слегка волоча ногу... она все же ходила!

Со всем энтузиазмом и нерастроченной энергией Илена преподавала морскую биологию в Стэнфордском университете и активно участвовала в акциях Гринписа, в кампании против выброса радиоактивных веществ в море и создании первых европейских отделений Гринписа в Париже и Лондоне.

* * *

Лето в Сан-Франциско.

Луч солнца освещает холл больницы. Элиот купил колу и сел в одно из кресел.

Он смотрел новый канал Эм-ти-ви. На экране молодая певица в эпатажном остроконечном бюстгальтере эротично танцевала на сцене. Это была Мадонна.

В больнице царил непривычная тишина. Кто-то забыл на столике кубик Рубика. Элиот взял его и быстро собрал. Как и у всех, у него бывали хорошие и плохие дни. Сегодня все шло очень даже неплохо. Он чувствовал себя спокойно. Но в иные дни дела обстояли совсем неважно: одиночество и усталость окрашивали жизнь в черный цвет.

Вдруг послышалась сирена скорой помощи: привезли раненого. Элиоту предстояла очередная операция. Он вышел из задумчивости, жизнь для него снова обрела смысл.

1985 год

Верона, начало весны.

Элиот отправился в Италию на двухдневный конгресс по хирургии. Если он правильно понял слова двойника, именно сегодня должна была состояться встреча с матерью его будущей дочери.

Сидя на террасе, он смотрел, как заходит солнце над Пьяцца Бра. Багряный свет заливал римский амфитеатр, возле которого располагались десятки уютных ресторанов.

— Это вам, месье.

Официант поставил перед Купером бокал мартини, в котором плавали две оливки.

Что же делать? Элиот знал, что сегодня должен встретиться со своей судьбой, и волновался, что что-то пойдет не так. Он снова прокрутил в голове слова двойника, услышанные десять лет назад: «6 апреля 1985 года во время конгресса в Вероне ты встретишь женщину, которая тобой заинтересуется. Ты обратишь на нее внимание, и вы проведете вместе выходные. Тогда и будет зачата моя дочь».

Казалось бы, все просто, но только шестое апреля — это сегодня. Уже семь часов вечера, а итальянка все еще не появилась.

— Здесь свободно?

Купер поднял голову, удивленный тем, что фраза была произнесена по-английски с нью-йоркским акцентом. Перед ним стояла красивая молодая женщина в светло-розовом костюме. Возможно, по газете, лежавшей перед ним, она догадалась, что он тоже американец. Элиоту показалось, она была рада встретить соотечественника.

Элиот кивнул головой и предложил незнакомке присесть за его столик.

Они разговорились. Ее звали Памела. Она работала в сети отелей класса люкс, а в Верону приехала по делам.

«Это она? — спросил он себя, чувствуя волнение. — Наверняка это она. Все сходится».

Ведь его двойник не говорил ни слова о том, что женщина должна быть итальянкой. Элиот внимательно изучал внешность женщины. Памела была высокой, с красивой фигурой и светлыми волосами — настоящая бизнес-леди.

Когда подали закуски, они уже оживленно обсуждали Майкла Джексона, Стивена Спилберга и Карла Льюиса.^[28]

Поддерживая разговор, Элиот не мог избавиться от мысли: «Все-таки

странно, я представлял ее совсем другой».

После нескольких часов непринужденного разговора впереди их ожидала бессонная ночь любви. Но, несмотря на красоту Памелы, Элиот сильно сомневался, что близость с ней принесет ему радость.

Ему не верилось, что эта женщина станет матерью его дочери. Сложно объяснить почему. Внешне она была вполне привлекательной, но, судя по разговору, явно не блистала умом. В ней не нашлось той изюминки, которая могла бы его зацепить.

Да уж, если бы он не встретил своего двойника, никогда бы не подумал, что этот флирт приведет к рождению ребенка.

«Никак не пойму, чем мне может понравиться эта женщина?»

Повсюду стали зажигаться фонари, в ресторане прибавилось народу.

Элиот попросил счет. Официант был занят, и доктор решил заплатить у барной стойки. Расплачиваясь, Элиот достал из кармана «Мальборо» и поднес сигарету к губам. Он уже собирался достать зажигалку, как услышал:

— Вы неплохо оперировали сегодня утром, доктор.

Он поднял глаза на собеседницу: тридцатилетняя женщина сидела рядом с ним на высоком табурете, держа в руках бокал белого вина.

— Вы тоже были на конгрессе?

— Джулия Батистини, — представилась она, протягивая ему руку. — Я работаю хирургом в Милане.

У нее были зеленые глаза и рыжие волосы, и она ничуть не походила на итальянку.

Элиот присмотрелся к женщине и заметил очаровательный блеск в ее глазах — то, чего не мог найти в Памеле.

Доктор с облегчением подумал, что именно эта восхитительная женщина станет матерью его дочери.

— Я бы очень хотела пообщаться с вами на эту тему, — начала Джулия, — но...

— Что?

Она кинула взгляд на террасу.

— Мне кажется, вас ждет подруга.

— Не важно.

Джулия улыбнулась, радуясь, что одержала верх над соперницей, и с хитринкой в голосе произнесла:

— Ну тогда...

Сан-Франциско

1986 год. 5 часов утра
Элиоту 40 лет

В доме Элиота зазвонил телефон. Женщина, в голосе которой слышался легкий итальянский акцент, сообщила ему то, о чем он уже давно знал.

Прилетев в Милан, Элиот купил цветы и на такси добрался до больницы. Вбежав по лестнице на пятый этаж, постучал в палату номер 466.

Поздоровавшись с Джулией, Купер подошел к колыбели. В своей больнице он видел много грудничков, но все они были чужие. Сейчас же перед ним лежала его собственная дочь. Все эти девять месяцев Элиот боялся, что не сможет полюбить ребенка, но как только девочка открыла глаза, он понял: она станет для него смыслом жизни.

На улице шел снег, было холодно, гудели машины, спешили люди, не обращая внимания друг на друга. А в этой комнатке было тепло и уютно.

— Добро пожаловать в наш мир, Энжи...

1987 год

Элиот ожил.

Он наконец увидел свет в конце туннеля.

Страница жизни перевернулась.

В доме появился маленький ребенок — повсюду валялись соски, памперсы, детское питание...

В пять месяцев у Энжи прорезался первый зуб.

В десять она встала на ножки.

Мир Элиота теперь крутился вокруг нее.

1988 год

Энжи хочет есть! Энжи хочет печенье! Энжи хочет пить! Энжи хочет кока-колу!

* * *

Наступило Рождество. Дом был празднично украшен, в камине горел огонь. Элиот наигрывал на гитаре «With or Without You»,^[29] популярную

мелодию того времени. На коврике перед камином спал Растакуэр.
Посреди гостиной танцевала Энжи.

1989 год

Энжи исполнилось три года. Она научилась писать свое имя толстым фломастером на обоях.

* * *

24 марта танкер «Эксон Валдез» затонул у берегов Аляски, выбросив в воду триста тысяч тонн нефти, и на поверхности воды образовалось огромное нефтяное пятно. В связи с этим представительница Гринписа Илена Круз выступила с речью на Си-эн-эн.

* * *

В октябре Ростропович играл на виолончели у Берлинской стены, которую наконец-то решено было снести.

В теленовостях объявили, что холодная война закончилась. Правительство обещало, что теперь все начнут счастливо жить в демократическом мире с рыночной экономикой.

1990 год

Элиот и Энжи стояли перед кинотеатром в очереди за билетами на новый диснеевский мультфильм «Русалочка». Рядом продавали билеты на фильм «Когда Гарри встретил Салли» с участием Мэг Райан.

Уставшая Энжи дернула Элиота за рукав, прося взять ее на ручки.

— А теперь внимание — полетели! — крикнул он, поднимая малышку в воздух. Элиот закружил дочь и вдруг увидел в соседней очереди Матта и Тиффани.

Бывшие друзья смотрели друг на друга не более секунды, но для них это мгновение превратилось в целую вечность. Оба чувствовали, что еще не время для примирения. Вот уже пятнадцать лет они не разговаривали и не встречались. Тиффани грустно посмотрела на Энжи и отвернулась. Каждая «пара» зашла в свой зал.

Но, может, однажды...

1991 год

Элиот и Энжи пытались разобраться в рецепте сладких блинчиков. Маленькая девочка радостно улыбалась. Во время приготовления она вся вымазалась в кленовом сиропе. Уже темнело, свет заходящего солнца проникал на кухню и окрашивал стены в оранжевый цвет.

Возле микроволновки без звука работал телевизор. Показывали Кувейт и первое военное вторжение в Ирак.

По радио звучала песня группы «Ю-ту». Энжи отбивала такт деревянной лопаткой.

Элиот пытался проводить с дочерью как можно больше времени, иногда даже в ущерб работе. Он все так же интересовался своей профессией, но уже не старался подняться выше по служебной лестнице. Купер не гнался за славой. Для него благодарность в глазах пациентов значила намного больше.

В его жизни по-прежнему на первом месте стояла дочь. Теперь он понимал своего двойника, который был готов на все ради спасения Илены, но только не в ущерб Энжи. Глядя с любовью и нежностью на малышку, он не раз испытывал тревогу. Горький жизненный опыт привел его к пониманию: счастье не бывает долговечным. Уже шесть лет он чувствовал себя на седьмом небе, но знал, что это может закончиться в любой момент.

К счастью привыкаешь слишком быстро.

1992 год

В шесть лет у Энжи начали выпадать молочные зубы.

Улыбаясь щербатым ртом, она старательно выводила в тетради буквы, сидя за стеклянным столом в гостиной. В комнату зашел Элиот и строго произнес:

— Я же говорил, чтобы ты выключала телевизор, когда делаешь уроки!

— Почему?

— Потому что, когда ты занята делом, не нужно отвлекаться.

— Но я и так не отвлекаюсь.

— Не издевайся надо мной...

Купер нашел пульт, спрятанный под подушками, и уже собирался выключить телевизор, как вдруг замер перед экраном.

Репортер рассказывал о встрече на высшем уровне в Рио-де-Жанейро. Обсуждались вопросы охраны окружающей среды. В течение нескольких минут Илена рассказывала об изменениях климата и уничтожении многих видов животных. В ее огромных глазах светилась тихая печаль. В углу экрана появилась надпись «Илена Круз, биолог».

— Папа, почему ты плачешь?

1993 год. 6:30 утра

Элиот осторожно вылез из-под одеяла, не дожидаясь, когда зазвонит будильник. Рядом с ним на кровати лежала стюардесса, с которой он познакомился вчера в аэропорту, провожая Энжи к матери в Италию.

Доктор вышел на цыпочках из комнаты, принял душ и быстро оделся. На кухне он взял листок и карандаш и вдруг понял, что не помнит имени женщины, с которой провел ночь. Элиот решил: ничего страшного не произойдет, если он не обратится к случайной любовнице по имени.

Когда будешь уходить, положи, пожалуйста, ключи в почтовый ящик.

Спасибо за эту ночь.

И, может быть, до скорой встречи.

Элиот понимал: такая записка оскорбительна для любой женщины. Но его отношения с любовницами редко длились дольше недели. Много лет назад Купер решил, что не будет проводить много времени с женщинами, которых не любит. Конечно, со стороны Элиота это было лицемерием и трусостью. Но таким образом он, в своем понимании, хранил верность Илене.

Доктор быстро выпил кофе, схватил пончик и отправился на работу. Выходя, он взял свежую газету. На первой странице была большая фотография, на которой Рабин и Арафат пожимали друг другу руки под чутким надзором Билла Клинтона.

1994 год

Конец лета. Небо полыхало бордовым пламенем, окрашивая морские волны в цвет заходящего солнца. Элиот припарковал машину возле дома. Он обещал, что приедет не поздно. Приходящая няня, присматривающая за Энжи во время отсутствия доктора, должна была уехать час назад.

— Энжи! — крикнул Купер, открывая дверь. — Это я!

Девочке было уже восемь лет, но каждый раз, когда он оставлял малышку одну, его не отпускала тревога.

— Все хорошо, дорогая?

Он услышал топот ее ножек по лестнице и, подняв голову, увидел, что по щекам девочки текут слезы.

— Что случилось, Энжи? — кинулся к ней Элиот.

Она крепко обняла отца, горько всхлипывая у него на груди.

— Растакуэр... — услышал Элиот сквозь рыдания.

— Что он натворил?

— Он... он умер.

Элиот взял девочку на руки и понес на второй этаж. Собака лежала на коврике, как будто спала.

— Ты вылечишь его? — умоляюще спросила Энжи. Ее рыдания стали еще громче при виде расстроенного отца. — Пожалуйста, вылечи его, папа!

— Он умер, дорогая, ему уже нельзя помочь.

— Умоляю тебя! — рыдала она, опустившись на колени.

Он поднял дочку и отнес в комнату.

— Он был уже старым, малышка. Это чудо, что Растакуэр так долго прожил.

Но Энжи не хотела слушать отца. Ей было больно, и ничто не могло ее утешить.

Девочка забралась в постель, накрыв голову подушкой. А Элиот сидел рядом, стараясь утешить ребенка.

Завтра все пройдет, забудется. Он хотел верить в это, хотя в его случае все было не так.

На следующий день Элиот и Энжи отправились в маленький лес Инглвуд на севере Сан-Франциско. Отец и дочь выбрали тихий, укромный уголок. Элиот вырыл небольшую ямку, в которой они и похоронили лабрадора.

— Как ты думаешь, папа, существует рай для собак? — спросила малышка.

— Не знаю, — ответил Элиот, накрывая могилку листьями и ветками. — Но если и есть, то Растакуэр точно окажется там.

Девочка тихо кивнула головой, вытирая слезы. Добрый верный пес был частью ее маленького мира.

— Я не могу поверить, что больше никогда его не увижу.

— Знаю, дорогая, всегда очень трудно терять того, кого любишь. Это

самое страшное, что может с нами произойти.

После недолгого молчания Купер предложил дочери:

— Если хочешь, можешь с ним попрощаться.

Энжи подошла к могилке и торжественно произнесла:

— Прощай, Растакуэр. Ты был классной собакой.

— Да, — согласился Элиот, — ты был самым лучшим.

Они сели в машину и поехали обратно в город. На пути домой оба хранили молчание. Чтобы немного приободрить дочь, Элиот предложил заехать в кафе.

— Хочешь горячего шоколаду?

— Да! Со взбитыми сливками!

Они сели за столик. Тут же измазавшись в сливках, Энжи поинтересовалась:

— А как вообще у тебя появился Растакуэр?

— Разве я никогда не рассказывал?

— Нет.

— Короче, вначале мы с ним не очень ладили...

1995 год

— Папа, мы идем смотреть «Историю игрушек»?

— Ну ладно, что уж с тобой поделаешь...

1996 год

— Папа, пошли смотреть «Ромео и Джульетту»! Мне так нравится Леонардо!

— Ты сделала уроки?

— Да! Честное слово!

1997 год

Декабрь. Суббота. Впервые Энжи предпочла сходить в кино с подружками, а не с любимым папой.

Как и многие девочки ее возраста, она сторала от нетерпения увидеть, как ДиКаприо поцелует Кейт Уинслет в «Титанике».

Элиот приготовил кофе. Вроде бы все хорошо. Но откуда это щемящее чувство одиночества?

Он поднялся на второй этаж и вошел в комнату Энжи. Она ушла, не

выключив музыку. Из проигрывателя доносились голоса «Спайс Герлз». На стенах расклеены яркие постеры из фильмов: «Симпсоны», «Друзья», «Беверли-Хиллз»...

Купер почувствовал, как что-то кольнуло его в сердце. Он понял: Энжи выросла.

Это нормально. Дети взрослеют.

Но почему так быстро?

1998 год

Элиоту 52 года

В комнате отдыха больницы работал телевизор. На экране странный тип рассказывал о том, что мужчины — создания Марса, а женщины — Венеры. Медсестры дружно соглашались. Элиот нахмурился: все чаще ему казалось, что он перестает понимать окружающий мир. Он допил кока-колу и вышел из комнаты. Впервые он почувствовал, что ему за пятьдесят и он уже не молод.

* * *

Пришло время сериала «Скорая помощь». В больнице некоторые пациенты требовали, чтобы их оперировали доктор Грин или доктор Росс...

* * *

В январе по телевидению показывали озадаченного Билла Клинтона, который оправдывался перед народом:

— У меня не было никаких сексуальных отношений с мисс Левински.

А в это время на Северном полярном круге таяли льды из-за глобального потепления.

Но никто об этом не думал.

1999 год

Конец апреля.

Элиот осторожно заглянул в комнату отдыха.

Никого.

Он открыл холодильник в надежде найти что-нибудь съестное. На верхней полке лежало зеленое яблоко, на котором была наклейка с именем одной из медсестер. Элиот пожал плечами, оторвал наклейку и съел его.

Купер сел на подоконник, рассеянно наблюдая за тем, как его коллеги играют во дворе в баскетбол. Над Сан-Франциско витал запах весны. Сегодня был замечательный день: операции проходили успешно и пациенты не умирали под его ножом.

Доктор взял пульт с намерением включить телевизор. Но зачем было портить сегодняшней день новостями о мировых катастрофах? Он уже собирался положить пульт на место, как вдруг подумал, что сегодня, может быть, новости будут хорошими. Что, например, изобрели лекарство против СПИДа, в странах Ближнего Востока закончилась война, а в Штатах удвоили финансирование образования.

Но это были пустые надежды. По Си-эн-эн специальный корреспондент рассказывал в прямом эфире, как два ученика из лицея «Колумбайн» в Литтлтоне только что расстреляли двенадцать одноклассников, а потом застрелились сами.

Лучше бы Купер не включал телевизор...

2000 год

— Папа, можно я сделаю пирсинг?

* * *

— Папа, купи мне мобильный телефон!

* * *

— Папа, можно я сделаю татуировку?

А после этого: iPod, очки D&G, духи от Марка Джейкобса, морские черепашки, топики, свитера...

2001 год

Элиот заехал на стоянку больницы и посмотрел на часы. У него была уйма свободного времени: до проведения плановой операции оставалось целых два часа.

Элиот знал, что сегодня что-то произойдет.

В холле больницы он увидел взволнованных пациентов, врачей и медсестер, столпившихся у телевизора.

Элиот еще помнил слова своего двойника, произнесенные в 1976 году: «11 сентября 2001 года во Всемирном торговом центре Нью-Йорка произошло нечто непредвиденное».

В течение всех этих лет Элиот спрашивал себя, что бы это могло быть. Растолкав людей, он подошел к телевизору и увидел...

2002, 2003, 2004, 2005...

Элиоту 56, 57, 58, 59...

*Мы располагаем лишь малым количеством времени.
И очень часто растрачиваем его понапрасну.*

Сенека

Манхэттен

Январь 2006 года

Элиоту 60 лет

Элиот взял отпуск, чтобы помочь Энжи устроиться в Нью-Йорке, где девочка собиралась учиться медицине.

Оставив дочь обустроиваться в новой квартире, он уехал по делам на несколько часов. Такси доставило его к одному из современных небоскребов на углу Парк-авеню. Купер вошел в здание и поднялся в лифте на тридцать третий этаж. Вчера он сдавал здесь анализы и сегодня должен был получить результаты. Элиот решил проверить здоровье в Нью-Йорке, а не в Сан-Франциско, где все его знали. Конечно, у врачей существует понятие медицинской тайны, но все равно в больнице, впрочем, как и везде, слухи распространяются с быстротой молнии.

— Заходи, Элиот, — пригласил его доктор Джон Голдвин.

Мужчины учились вместе в Калифорнии и часто созванивались. Элиот сел в кресло, а Голдвин открыл папку и положил на стол несколько снимков.

— Я не буду тебе врать, Элиот, — сказал он серьезно.

— У меня рак, да?

— Да.

— Последняя стадия?

— Боюсь, что да.

После недолгого молчания Элиот уточнил:

— Сколько мне осталось?

— Несколько месяцев.

* * *

Четвертью часа позже Элиот шел по улице среди небоскребов и машин. Небо было голубым, но холод сковывал тело.

Все еще находясь в шоке от услышанного, доктор потерянно бродил по улицам.

Проходя рядом с магазином, Купер увидел свое отражение в витрине. Боже, я стал похож на своего двойника. Тридцать лет промелькнули как один день.

Ну вот я и стал им...

Глядя на свое измученное лицо, опущенные плечи, он мысленно обратился к своему двойнику: «Если бы ты меня предупредил!..»

*Бросив меня на произвол судьбы, Он ушел однажды
солнечным утром.*

Эдит Пиаф

*Февраль 2007 года
Элиоту 61 год*

Три минуты до смерти...

Элиот лежал на диване, завернувшись в одеяло, и смотрел, как заходит солнце над Сан-Франциско.

Он дрожал и, несмотря на кислородную маску, с трудом мог дышать. Ему казалось, что его тело распадается на мелкие части.

Две минуты до смерти...

Вот и пришел этот страшный час. Время отправляться в последний путь.

Говорят, что жизнь меряется не продолжительностью, а качеством — тем, как ты ее прожил.

Легко судить о смерти людям, которые пышут здоровьем!

Что же касается Элиота, он постарался взять от жизни все. Но получилось ли у него? Все познается со временем.

Ближе к смерти.

Последняя минута...

Ему хотелось бы умирать с улыбкой на губах, как счастливому человеку.

Но это, оказывается, непросто.

Напротив, Элиот чувствовал себя одиноким и покинутым, как маленький мальчик.

Он боялся.

Он не предупредил Энжи.

Рядом с ним никого не было.

И тогда, чтобы не чувствовать себя тоскливо, Купер стал думать об Илене. В последнюю минуту жизни он убедил себя, что она рядом с ним и

все так же любит его.

*Он человек и потому может иметь секреты.
Но он также имеет право рано или поздно их
раскрыть.*

Филип Рот

*Февраль 2007 года
Три дня спустя*

Зимнее солнце освещало зеленые аллеи кладбища Гринвуд. Непосвященным это печальное место казалось старинным уютным парком.

Только что опустили гроб, и все, кто хотел попрощаться с Элиотом, стояли перед ямой, по очереди молча кидая в нее землю. Энжи подошла первой вместе с мамой, прилетевшей из Милана. Потом подходили коллеги и пациенты, которых оперировал Элиот. Если бы он мог увидеть свои похороны, то был бы тронут количеством людей, которые хотели проводить его в последний путь. На кладбище пришел и детектив Малден, он уже давно вышел на пенсию. Старик подошел к гробу, опираясь на руку своего бывшего коллеги, капитана Дугласа, теперь возглавляющего городской комиссариат.

Церемония длилась полчаса и закончилась незадолго до наступления темноты. Люди быстро разошлись. Многие, вернувшись домой, грустно думали: «И я когда-нибудь умру... Главное, чтобы это случилось не скоро».

* * *

Маленькое кладбище опустело, поднялся ветер, гоня прочь припозднившихся людей.

Убедившись, что он остался один, пожилой мужчина, державшийся в стороне во время траурной церемонии, подошел к могиле.

Это был Матт. Тиффани уговаривала его не ходить на похороны. Она считала, что не стоит провожать в последний путь человека, который за последние тридцать лет ни разу не позвонил.

Но Матт все равно пришел.

Со смертью Элиота окончательно ушла надежда на примирение, которую он тайно лелеял все эти годы. Матт подозревал, что тридцать лет назад с Элиотом случилось нечто странное, как иначе объяснить его внезапную перемену по отношению к лучшему другу? И как оправдать разрыв с Иленой, ведь Элиот так любил ее?

Все эти вопросы навечно останутся тайной.

— Ты унес свои секреты с собой, — грустно вздохнул Матт.

Воспоминания вдруг нахлынули на него, и он с болью и радостью обратился мыслями к тем годам, когда они с Элиотом дружили.

Матт опустил на колени перед памятником и замер. Горькие слезы стекали по его щекам. С возрастом слезы все чаще наворачивались у него на глазах, и он ничего не мог с этим поделать. Он стал сентиментальнее и мудрее.

Поднимаясь, Матт тихо сказал:

— Ты ушел первым, так что займи мне местечко в раю, как обещал тридцать лет назад.

Он уже собирался уходить, но почувствовал, что кто-то подошел к нему сзади.

— Вы, наверное, Матт...

Он обернулся и увидел молодую красивую женщину в черном пальто.

— Меня зовут Энжи, я дочь Элиота, — представилась она, протягивая ему руку.

— А я Матт Делюка.

— Папа говорил, что вы останетесь у могилы дольше всех и так я смогу вас узнать.

— Мы были друзьями, — смущенно прошептал Матт. — Очень близкими друзьями... — После недолгого молчания он уточнил: — Но это было давно, еще до твоего рождения.

Внимательно разглядывая девушку, Матт был поражен ее сходством с Элиотом. Энжи заимствовала у отца многие черты и была очень обаятельна, даже несмотря на печаль в глазах.

— Мой папа оставил вам вот это, — сказала она, протягивая ему бумажный пакет.

— Правда?.. — удивленно спросил Матт.

Энжи, помедлив, добавила:

— Незадолго до смерти он сказал мне, что если у меня будут проблемы...

— То что? — подбодрил Матт смущенную девушку.

— Он сказал, что если мне нужна будет помощь, то я всегда могу

обратиться к вам и вы поможете.

Тронутый доверием старого друга, Матт подтвердил:

— Конечно, я сделаю все, что в моих силах.

— Ну, тогда до свидания, — сказала Энжи, удаляясь.

Матт подождал, пока девушка скроется из виду, и повернулся к могиле.

— Ты можешь на меня рассчитывать, — уверенно сказал он. — Я присмотрю за ней.

И ушел с кладбища, прижимая к груди пакет. Он опять плакал.

* * *

Матт мчался по 29-му шоссе в Калистогу, городок, расположенный в Напа-Вэлли, — туда, где находился его виноградник. Тиффани уехала в Европу, чтобы провести рекламную кампанию по распространению их вин, и Матт не хотел возвращаться в пустой и холодный дом в Сан-Франциско.

Он стал богатым человеком. Уже тридцать лет он лелеял и холил свой виноградник и небольшой винный заводик, и вот они стали местной достопримечательностью.

Нажав на пульт, Матт въехал в открывшиеся ворота и, минуя сады, припарковал машину в конце аллеи. Вместо старого деревянного дома здесь стоял трехэтажный особняк, построенный в строгом классическом стиле.

Матт поздоровался с охранником и спустился в винный погреб, украшенный картинами и скульптурами известных мастеров: Фернана Леже, Дюбюффе, Баскиата.

Свет был приглушенным, и паркет мягко отсвечивал в полумраке. Матт сел на дубовую лавку и открыл пакет. Внутри оказалась деревянная коробка, в которой лежали две бутылки вина: «Шато Латур» 1959 года и «Шато Мутон Ротшильд» 1982 года. Отличные выдержанные вина.

Вынув бутылки из коробки, Матт обнаружил толстую тетрадь в кожаном переплете.

Пробежав глазами первую страницу, Матт почувствовал, как у него по коже пробежали мурашки.

Дорогой Матт!

Если ты читаешь эти строки, значит, рак все-таки забрал мою жизнь. Я боролся до конца, но некоторые противники, к

сожалению, бывают непобедимы. Ты наверняка прочитал о моей смерти во вчерашней газете и приехал на похороны. Держу пари, что во время церемонии ты стоял в сторонке, ожидая момента, когда все разойдутся и ты сможешь спокойно поговорить со мной. Я знаю, что ты все еще на меня сердись, ведь ты не понял, почему тридцать лет назад я поступил именно так. Ты страдал так же сильно, как и я. Мне бы очень хотелось объясниться с тобой раньше, но это было невозможно, скоро ты поймешь почему...

Я расскажу тебе о невероятном происшествии, которое повлияло на все наши жизни: твою, мою и Илены. Я всегда старался принимать правильные решения. Но, как ты увидишь впоследствии, мои возможности были очень ограничены. Прочитав то, что здесь написано, ни в чем себя не упрекай. Мне повезло, что у меня был такой друг. Спасибо тебе за это. Не грусти и, перед тем как начать читать эту тетрадь, открой одну из подаренных бутылок и выпей за меня.

Когда я писал эти строки, я знал, что через несколько дней умру. Окно в комнате было открыто, а по голубому небу бежали пушистые облака, и ветер доносил до меня шум моря.

Всех этих маленьких вещей обычно не замечаешь. Но с ними так тяжело расставаться, когда приходит время.

Позаботься о себе, старина, и как следует воспользуйся тем временем, которое у тебя еще осталось. Если бы ты знал, как я по тебе скучал!

Твой друг навсегда,

Элиот

Было два часа утра. То и дело вытирая красные, заплаканные глаза, Матт заканчивал читать удивительный рассказ своего друга о встрече с двойником, путешествии во времени, о странном договоре, заключенном во имя спасения Илены... История, в которую он не захотел поверить тридцать лет назад, вдруг предстала перед ним в новом свете.

Матт закрыл тетрадь и с трудом поднялся с лавки. У него кружилась голова и душа болела от сожалений и печали.

Что же теперь делать? Допить бутылку, чтобы утопить горе в вине? Но он отказался от этой идеи. Побрызгав в лицо холодной водой, француз надел пальто и вышел в ночь. Холодный ветер пробрал его до костей.

Элиот был мертв, и Матт ничего не мог изменить.

А может быть, мог?

Имел ли он на это право?

Француз сел в джип, включил навигатор и ввел адрес на севере Калифорнии.

Матт поехал по направлению к горам. Он мчался всю ночь, продвигаясь все дальше на запад сквозь поля и леса, занесенные снегом. Дорога была скользкой, и из-за тумана не было видно пронесившихся мимо машин.

Недалеко от заправки кончился бензин. Продолжить путь Матт смог только благодаря хозяину аптеки, который втридорога продал ему топливо. Когда француз приехал в Вефервилль, туман рассеялся и солнце осветило заснеженные вершины Тринити Альпс.

Машина съехала на лесную дорогу, и вскоре Матт оказался перед маленьким деревянным домом, куда не раз приезжал с Тиффани.

Услышав звук подъезжающей машины, Илена вышла на веранду.

— Матти! — крикнула она взволнованным голосом.

Он помахал рукой и, не закрыв машину, подбежал к женщине и сжал ее в объятиях.

— Хорошо выглядишь, — сказал он.

— А у тебя вид мертвеца! Что случилось, Матт?

— Я все тебе объясню, но сначала налей мне кофе.

Он прошел за ней в дом. Камин, компьютер, музыкальный центр, система отопления последней модели — все необходимое для того, чтобы жилище было уютным и удобным.

— Ну? — спросила Илена, готовя напиток. — Тебя выгнала жена?

— Еще нет, — улыбаясь, ответил Матт.

Он заботливо посмотрел на женщину. Несмотря на все трудности и страдания, в Илене ощущалась энергия. В Стэнфорде, где она преподавала, ее любили и уважали. Многие мужчины пытались завоевать ее сердце, но Матт знал, что после несчастного случая Илена отказалась от всяческих отношений с мужчинами.

В больнице она сражалась за жизнь, в Гринписе — активно участвовала в борьбе против загрязнения окружающей среды. Но больше никогда не думала о любви...

— Вот твой кофе, — сказала Илена, ставя на стол поднос с двумя дымящимися чашками и печеньем.

В комнату вошел кот, требуя завтрака.

Илена взяла его на руки и ласково погладила. Она уже собралась пойти

с ним на кухню, как вдруг Матт сказал:

— Элиот умер.

В доме повисло молчание. Илена выпустила из рук персидского кота, который жалобно мяукнул.

— Рак? — спросила она, поворачиваясь к Матту. — Да?

— Да, рак легких.

Она в задумчивости наклонила голову. Лицо у нее было непроницаемо, но Матт заметил, что в глазах женщины блестят слезы. Илена быстро вышла из комнаты.

Оставшись один, Матт горько вздохнул.

Звук разбившейся посуды неожиданно разорвал тишину. Француз бросился на кухню и увидел Илену, отчаянно рыдавшую на стуле. Обхватив голову руками, она предалась своему горю. Матт опустился на колени перед подругой и нежно ее обнял.

— Я так его любила... — призналась она сквозь слезы.

— Я тоже...

Слезы не переставая текли по ее лицу.

— Несмотря на все, что он сделал, я все равно продолжала его любить.

— Тебе надо кое-что узнать, — прошептал Матт.

Он поднялся и вынул из кармана бумажный пакет.

— Элиот оставил мне это перед смертью, — объяснил он, протягивая Илене тетрадь.

Она взяла ее дрожащей рукой.

— Что это?

— Правда, — просто сказал Матт.

Он тихонько вышел из дома и сел в машину.

* * *

Илена выбежала на веранду в надежде удержать Матта, но тот уже уехал.

Утренний воздух был прохладным и чистым. Илена накинула на плечи шаль и устроилась в кресле-качалке. Она открыла тетрадь и тут же узнала почерк Элиота.

Прочитав первые строки, она поняла, что найдет наконец ответ на вопрос, который мучил ее последние тридцать лет.

Почему ты меня покинул?

Матт ехал в Сан-Франциско.

Посмертная исповедь Элиота сначала принесла ему облегчение, а потом погрузила в печаль и тревогу.

Его примирение с другом казалось Матту ненастоящим и незавершенным. Он верил в жизнь. И ему было плевать на красивую смерть, всечеловеческое прощение и подведение жизненных итогов.

Он хотел бы сейчас поболтать с Элиотом, покататься на корабле, посидеть в кафе в старом порту, съесть форель в ресторане «У Франсис», прогуляться в лесах Сьерры-Невады. Короче, просто жить.

Но не стоило обманывать себя. Элиот был мертв, да и Матту оставалось жить не так уж долго. Он наивно мечтал, что когда-нибудь они с Элиотом помирятся, но годы шли, а они так и не поняли друг друга.

Было три часа дня. По мере того, как француз приближался к Сан-Франциско, движение становилось все интенсивнее. Матт остановился на заправке, чтобы залить полный бак и перекусить.

Побрызгав в лицо водой, он почувствовал себя немного легче. В зеркале он увидел свое помятое, напряженное лицо. Сознание его затуманивалось от усталости и переживаний.

Откуда это ощущение, будто он что-то упустил? С прошлой ночи нечто непонятное не давало ему покоя. Ему казалось, что дело еще не завершено и у него есть возможность все изменить.

Он заказал сэндвич и сел за стол возле окна.

Матт с удовольствием вгрызался в аппетитный бутерброд с беконом. С тех пор как врачи выяснили, что у него повышен уровень холестерина, жена запрещала ему подобного рода пищу.

Но сегодня Тиффани не было рядом, и Матт воспользовался этим, чтобы вдоволь наесться фастфудом.

Чтобы избавиться от угрызений совести, он достал из кармана пузырек с лекарством. Флакончик был почти пуст, на дне лежала последняя таблетка. Матт проглотил ее, запив кофе. Это пробудило в нем какое-то воспоминание.

Матт схватил сэндвич и кофе и бросился к машине.

Он понял, что не давало ему покоя в течение последних часов.

Он несколько раз перечитал тетрадь Элиота. Тот ясно писал о том, что камбоджиец дал ему десять пилюль. Однако Элиот совершил всего девять перемещений во времени!

Где же последняя пилюля?

24 Последняя пилюля

Когда перед тобой откроется несколько дорог и ты не будешь знать, какую выбрать, не полагайся на случай, а просто сядь и подожди.

Не двигайся, помолчи и прислушайся к своему сердцу.

А когда оно заговорит, встань и пойдти туда, куда оно скажет.

Сюзанна Тамаро

2007 год

Матту 61 год

Матт доехал до города за полчаса.

В его голове зародилась сумасшедшая идея, которая подарила ему надежду. Как в старые добрые времена, француз припарковался у дома Элиота. Он думал, что увидит Энжи, но дом был пуст. Матт обошел дом и перелез через забор. Сад почти не изменился. Старый кедр из Аляски все так же широко раскидывал ветви перед домом. Матт был на сто процентов уверен, что в доме нет сигнализации. Он снял пальто, обмотал его вокруг руки и с силой ударил в стекло кухонной двери. Стекло оказалось толстым, но Матт был силен. Он засунул руку в разбитое окно и открыл дверь изнутри. В течение трех часов француз методично обыскивал каждую комнату, открывал ящики, заглядывал в каждый шкаф, приподнимал каждую отошедшую дощечку паркета. Но ничего не нашел.

Уже совсем стемнело. Отчаявшись найти пилюлю, Матт собрался уезжать, как вдруг взгляд его упал на фотографию Элиота, стоявшую среди снимков Энжи.

Тогда он дал выход своему гневу и разочарованию.

— Ты над нами посмеялся, да? — крикнул Матт, обращаясь к портрету Элиота. — Это все твои шуточки, не так ли? Ты просто придумал себе оправдание! — Он подошел к фотографии и пристально посмотрел в глаза врачу. — Не было никакого старого камбоджийца, не было пилюль и путешествий во времени! Просто в тридцать лет ты сошел с ума и таким же остался до смерти!

В порыве отчаяния француз схватил фотографию и швырнул ее на пол.
— Старый дурак!

Обессиленный, Матт упал в кресло.

Ему понадобилось время, чтобы вновь обрести рассудительность и хладнокровие.

Комната погрузилась в темноту.

Матт поднялся, чтобы включить лампу. Он подобрал фотографию Элиота и поставил ее на полку библиотеки.

— Не обижайся...

Матт подошел к книжному шкафу. Он вспомнил о том дне, когда пришел сюда, чтобы вложить телеграмму между страницами атласа. Пробежал глазами корочки книг в поисках нужной. Найдя старый атлас, Матт сдул с обложки тонкий слой пыли и встряхнул книгу. Интуитивно он почувствовал, что в ней что-то есть.

Матт схватил перочинный нож, лежавший на столе, и пошарил им между переплетом и обложкой атласа. На паркет упал маленький стеклянный флакончик.

С бьющимся сердцем Матт схватил его и открыл.

На ладонь ему упала крошечная золотая пилюля.

Француз не помнил себя от радости.

Последняя пилюля.

Последнее путешествие.

* * *

Что теперь делать?

Каково было намерение Элиота, когда он сохранил эту последнюю возможность вернуться в прошлое? И почему он решил спрятать пилюлю именно в том месте, где француз мог ее найти?

Матт нервно кружил по гостиной, когда зазвонил телефон. Посмотрев на светящийся экран, он узнал номер Илены.

— Да?

— Это я. Я только что прочла тетрадь.

Она говорила тихо, стараясь сдержать волнение.

— Такая запутанная история, Матти, ты должен мне поподробнее все объяснить.

Француз не знал, что ответить. Он устало потер глаза и вздохнул.

Конечно, Илена не могла поверить в рассказ Элиота. Иначе и быть не

могло. Как убедить ее, что все это правда?

— Сейчас я ничего не могу тебе объяснить.

— Ну нет уж! Ты должен мне все объяснить! — не выдержала Илена. — Ты примчался ко мне, разбудил воспоминания, которые я старалась как можно глубже закопать в своей душе, и удрал, как вор!

— Я верну его тебе, Илена.

— Кого?

— Элиота.

— Да ты с ума сошел! Элиот умер, Мэтт. УМЕР!

— Я верну его тебе, — повторил Мэтт. — Даю слово.

— Перестань! Ты разрываешь мне сердце! — взмолилась Илена, бросая трубку.

Мэтт убрал телефон в карман. Он почувствовал себя спокойно и уверенно. Теперь все прояснилось.

Он должен был принять последнюю пилюлю.

* * *

В холодильнике Мэтт нашел бутылку воды и запил ею лекарство.

Ну вот.

Теперь дороги назад нет. Зайдя в гостиную, он сел в кресло и расслабился.

Оставалось только ждать.

Ждать чего?

Несварения желудка?

Отравления?

Или возвращения в прошлое?

Он ждал и ждал...

Но тщетно.

Словно ведомый чьим-то голосом, Мэтт поднялся на второй этаж, порылся в ящичке в ванной комнате и нашел снотворное. Приняв две таблетки, спустился в гостиную и лег на диван.

Закрыв глаза, Мэтт стал считать баранов, потом снова открыл глаза, перевернулся, погасил свет, снова включил...

— Черт! — проворчал он, вскакивая с дивана.

Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Не в силах находиться в пустом доме, француз надел пальто и вышел под ледяной дождь. Добежав до машины, завел мотор и поехал вверх по улице Филмор. Была зима, уже

давно перевалило за полночь, кругом не было ни души.

Француз приехал на самый высокий участок Рашен-Хилл, когда сон настиг его. Затылок пронзила острая боль, в голове помутилось, и он почувствовал, как кровь стучит в висках. Матт потерял сознание и упал грудью на руль, не успев даже припарковаться.

Джип въехал на тротуар и, раздавив два куста гортензий, врезался в металлический забор.

* * *

1977 год

Когда Матт открыл глаза, он лежал на дороге посредине Ломбард-стрит. Ночь была темной, шел мелкий дождь. Вымокший и замерзший, Матт, кряхтя, поднялся. Сколько времени он тут пролежал? Француз посмотрел на часы, но те остановились. Джип куда-то исчез. Чуть выше на Хайд-стрит горела вывеска аптеки, в которую он и побежал. В магазине никого не было, за исключением продавца, который расставлял баночки на полке. Матт подошел к стенду журналов. Поспешно схватил первый попавшийся под руку. На обложке был изображен Джимми Картер с улыбкой во все лицо. С краю была напечатана дата: 6 февраля 1977 года.

Матт выбежал из магазина.

Пилюля подействовала!

Ему тоже удалось попасть в прошлое, на тридцать лет назад!

Но он знал, что визит в прошлое длится недолго. В запасе было всего несколько минут. Сначала Матт хотел бежать к дому Элиота, но, вспомнив записи в тетрадке, решил, что, скорее всего, Элиот работает в ночную смену.

Больница «Ленокс» находилась в километре отсюда. На автомобиле он бы быстро преодолел это расстояние. Матт встал посредине дороги и попытался остановить машину, но ему только раздраженно сигналили, а брызги из-под колес проезжавших мимо автомобилей окатили его с ног до головы.

Тогда он собрал в кулак всю свою силу воли и побежал к больнице. Выдохшись на Калифорния-стрит, он замедлил шаг, восстановил дыхание и снова побежал. В этот момент Матт страстно сожалел о том, что не следовал советам Тиффани и не занимался каждый день бегом, чтобы сбросить лишний вес. Пальто намокло и стало тяжелым. Он снял его и

бросил на дорогу. Лучше умереть от сердечного приступа, чем сдаться, не пробежав сто метров до цели!

Сорок лет он ждал этого дня. Дня, когда он сможет спасти Элиота.

Наконец Матт увидел огни больницы. Пробежав последние несколько метров, он толкнул дверь и скороговоркой прокричал:

— Я ищу доктора Элиота Купера!

— Простите? — переспросила его медсестра.

— Я ищу доктора Элиота Купера, — как можно внятнее произнес Матт.

Молодая женщина протянула ему полотенце, чтобы он вытерся. Она уже собиралась ответить, как вдруг проходивший мимо врач сказал:

— Элиот в кафе. Но посторонним...

Матт сорвался с места, а медсестра крикнула ему вслед:

— Посторонним туда нельзя!

* * *

Матт распахнул дверь кафе. Часы на стене показывали два утра, по радио тихонько играла музыка Нины Симон.

Матт прошел между столами. В глубине зала, сидя спиной к стене, Элиот что-то писал и курил сигарету.

— Привет, старина, как работа?

Элиот вскочил и повернулся к только что вошедшему человеку. Сначала доктор не узнал друга. Но через мгновение, отбросив со счетов десяток лишних килограммов, морщины и лысину, он узнал в незнакомце француза.

— Что, тридцать лет так меняют человека? — поинтересовался Матт.

— Это... это правда ты? — пробормотал молодой врач.

— Он самый.

После минутного колебания мужчины обнялись.

— Ты откуда?

— Из две тысячи седьмого года.

— Но как ты смог?

— Осталась еще одна пилюля, — пояснил Матт.

— Значит, ты все знаешь?

— Да.

— Прости меня за все, — извинился Элиот.

— Не волнуйся...

— Как ты там, в две тысячи седьмом? — поинтересовался Элиот, горя желанием узнать о жизни в будущем.

— Старею, — улыбаясь ответил Матт. — А так ничего.

— Мы все еще в ссоре?

После недолгого молчания Матт посмотрел другу в глаза и сказал:

— Ты умер.

Наступило молчание.

Слышно было только, как на улице стучит дождь.

Не в силах произнести ни слова, Элиот непонимающе моргал глазами.

Матт собирался что-то сказать, как вдруг из носа у него пошла кровь, а судороги стали сотрясать тело.

— Я уйду! — крикнул он, цепляясь за Элиота.

Матт судорожно согнулся пополам, как будто его тело пронзил электрический разряд.

— Я пришел, чтобы тебя спасти, — с трудом произнес он.

Он сильно дрожал, и Элиот заботливо усадил его на пол.

— И как ты собираешься это сделать? — удивленно спросил он.

— Вот так, — сказал Матт, вырывая изо рта у Купера сигарету и раздавливая ее о каменный пол.

Элиот встревоженно посмотрел на друга, бьющегося в судорогах.

— Если я буду еще жив, мы встретимся в две тысячи седьмом году, — предложил Элиот.

— Ты обязан там быть, старина.

— Тридцать лет — это долгий срок, — заметил Элиот.

— Не волнуйся, время летит быстро.

Через несколько секунд дыхание Матта стало хриплым и шумным. Перед тем как исчезнуть, он только успел добавить:

— Все в жизни проходит быстро...

* * *

Элиот поднялся, обеспокоенный здоровьем друга. Возвращение Матта в будущее прошло более болезненно, чем возвращение его собственного двойника. Вернулся ли француз в свое время? И как он себя чувствует?

Как и всякий раз, когда он нервничал, доктор достал из пачки сигарету и с удовольствием затянулся. Несмотря на ливень, он открыл окно и стал смотреть на дождь, падающий стеной на город. Элиот не спеша докурил сигарету.

Он прекрасно понял, что хотел сказать ему Матт.

Он подумал о риске, на который пошел его друг, для того чтобы спасти ему жизнь.

— Ты меня спас, дружище! — благодарно сказал он, всеми силами души надеясь, что Матт услышит эти слова.

Он раздавил окурок о подоконник и выкинул начатую пачку сигарет в корзину.

Это была его последняя сигарета...

* * *

2007 год

Было два часа утра, но в домике Илены все еще горел свет.

На столе между компьютером и чашкой остывшего чая лежала тетрадь Элиота, раскрытая на последней странице.

Илена проплакала несколько часов. Вконец обессилев, она задремала, сидя за столом. Из забытья ее вывел персидский кот. Он неожиданно вскочил, зашипел и бросился, поджав хвост, под шкаф.

Стены дома тряслись, лампа лопнула, ваза упала на пол. Испуганная Илена вскочила со стула.

И вдруг тетрадь в кожаной обложке испарилась прямо у нее на глазах. Все стихло. Кот осторожно выполз из-под шкафа, жалобно мяукая.

И тут в голове женщины зародилась безумная мысль:

Если тетради не было, значит, Элиот ее не писал.

А если Элиот ее не писал, значит, он жив!

Эпилог

Февраль 2007 года

— Месье? Все в порядке, месье?

Матт открыл глаза и обнаружил, что лежит на руле джипа. С двух сторон в окна стучали полицейские, обеспокоенные его состоянием. Матт поднял голову и открыл окно.

— Я вызову скорую, — сказал один из полицейских, увидев окровавленную рубашку Матта.

Француз чувствовал себя ужасно. В голове гудело. Тело онемело, как будто он проспал несколько месяцев. Матт вышел из машины и поднес к глазам руку, защищаясь от яркого света.

Полицейские забросали его вопросами. Оказалось, что джип снес металлический забор и затормозил на ступеньках лестницы. Матт показал документы и прошел тест на содержание алкоголя в крови. Результат был отрицательным. Избавившись от служителей порядка, он ушел с Ломбард-стрит, не дождавшись скорой помощи.

После вчерашней грозы небо просветлело, и солнце ослепительно блистало в вышине.

Уставший и невыспавшийся, Матт пошел к дому Элиота. В голове царил полный сумбур. Француз ни в чем теперь не был уверен. Выдумал ли он это путешествие во времени или оно было на самом деле? Удалось ли ему спасти Элиота или тот уже мертв?

Подойдя к дому Купера, Матт начал бешено колотить в дверь:

— Открой, Элиот! Открой же!

Но в доме никого не было. Матт в слезах опустился на тротуар. Он сидел так, отчаявшийся и уничтоженный, когда из-за угла появилось такси и остановилось перед ним.

Илена вышла из машины и с надеждой посмотрела на Матта, но он отрицательно покачал головой, признавая свою неудачу.

Он не смог сдержать данного ей слова, ему не удалось вернуть Элиота.

* * *

В смятении Илена перешла улицу и прошлась немного по пляжу.

Перед ней возвышался Голден Гейт. Впервые она осмелилась посмотреть на этот проклятый мост, с которого спрыгнула тридцать лет назад. Он словно притягивал к себе ее взгляд. Илена пошла по направлению к морю. По берегу вдоль волн шел человек. Когда он обернулся, Илена увидела его лицо, и сердце ее радостно сжалось.

Это был Элиот.

notes

Примечания

1

Тандерберд (от англ. *Thunderbird* — «гром-птица») — название модели автомобиля марки «Форд». — *Здесь и далее примечания редактора.*

Мир и любовь (англ.).

Голден Гейт («Золотые ворота» — от англ. *Golden Gate*) — пролив, соединяющий бухту Сан-Франциско с Тихим океаном. Так же называется висячий мост, построенный через пролив в 1937 году.

Туманный горн — запасное звуковое сигнальное средство на плавучих маяках, предназначенное для подачи сигналов. Представляет собой коническую трубу с вибратором в узком конце. Вибратор колеблется от сильной струи воздуха, пропускаемой через трубу ручным насосом. Раньше туманный горн применялся на судах в качестве звукосигнального устройства.

Французы называют этот автомобиль «коксинель» (от фр. *coccinelle* — «божья коровка»).

6

Фешенебельный район Сан-Франциско.

Перигор — бывшее графство во Франции в департаменте Дордонь.

Treasure Island (*англ.*) — искусственный остров в заливе между Сан-Франциско и Оклендом.

Наяды — в греческой мифологии были нимфами водной стихии.

Растакуэр (от фр. *rastaquouère* — «подозрительный тип, авантюрист») — прожигатель жизни.

Марвин Пени, Гей — чернокожий певец, музыкант и автор песен, стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза. Прославился как исполнитель лирических баллад.

Хэмфри Богарт — американский киноактер, исполнявший роли «крутых парней» — детективов и гангстеров.

«*Старски и Хатч*» — американский сериал о полицейских, который с успехом демонстрировался на телеэкранах с 1975 по 1979 год.

Фриско — Сан-Франциско на сленге хиппи.

Дженис Джоплин — американская исполнительница в жанре блюз-рока и психоделического рока. Считается величайшей вокалисткой в истории рок-музыки.

Джимми Хендрикс — знаменитый рок-музыкант, гитарист-виртуоз, которого часто называют королем гитары.

Хейт-Эшбери — рабочий район Сан-Франциско.

«*Let it be*» (в пер. с англ. «*Пусть будет так*») — одна из самых известных песен группы «Битлз» (*The Beatles*).

Онлайн-энциклопедия (от англ. *on line* — «на линии»,) — электронная версия энциклопедии, мгновенно предоставляющая пользователю любую имеющуюся в ней информацию по запросу через функцию «поиск».

«Федерал Экспресс корпорейшн» («Федэкс») — крупнейшая в США частная почтовая служба срочной доставки небольших посылок и бандеролей.

Плацебо (от лат. *placebo*, букв. — «лесть», «понравлюсь») — физиологически инертное вещество, используемое в качестве лекарственного средства, положительный лечебный эффект которого связан с подсознательным психологическим ожиданием пациента.

Вандер Вумен (от англ. *Wonder Woman* — «чудо-женщина») — персонаж американских комиксов: женщина супергерой, принцесса амазонок с острова Темискира.

Ю шуд би дэнсин (англ. *You Should Be Dancing* — «Вы должны танцевать») — песня английского трио «Би-Джиз» (*The Bee Gees*), получившего популярность в 60-70-е годы XX века.

Боб Дилан — американский певец, композитор, поэт-песенник. В своих песнях он часто затрагивал остросоциальную тематику.

«*Born To Run*» (в пер. с англ. «Рожденный, чтобы бежать») — название песни и альбома, выпущенного рок-музыкантом Брюсом Спрингстином в 1975 году.

Параплегия — паралич обеих нижних или верхних конечностей.

Стиви Уандер — слепой от рождения чернокожий музыкант и композитор.

Карл Льюис — знаменитый спринтер, двукратный олимпийский чемпион.

С тобой или без тебя (*англ.*).